

ВЕСИ

№ 4, 2023

И.Старцева. Мои чужие города.

«ДЕКОРАТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ» ИРИНЫ СТАРЦЕВОЙ

*«Нарисуй на стене моей
то, чего нет...»*

Б.Гребенщиков.

Ирина Старцева – человек, который видит мир ярким.

Она родилась в Свердловске, принадлежит к поколению людей, у которых было советское детство, «перестроечная» студенческая юность и «постперестроечное» начало трудовой деятельности.

Родители – сотрудники Уральского научного центра Академии наук СССР: Борис Петрович Старцев и Нина Дмитриевна Шаманова – кандидаты технических наук. В семье увлекались научной и художественной литературой, искусством, собрали дома большую библиотеку лучших отечественных и зарубежных авторов. Выписывали «Науку и жизнь», «Химию и жизнь», «Квант», «Роман-газету», «Литературку», «Иностранку», «Пионер», «Юный натуралист», «Юный техник», «Юный художник» и др. В семье существовал культ книги и стремление к саморазвитию. Борис увлекался рисованием, подрабатывал художником-оформителем и писал стихи, Нина Дмитриевна сочиняла детские сказки, прекрасно пела.

Ирина рано заметила, что «чем богаче внутренний мир человека, тем больше он может дать миру внешнему»...

А далее:

– с 11 лет занималась живописью в детской изостудии при ДК Горького, у Евгения Тимофеевича Ершова. Как педагог он был прекрасен, преподавал в классическом ключе и в традиции старой школы: альбомы образцов, узоры для копирования... Гипсы и натюрморты. Часто водил в Картинную галерею, на выставки, заложил основы ремесла. А позднее – Школа юного архитектора, в которой практиковалась в рисовании, осваивала различные технические приемы: коллаж, печатную графику и т.п., занималась объемным моделированием. Слушала лекции Анри Юрьевича Каптикава.

Параллельно экстерном окончила художественную школу № 1. И поступила в Свердловский архитектурный институт. По окончании – работа в ПРОМСТРОЙНИ-ИПРОЕКТе Свердловска: привязка типовых проектов, разработка интерьеров... Пока, в одно прекрасное утро, начальник отдела Ангелина Челогужева со словами, обращенными к художнику: «Как же мне надоели эти ехидные рожи на полях документов», – привела Ирину в свежесформированное Творческо-производственное объединение мультипликации на Свердловской киностудии.

И новое обучение, а параллельно и работа, под руководством именитого режиссера-аниматора Сергея Айнутдинова (ныне председателя Екатеринбургского отделения Союза художников России) уже в профессиональном кино – на Свердловской киностудии. Творческий коллектив единомышленников создал такие мультфильмы, как «Айнутдизм», «Татарский шуточный танец»...

Далее в творческой биографии И.Старцевой – работа на 41-м канале ТВ, создавала, вместе с Н.Беликовой анимационную рекламу, работала инспектором в НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области. Затем – сотрудничество с издательствами «Филантроп», «Аристократ», ИП «Пиджаков», «Банк культурной информации». И, говорят, круг замыкается – пропаганда книг в библиотеке родного УрГАХУ.

Участвовала в IV конкурсе иллюстрации для детей, 1992 г., Кьоджа – Венеция; Eurohumor 1993 – Biennale Internazionale del Sorriso, Кунео (Италия), 1993 г.; Традиционной весенней выставке Союза художников, Екатеринбург, 1994 г.; Художников кино Урала, Екатеринбург, 1995 г.; печатной графики ЕО СХ. Екатеринбург, 2020 г.; ежегодной международной выставке «Мини-принт» (Mini Print Internacional de Cadaques), Барселона, Испания (с 2017); Ирбитском пленэре (2020)...

Блиц-опрос:

– Любимые художники: Боттичелли, Врубель, Серов, Бакст, Эль Греко, Веласкес, Гойя, Бердслей, Пикассо. И наши: Виталий Волович, Александр Мицник, Алексей Рыжков, Алексей Ефремов...

– Любимые писатели: Достоевский, Тургенев, Леонид Андреев, Гоголь, Маркес, Кортасар, Борхес...

– Темы и сюжеты?.. Волнует то же, что и всех: жизнь, любовь, смерть. Темы с возрастом не меняются, меняется их раскрытие. Причем – зачастую неожиданно.

– Мир в целом очень устойчивая конструкция. И при этом – очень абстрактная. Попробуй-ка сделать абстракцию добрей и лучше! А вот отдельного человека... Но, опять же, человек должен быть подготовлен к такому восприятию, поскольку оно, по сути, – потрясение основ. Не каждый человек способен такое выдержать.

– «Мое искусство»?.. – это слишком громко сказано, я не отношусь к себе столь серьезно. Хотя... Эмоция – первооснова. А в процессе работы направляешь ее в четко структурированное русло, отбрасываешь несущественное... Без разума не создашь ничего сколько-нибудь стоящего.

– Стиль творчества?.. Наверное – декоративный реализм.

– Что для меня архитектура?.. АРХИТЕКТУРА – это Красота. Деяние человека. Среда обитания. Несбывшееся... Любимый стиль? – Модерн, конечно же! Сталинский ампи́р. Конструктивизм.

– Творческие планы и мечты?.. – Быть. Рисовать. Сделать всё, что должна и хотя бы немного того, что хочется. Мне всё еще интересно, что будет дальше.

Светлана Гаврилова.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
д.и.н. С.В.Голикова
(Екатеринбург)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
к.т.н. Я.Л.Либерман
(Екатеринбург)
Я.С.Недвиг
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко

чл.-кор. РАН, д.и.н.
И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин
(Екатеринбург)
С.П.Садовников
(Москва)
Б.В.Соколов
(Екатеринбург)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.А.Фролова (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко
(Екатеринбург)

Корректор номера
Дмитрий Андреев

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ: АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
Учреждение культуры 620100, г. Екатеринбург,
«Банк культурной п/о 100, а/я 51
информации» сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и
со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной
почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные
для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке: Живопись Ирины Старцевой (1) «Русалочья ночь».
(4) «Ничейный бог».
Подписано в печать 20.08.2023 г.

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

12+

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

Любое слово – сказанное, или услышанное, или прочитанное – связано с мышлением. Где-то там, в нашей голове, в нашей душе, находится хранилище ценностей, которые нам свойственно выражать словами. Такое хранилище есть у каждого, просто его содержимое – разное, и, следовательно, качество и набор слов – тоже разные. И надо заметить, что знаменитая Элочка-Людоедка по сравнению с отдельными представительницами современности производит впечатление образованной и высококультурной особы.

Важно отметить, что от содержимого этого самого хранилища зависит качество человека, качество его слов и поступков, его статуса как индивидуума и его уровень взаимодействия с окружающей средой.

А содержимое наших хранилищ во многом зависит от информации. Во-первых, это качество информации. Оно включает в себя и богатство языка, и правильность речи, и предмет обсуждения, и ракурс подачи темы, и еще многие общие и частные понятия. И не одна инструкция по написанию материала, которыми сегодня пестрит Интернет, не поможет человеку выбрать тему, определить интересный ракурс ее подачи, раскрыть ее богатым языком и главное – иметь свою точку зрения, свою позицию в вопросе.

Во-вторых, продукт информации. Почему-то сегодня принято считать, что у людей стало какое-то другое мышление – клиповое. Мышление оно как беременность – либо есть, либо нет. Если через 7 (10, 12, 14, 17) секунд человек перестает вас слушать или читать, значит, ему просто стало неинтересно. И почему мы свою неспособность интересно подать материал прикрываем деградацией мышления наших читателей...

Ну, правильно, сам дурак! Конечно, время вносит изменения в темы, способы подачи, меняется язык как живая структура, но неизменным остается профессионализм. Должен оставаться... А то получится, как с корреспонденткой одного екатеринбургского телевизионного канала, которая участвовала в пресс-конференции с Владимиром Спиваковым, он сидел со скрипкой в руке на фоне своей афиши, где играл на скрипке, а корреспондентка, долго готовясь, задала свой «гениальный» вопрос: «Расскажите нашим телезрителям, на каком инструменте вы играете?»

В-третьих, ответственность журналиста. Лично я в это понятие вкладываю очень многое: и профессионализм, и порядочность, и здравый смысл, и способность принимать решения и отвечать за них.

Одно из главных для человека понятий – это качество жизни. А качество – оно состоит из множества взаимозависимых вещей. И если хоть один из параметров «проседает», то само понятие «качество» становится условным.

Но у каждого из нас всегда есть выбор.

Татьяна Богина,
главный редактор.

ВЕСИ

№ 4 (193) 2023
май

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Светлана Гаврилова</i>	
«Декоративный реализм» Ирины Старцевой.....	1
<i>Рустам Саитов</i>	
Град Екатерины	4
<i>Владимир Шкерин</i>	
Смерть инженера.....	34
<i>Людмила Дугарь-Толкач</i>	
Выпускники Златоустовского учительского института	46
<i>Валерий Суриков</i>	
Воздушный «язык»	62
<i>Максим Басок</i>	
Мемуар о жизни на Крауля – Это было так недавно... ..	66
<i>Галина Гулина</i>	
«Руш» в судьбе одной семьи.....	72
<i>Павел Стихин</i>	
Цирк на «Розочке»	78

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничей

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO clubs,
centers and associations

РОСОТРУДНИЧЕСТВО
РАСОТРУДНИЧЕСТВО

РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства ТИССИН.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Исполнительного
совета Всемирной Федерации АИЖ ЮНЕСКО,
казначей Европейской
федерации АИЖ ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

ГРАД ЕКАТЕРИНЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рустам САИТОВ

Член Союза писателей России,
г. Екатеринбург.

Пролог

Над излучиной реки парил огромный старый коршун. Ветер подхватывал его и носил кругами над замершей землей. Под ним расстилалась пустота и белое безмолвие бесконечного пространства. Река, петляя, разрезала береговыми скалами темно-зеленую опушку земли. Куда ни кинь взор, единый, не нарушающийся веками знакомый рисунок существовал сам по себе, жил, не изменяясь и не желая изменяться. Только времена года одевали его в разные одежды, да день с ночью передавали из рук в руки, меняя до неузнаваемости. Коршун закончил круг и, поймав встречный поток воздуха, завис на месте. Зоркие глаза высматривали добычу. Вот стайка рябчиков выпорхнула из-за деревьев на поросшую кустами просеку в поисках опавших ягод. Коршун опустился пониже и приготовился к атаке. В этот момент он заметил какое-то движение вверху справа и едва успел уйти от молодого сапсана, увидел только промелькнувшие рядом с головой крепкие когти непрошеного гостя, которые на лету легко могли бы оторвать голову взрослому тетереву. Коршун рванул в сторону и услышал свист крыльев набравшего высоту наглого незнакомца. Сапсан задержался на мгновение в верхней точке и опрокинулся вниз на жертву, превосходившую его

по размерам в несколько раз. Коршун успел перевернуться в воздухе и выставил вперед на обидчика свои огромные когти. Сапсан моментально среагировал и, сделав крутой вираж, ушел вниз, в сторону скал. Это и спасло обоих от неминуемой схватки, из которой живым, скорее всего, вышел бы только один. Коршун, позабыв про рябчиков, поспешил к лесу, домой. Он был слишком опытен и знал, что это не последняя встреча. Знал он и то, что молодой нахал не отступится от притязаний на его уголья, если не задать ему хорошей трепки. Но сапсан не ворона и даже не молодой коршун-несмышлениш. В глазах до сих пор стояли его когти, промелькнувшие мимо головы с такой скоростью, с какой коршуны никогда не летают. Старый начал спускаться вниз, и пространство вокруг него стало сужаться, пока не приняло, наконец, размеров гнезда...

Зима, начало 1721 г.

Зима в Тобольске в январе 1721 года стояла морозная. Хорошо, что ветра декабрьские всю силу свою выдохнули и замерли. После Нового года установилось затишье, только нет-нет, да налетит вдруг ветерок, приподнимет поземку и исчезнет, как не бывало. В такую погоду и на карауле не в пример легче стоять, и строевой муштрой заниматься. А уж земля-то, да под новое отхожее ме-

сто копать, уж куда как легче. Хотя копать, конечно же, лучше летом. Да летом, вроде, и собирались. Но в армии не надо ведь чтобы служили. В армии надо чтобы мучились. А солдату в его жизни нелегкой любая помощь впору. Даже безветрие при выкапывании ямы зимой. А тут еще и от земли, прогретой большим костровищем, шел пар, и даже как-то чудно казалось – зима вокруг, а земля парит, как в летнее пекло. Хорошо. Да и передых объявили. Да и ужин не за горами. А на ужин, разведка донесла, гороховая каша с требухой. Одним словом, все крошки в ложку.

Солдаты достали кто кистет, кто трубочку, и заструился разговор, посветлели лица, послышались первые смешки. Побалагурили маленько, и незаметно так, будто дорога неожиданный поворот делает, свернули на вечное, наболевшее. Слово взял Андрюха Журавлёв, молодой статный солдат. Он снял шапку, взъерошил черные кудри, водрузил шапку на место и, сверкнув синими глазами, заговорил: «До весны дожждаться и рвануть. Чай, с голodu не помрешь. А по лесным-то дорожкам богатеньких мно-ого ездют. Успевай, поворачивайся. А там, как Господь на душу положит. Случится фарт – разжиться деньгой, да айда в Сибирь. Места там много, не найдут. Да и жить себе, поживать вольно».

– А если найдут, или, предположим, нарвешься на лихого кого, – в противовес ему вставил свое слово курносый сосед, – сам тебе все косточки пересчитает. Андрюха отмахнулся, – а ты, Земцов, завсегда так. У тебя на всё один ответ – ежели, да кабы... Ты, вот, в уборную эту не ходи потом.

– Почему это не ходи? – удивился Земцов.

– А вдруг провалишься?

Солдаты дружно рассмеялись. Земцов тоже улыбнулся.

– И ночью не спи, – подхватил другой солдат.

Земцов вопрошающе посмотрел на него.

– Почему это не спи?

– А вдруг помрешь во сне!

Все снова закатились от смеха.

– Да ну вас, – отмахнулся Земцов и задумался о чем-то.

– А куды лучше рвануть-то, а Андрюха? – спросил тот же солдат.

– Да хоть под Невьянск, хоть на Каму. А то, глядишь, и на Волгу.

– Эка хватил, на Волгу!

– Да куды ноги понесут, только бы не здесь под унтером в дерьме копать.

– Да уж. Волков бояться – с козлами жить.

– Молодца, Иван, – похвалил Андрюха сметливого сослуживца, – в точку попал!

Около служивых начал крутиться солдат по прозвищу Сморчок. Маленький, тщедушный мужичок со злым взглядом свинячих глазенок. Андрюха подозрительно глянул на него и окликнул, – эй, Сморчок! Ты чего тут уши греешь?

– Кому Сморчок, а кому Елпидифор Дормидонтыч! – огрызнулся тот.

– Сопля ты куриная, подь отсель, пока не вытянул, – строго сказал Андрюха.

Сморчок сделал неприличный жест рукой и убежал прочь. Солдаты заулюлюкали ему вдогонку.

– Да, братцы, полк наш без Сморчка, что деревня без дурачка!

Солдатский смех стал еще сильнее. Тут, как черт из табакерки, появился унтер.

– Хватит байки травить. А ну, вставляйте, да за лопаты. Не хер мне тут расслаивать!

– Подождал, пока солдаты не принялись за работу. – В Уктус приехал новый горный начальник, капитан Татищев. Говорят, шибко строгий. И то хорошо! Снимет с вас стружку-то. Завтра отправитесь к нему, бездельники! Послужите. Хватит здесь даром хлеб жрать!

В кабинете Татищева¹ в этот вечер засиделись допоздна. Вся Уктусская слобода давно уже видела первые сны, а в здании Горного управления Василий Никитич и его соратники берг-мейстер Иван Иванович Блюэр² и берг-фогт Иван Федорович Патрушев занимались делами, которых накопилось невпроворот. Ну, заодно и ужинали.

Татищев повернулся к Патрушеву:

– Я тебе, Иван Федорович, вот что скажу: коли велено государем взять под контроль все уральские заводы, так и надо взять! А главное – расшевелить это «горное царство» местных заводчиков, да разобраться, что тут у них к чему. Вот, к примеру, Демидовы: в Берг-коллегии нет никаких сведений об их заводах. Какова их действительная мощность, производительность, исходя из чего они назначают цену на свою продукцию? Продают они ее только казне или еще кому? Почему десятину в казну не платят? Чего ждать от этих заводов в даль-

¹ Василий Никитич Татищев. Потомственный русский дворянин. Капитан артиллерии. Участвовал во взятии Нарвы и в Полтавской битве. Изучал за границей инженерное дело, артиллерию и математику. Человек разносторонних энциклопедических знаний. Служил порученцем у президента Берг-коллегии Якова Вилимовича Брюса, в бытность того начальником артиллерии Российской армии. Лично встречался с Петром. Рекомендован Брюсом государю как руководитель инспекционной группы для поездки на горнозаводской Урал. Утвержден лично Петром.

² Иоганн Фридрих Блюэр. Саксонец по происхождению. На русской службе с 1699 г. Имеет огромный опыт по поиску рудных месторождений в разных районах России. Прекрасный инженер-практик. Правая рука Татищева. Прибыл с ним в одной группе.

нейшем? Берг-коллегия уже пыталась раздобыть эти сведения. Сначала через тобольскую канцелярию Сибирского генерал-губернатора. Канцелярия отмолчалась. Затем был здесь сенатский кабинет-курьер Голенищев-Кутузов. Но Демидов отнесся к нему безо всякого почтения, и, как говорится, «учинился противен, ведомостей не дал и уехал с заводов в Санкт-Петербурх».

Патрушев согласно закивал:

– Да, помню, помню, было такое. Так ты чего хочешь, Василий Никитич? У Демидовых мощна большая, на всех хватит...

– Да, всех и вся они к рукам прибрали. Но мы на то сюда и посланы, чтобы порядок навести. И наведем! Что скажешь? – не унимался Татищев.

– Мне дожить бы спокойно, сколько господь отвел, да я бы и этому был рад. На то, чтобы горы сворачивать, у меня силенок уже нет.

– Ладно, Патрушев. Я с тебя много не требую. Ты, главное, рядом будь. Мне голова твоя в делах вот как нужна. Опыт, да совет твой.

– За этим дело не станет.

Патрушев поднялся из-за стола, начал одеваться.

– Пойду я, пожалуй. Что-то нездоровится мне.

– В добрый час, Иван Федорович. Иди, отдыхай. А завтра езжай в Верхнекаменский завод, посмотри, как там дела. Главное: можно ли там усиление производству сделать. Проверь, как плотину восстановили. А я днями приеду.

Патрушев попрощался и вышел. Татищев продолжил разговор с Блюэром.

– Нас государь сюда прислал. С нас и спрос будет. Что скажешь, Блюэр?

– Да я, Василий Никитич, в административных-то делах не

особо сведущ, мне инженерия как-то ближе будет. И вижу я в этой епархии разруху премногую. На заводах не припасено ни угля, ни руды, денег нет для найма с воли, мастеровые разбрелись, а наделанное железо не перевезено на пристань и лежит на складах при заводах.

– Да, твоя, правда, Иван Иваныч. Тут ты дока. Ну, тогда тебе и карты в руки, излагай, как на твой манер ситуацию исправлять надобно.

– Карты или ландкарты? – пошутил Блюэр.

Татищев рассмеялся, достал из шкафа большую карту и расстелил на столе.

– В карты играть недосуг нам. А шутку всегда ценю. Ну, излагай.

Блюэр всмотрелся в карту и продолжил свою мысль:

– Под Кунгуром руды все в песке и постоянства не имеют. Думаю, выгоднее всего организовать добычу на реке Мулянке. Там залежь и побогаче будет, и ближе к поверхности. Надо только, чтобы за нее плата исправная людям шла.

– Это я организую. Пока своих пошлем, а там, глядишь, и местные подтянутся. А то ведь, кто в Сибирь от бывшего горного начальства сбежал, кто от башкирских набегов в страхе живет. Лютуют башкиры.

– А кто бы не испугался, когда на тебя конница дикая летит?!

– Да, ты прав. Ну, да ничего, найдем и на них управу. В Кунгуре и Полевском нужно поставить артиллерийские заслоны. На картечь нарвутся, вмиг охота пропадет набеги совершать. Сам лично съезжу, организую оборону. Солдат попрошу прислать побольше. Об этом я в Берг-коллегию отпишу. Кстати, с Тобольского полка днями людей пришлют. Так, с этим всё мне понятно. Ты мне, Иван Иваныч, вот

что скажи, – какое твое мнение будет по уктускому заводу?

– Комиссар здешний, Тимофей Бурцев³, мужик справный, дело знает и любит. Из кожи вон лезет, да что толку-то. В прошлом году и трех тысяч пудов не дали. Домна стоит уж два года. Мощности слабые. Умножения им чинить невозможно. Из-за нехватки воды молоты по нескольку месяцев простаивают. Не знаю, что тут и удумать.

Татищев подошел к столу и склонился над картой.

– Есть у меня одна мыслишка. Смотри. Вот тут, выше по течению, верстах в семи-десяти, Исеть широкая, полноводная. Думаю, здесь место для плотины поискать. Только бы дно из гранит-камня было.

– Эх, у Чудской царицы спросить бы. Она-то уж верно место указала бы, – с усмешкой произнес Блюэр.

Татищев улыбнулся и спросил:

– Ты это о чем, Иван Иваныч? Что за царица такая? Или шутишь ты?

– Да, слышал я, у вогулов предание существует о царице Чудской, хозяйке здешней. Она и камень, и металл в этих краях стережет. Да не всем открывает. Только тем, кто во благо ее народа, а не себе эти знания использует.

– Хорошая сказка, Блюэр. Кстати, хорошо, что напомнил. Давно хочу я к вогулам съездить. Ты ведь знаешь, что историю российскую пишу я. А тут такой огромный край, древние традиции. История уральской земли, – очень изрядная тема, и мало раскрытая. Заодно и ландкарты новые надобно составлять. Нам этот край обживать. Да и тем, кто за нами придет, всё, что мы сделаем, – пригодится. Ну, сбил ты меня с мысли-то

³ Бурцев – горный комиссар. Заведовал поставкой стройматериалов и инструментов.

своей царицей. Так вот, место надо на самом широком берегу найти и плотину бить. Да поставить завод на четыре домны, да на сорок молотов!

– Эка хватил! На сорок!

– А ты думал! Да чтоб давал в год двести тысяч пудов железа. Самый мощный в России завод-исполин! Да что в России – в Европе! Крепость поставим. И будет здесь центр горнозаводского Урала! Город-крепость, город-завод! Вот тогда и Демидовым нос утрем, и всем остальным. А металл наш наипервейшим будет. Чтоб вся Европа перед клеймами уральских мастеров голову в уважении склоняла!

– Виват!

– Виват!

Оба подняли бокалы и выпили за будущий город-крепость, за славу российскую.

– Большое дело ты, Василий Никитич, затеял. Осилишь ли?

– Да что я – один? Ты вот есть, Бурцев Тимофей, Иван Патрушев, да еще десяток наберется. Для начала хватит. А главное, с нами Петр Алексеич, государь. С ним-то мы нешто Урал не перевернем?! Всё, брат, одолеем. Давай, Иван Иваныч, за государя-императора Петра Алексеича, за здравие его!

И снова подняли бокалы. Блюэр встал из-за стола, да так и остался стоять в нерешительности. Чуть погода, произнес:

– Спасибо тебе, Василий Никитич, за хлеб-соль. Запозднил-ся я что-то. С тобой время-то как незаметно летит. Вот всегда так. А нам, старикам, супротив вас, молодых, за столом не вы сидеть. Бывай, что ли, до завтра.

– Да какой ты старик, Иван Иваныч! Ты, конечно, иди, если надо. Я, собственно, не против, только вот... – Татищев, хитро прищурившись, посмотрел на Блюэра.

– Что там еще? – спросил тот, ожидая какого-нибудь подвоха.

– По старинному русскому обычаю...

Блюэр вздохнул и громко хмыкнул:

– Вот же пиявка! Ну, наливай...

Выпив «на посошок», Блюэр оделся и пошел к дверям. Татищев с какими-то бумагами в руках догнал его.

– Посмотри, Иван Иваныч, я тут чертежи будущего завода составил. Окинь, как говорится, своим опытным взором, может, что от себя присоветуешь. Буду план в Берг-коллегию посылать. Сейчас и займусь.

– От, ты змей, Татищев! Са-мое вкусное напоследок придержал. Давай уж. А я ведь знаю, почему ты их доселе не показывал.

– Интересно, почему же?

– Да пожалел ты меня старика. Ведь, разложи ты их на столе, я б к утру только домой сподобился.

Василий Никитич развел руками, мол «а кто бы в этом сомневался!» Блюэр ушел. Татищев задул все свечи, кроме одной, сел за стол, взял бумагу, перо и начал писать. Свеча стала гаснуть. Огонек несколько раз вздрогнул, трепыхнулся и погас. Голова как-то сама собой удобно легла на руки...

...Неожиданно комната наполнилась чудным сказочным светом. Татищев поднял голову и огляделся. Перед ним в ореоле зеленого сияния стояла молодая вогулка невиданной красоты. Волосы иссиня-черные, на голове затейливая корона из золота и драгоценных уральских камней. Одежда украшена монистами из серебра и злата. На пальцах перстни тончайшей работы, но главное – взгляд. Темный густо-зеленый

свет струился из глаз красавицы и пронизывал, завораживая и подчиняя. Татищев застыл, пораженный ее красотой, напуганный появлением и околдованный взглядом.

– Кто ты? – только и смог хрипло вымолвить он.

– Я – Чудская царица. Хозяйка этих мест.

– Что хочешь ты от меня? Зачем ты здесь?

– Знаю я, что собираешься ты завод-крепость ставить на Исети-реке. Ищешь место для плотины.

– Откуда тебе это известно? Я ведь никому...

– Мне всё известно. Здесь моя земля и мой народ. И все тайны здесь мне открыты. Я могу помочь тебе.

– Чего ты хочешь?

– Что, одолевают тебя башкиры?

– Да, мешают сильно.

– Они и мой народ притесняют. Построишь крепость, власть свою укрепишь, тогда и с ними управишься. И мне спокойней будет. Я покажу тебе место для плотины, но с одним условием.

– Слушаю тебя!

– Запрети и своим людям грабить мой народ, убивать мужчин и насиловать женщин. А главное, крепче всего, запрети им осквернять наши капища, пусть оставят наши святыни в покое. Это мои условия.

Татищев, загипнотизированный взглядом царицы, только и смог выдавить из себя:

– Я согласен. Всё исполню, как велишь, – затем подался вперед, пытаюсь приблизиться к царевне. Она, словно угадав его движение, отошла к двери.

– Иди за мной, – и исчезла за дверью.

Татищев, схватив на ходу шубу и шапку, выскочил вслед за ней, одеваясь на ходу. На улице, в красивых нартах, за-

пряженных четверкой северных оленей, сидела царица. Она жестом показала Татищеву на место в санях возле себя. Татищев быстро сел, и они тронулись. Олени быстро понесли их по ночной дороге. Из-под полозьев саней вылетали серебряные искорки снега и падали на обочину, оставляя светящуюся дорожку. Вот нарты свернули с дороги и помчались по снежной целине замерзшей Исети.

– Запоминай дорогу, – крикнула капитану красавица. Тот кивнул в ответ и стал внимательно смотреть вокруг. Подъехав к крутому правому берегу, нарты остановились. Царица сошла на снег и, поманив жестом Татищева, легко взобралась наверх. Казалось, будто снег под ее ногами даже не проваливается. Татищев с трудом карабкался сзади и, выбиваясь из последних сил, наконец, одолел кручу. Наверху у высокой ели стояла царица.

– Вот здесь, поперек реки лежит гранитный пояс. Видишь, на том берегу сломанную сосну? До нее веди линию, это и будет местом для плотины.

Татищев огляделся. Нарты с оленями куда-то исчезли, как и не бывало их. Он повернулся назад, но царицы нигде не было. Сразу, откуда ни возьмись, налетел ветер и начала кружить метель. Татищев плотнее запахнул шубу, попытался завязать шейный платок, но порыв ветра куда-то понес его. Василий Никитич хотел поймать, бросился вперед и кувырком скатился вниз по глубокому снегу. Скатился, да так и остался сидеть в сугробе. Попробовал встать, но не смог. А снег кружит и заносит его...

...Татищев проснулся, обвел вокруг себя взглядом, будто вспоминая что-то. Затем попытался встать, но не получилось.

Долго растирал ногу. Наконец, с трудом поднялся. Бросился к окну, долго смотрел, потом вернулся к столу и сжал руками голову. В этот момент послышался стук в дверь, и в кабинет ввалился Блюэр.

– Доброе утро, Василий Никитич!

– Здравствуй, Иван Иванович.

– Ты что, не спал ночь-то?

– Не знаю, – ответил Татищев, наливая полный бокал вина и предлагая Блюэру.

– Нет, нет. Я с утра не буду. Ты уж один, без меня поправься, – внимательно поглядев на Татищева, говорит тот, – да ты здоров ли?

Капитан осушил бокал, несколько мгновений постоял с закрытыми глазами и ответил:

– Здоров. Точно. Поехали.

– Куда?

– Покажу место, где плотину ставить будем.

– Василий Никитич, да ты с утра в своем ли уме? Где это видано, чтобы без пробников-то. Давай уж, весны дождемся, лед сойдет, грунт размоем, тогда и посмотрим, можно плотину бить, али нет.

– Некогда нам ждать, Блюэр, сейчас место проверим, да начнем лес под сваи заготавливать.

Блюэр уставился на Татищева ничего не понимающими глазами. Татищев взглянул на Блюэра и начал хохотать. Блюэр стал креститься.

– О, Дева Мария!

Татищев подошел к вешалке, взял шубу и шапку и чертыхнулся. Блюэр испуганно пролепетал:

– О, майн гот, Василий Никитич, что случилось?

– Да, платок шейный куда-то запропастился. Вчера, вроде, здесь висел. Ну, да ладно, поехали.

Татищев вышел первым. За ним семенил ошалевший Блюэр. Они сели в стоящие у кон-

торы сани, и Татищев командовал вознице ехать. Ночью выпал снег. Сани поехали, торя путь по белой целине. Немного не доехав до яра на правом берегу, Татищев остановил сани и выпрыгнул на снег. Следом за ним, кряхтя, вылез Блюэр.

– Здесь поднимемся. Здесь поположе будет, – бросил Татищев и устремился вверх. Поднявшись на взгорок, он увидел большую ель и подошел к ней. Сзади появился запыхавшийся Блюэр. Татищев всмотрелся в противоположный берег и сказал:

– Здесь!

Блюэр забеспокоился:

– Может позвать возницу, пусть зарубки сделает. Мало ли, что... вдруг потом не найдем место.

– Найду, Иван Иванович! Это место я даже ночью найду!

Обоз из нескольких подвод проехал по деревне и уперся в таможенный двор, что стоял перед мостом. Не объехать, не обойти. Сидевшие во дворе солдаты при виде обоза встали и пошли проводить досмотр. Унтер подошел к вознице, что восседал на первой телеге, поднял рогожу и тоже начал осматривать груз.

– Куда везем?

– В Тобольск, – ответил не словоохотливый мужик.

– Указ о десятине знаете?

– А наше дело маленькое...

– Старшой кто?

С последней телеги прыгнул «старшой» и подошел к унтер-офицеру.

– Пропускай, начальник! Мы от Демидова. В Тобольск поковку везем.

– Десятина заплочена?

– Да ты не сумлевайся, начальник, порядок знаем. Разберемся. Давай бумагу.

– Больно прыткий ты. Заходи в избу пока. Сейчас посчитаем всё, тогда и бумага будет.

Старшой с унтером скрылись в конторе таможни. К вознице подбежал молодой солдат.

– Здоров, кум Савелий!

Возница посмотрел на солдата, сначала удивленно, потом радостно. Обнялись, похлопали друг друга по спинам.

– Здоров и ты, Петруха! Эвон, вымахал! Оглоблей не перешибешь. Пошто домой не показываешься? Али зазнался, городским стал?

– Да не, кум Савелий. Я-то бы с радостью. Соскучил по родным местам. Да только кто меня ждет-то. Братан-то вон как радовался, когда меня в рекруты забирали, чуть рожа не треснула. Один на хозяйстве остался. Хузьяин!

– Так он что, к тебе не приезжал вовсе? Кажись, в Тобольск-от не так давно ездил.

– Да не. Он ко мне завсегда заезжат. Тут грех напраслину наводить. Навещает братец-то, навещает.

– Так чего же ты бурчишь на него?

– А так, для порядку!

Оба весело рассмеялись.

– Ты, Петруха, приезжай давай.

Петруха призадумался о чем-то и, наконец, спросил:

– Ольга-то твоя не родила ли часом?

Савелий всплеснул руками:

– От, голова моя пустая! Да родила, мальчонку родила. Племянника твою. Мне внука значит. Приедешь, понянчишь. В вашу, михряковску породу. Федька доволен. В честь батьки Фролом назвал.

– В честь батьки, говоришь, – это хорошо. Ладно, уж, тут, как говорится, никуда не денешься. Придется попроведать. Заодно к тятю, да к мамке на могилку схожу. А то ить и вправду нехорошо, давно не был.

– Вот и я говорю, – племяша, потискашь, да девок по-

щупашь. Девок, Петруха, развелось, не поверишь! Да все девахи-то нынче пошли таки справные... Эх, Морозова! Не хошь сама, зови подругу!

Оба зашлись смехом. Петруха махнул рукой.

– Уговорил. Завтра унтеру поставлю с уваженьцем, да махну домой на пару-тройку деньков. Эх, кум Савелий, раззадорил ты меня!

Кум оглянулся по сторонам и заговорщицки спросил Петруху:

– Ты как с начальством-то? Ладишь?

Петруха улыбнулся.

– А что, начальник у меня мужик добрый, с ним завсегда договориться можно.

– Ежли договориться можно, то это хорошо. Очень даже это хорошо.

– Ты про чё, кум? – заинтересованно спросил Петруха.

Савелий огляделся по сторонам и, заговорщицки подмигнув проговорил, сбавив голос почти до шепота, – а вот, предположим, дадим мы хорошую мзду твоему начальнику, он нас без десятины пропускать будет. И нам хорошо, и ему неплохо. А? Как смекаешь?

– Да мне-то что, попробовать можно, – не сразу ответил огорошенный таможник.

– Так и про тебя не забудем. Кому надо заплотим, будешь унтером. Сам тогда здесь командовать станешь. Что глаза выпучил? Главное, чтобы дело пошло. Тут ты, в другом месте другой. Так и будем свою дорожку тропить. В общем, как отпросишься, наперво ко мне приходи. Обмозгуем всё. А сладится дело, меня старшим назначат, а там, глядишь, и в приказчики выбьюсь. И тебя не забуду. Смекай! Значица прошшупай командира свою, ну, до чего охоч там... Мало ли у кого слабинка какая. Понял?

– Ладно, кум. Жди днями.

Из конторы вышел старшой. Аккуратно сложил выданную бумагу и убрал за пазуху. Плюнул в сторону конторы и в сердцах проворчал:

– Откусили от нас, да и хрен с вами. Мы в другом месте поболее отхватим. По-оехали, ребята!

Петруха начал прощаться с кумом. Тот что-то сунул ему. Петруха одной рукой взял, другой помахал вслед. Старшой подошел к своему вознице.

– Надо было попробовать через Федькин брод рвануть.

– Не, Силыч, груженные не прошли бы. Вот те крест не прошли бы.

Перекрестился. Обоз въехал на мост.

Через полгода Петруха стал вторым человеком на этой таможне. Говорят, светят ему не вдалеке унтерские погоны.

Андрюха Журавлёв шел по уктусской слободе и внимательно вглядывался в незнакомую улицу. Вдруг увидел, как за невысоким покосившимся в одном месте забором молодая девушка колет березовые чурки. Навык, видно было, есть. Только вот силенок явно маловато. Топор врुбился в крепкую сердцевину дерева да так и остался в ней. Катерина попыталась вытащить топор, но тот не дался.

– Пособить тебе, красавица? – крикнул Андрюха.

Девушка повернулась к нему. Андрюха аж замер на месте, не в силах вымолвить ни слова. Так была красива слобожанка. Катерина тоже застыла, глядя на Андрея. Стоят, смотрят друг на друга, не в силах отвести взгляда. Катерина, словно во сне, не отдавая себе отчета, сделала шаг навстречу Андрюхе, топор выскользнул из рук. Катерина прошла вперед и открыла калитку. Андрей сто-

ял, как столб, застигнутый вра-сплох ее поступком:

– Я это... того...

Катерина, вдруг звонко рас-смеявшись, пригласила краси-вого незнакомца:

– Ладно, уж, заходи, помощ-ничек!

Андрей, очнувшийся от столбняка и взбодренный ее смехом, тоже начал хохотать. Стояли оба и смеялись, что-бы сгладить неловкость. Нако-нец Андрюха зашел во двор и огляделся. Хозяйство крепкое, строения не старые, добротнo сделанные, но опытный взгляд отметил мелочи, судя по кото-рым, мужской руки здесь дав-ненько не хватало. Да вот хоть тот же забор. Андрей подошел к чурбану для колки дров, взялся за топор и легко выдернул его из полена. Затем поставил по-лено на чурбан и выверенным движением легко расколол его. За ним второе, третье... Кате-рина смотрела на его работу с явным одобрением и даже ода-рила восхищенным взглядом. Андрюха в ответ расцвел.

– Как звать тебя, красавица?

– Катериной родители на-рекли.

– А что сама дрова колешь, али хозяин где?

– Вот, сама и колю. Папка о прошлом годе помер. Болел долго. Осталась я одна.

– А мамка?

– Мамку я не помню, малая была, когда она Богу душу отда-ла. Папка сказывал, слабая здо-ровьем была. Отговаривали его на ней жениться, а он сказал:

– Сколько ни проживем, а всё мое будет. Любил шибко. Так и не женился боле.

– А ты сама? Пошто не за-мужем? – Андрюха аж замер и дыхание затаил.

– Так за папкой ходила, не до женихов было.

– А теперь? – выдавил он, так и не вдохнув.

– А ты коли, коли давай, раз-взялся. Ой, а сколько за работу возьмешь, я и не договорилась.

– А я за так.

– Как это за так?

– А так, за так. И перетаки-вать не будем. Так?

Катерина рассмеялась и скрылась в доме. Андрюха ко-лол дрова с таким наслаждени-ем, будто всю жизнь мечтал об этом, да не давали. Вдруг Кате-рина выбежала на крыльцо.

– Ой, забыла спросить, а тебя как величать-то?

– Андрюха я, Журавлёв. С тобольского полку. Меня все Журавель зовут.

– И вправду, Журавель. Только темненький.

Оба опять засмеялись. Ан-дрюха продолжил ловко колоть дрова и, вдруг остановившись на мгновенье, повернулся к Ка-терине, показывая на баню:

– Хозяюшка, а может, бань-ку истопишь? Для солдата банька – наипервейшее дело.

– Отчего не истопить такому-то работнику. Чай, мне воды не жалко. Мойся, сколько Бог на душу положит. Ладно, не буду мешать. Пойду баню зато-плю, да воды натаскаю...

Катерина пошла в баньку. Андрюха проводил ее взглядом и, когда она скрылась из вида, с его губ сорвалось восхищенное: «Эх!...»

Лето 1721 г.

К каменному карьере подъ-ехали четверо верховых. Это был Татищев с двумя офицера-ми сопровождения и старшим команды солдат, что на двух подводах следовали за ними. Татищев спрыгнул с коня, на-встречу ему выбежал карьер-ный мастер Панфилов.

– Здравствуй, Василий Ни-китич!

– Привет, Панфилов! Как дела?

– Так заждались уже. Одо-лели нас демидовские, обещали в домны всех покидать. Только на тебя, Никитич, и уповаем. Ты молодцов-то нам ли привез?

– Вам, вам. Пойдем, хозяй-ство твое посмотрим, да заодно прикинем, где посты выстав-лять будем.

Татищев подозвал офице-ров, и они с Панфиловым пош-ли по руднику, определяясь по месту, где выставить часовых. Мастер не мог успокоиться.

– Вот спасибо тебе, Василий Никитич. Теперь душа спокой-на будет. А то ведь, не пове-ришь, спали в одежде. Ежели что, – спастись сподручней.

– Ничего, Панфилов, теперь всё по-другому будет. Хватит, наворовались! Отныне камень доменный только казна добы-вать будет. А кому надо – пусть покупают.

– На всех хватит! Главное, чтобы порядок был.

– Точно. Отпускать только по моей бумаге. Ну, Панфилов, оставайтесь с Богом, а мне в об-ратный путь пора.

– Так хоть за стол бы сел с дороги-то, Василь Никитич! Обижаешь.

– Спасибо, Панфилов, в дру-гой раз. Спешу я. На Курьинской пристани демидовские двух моих коломейщиков⁴ засекали досмер-ти. Пора кончать с этим. Ну, бы-вай, Панфилов. В путь, ребята!

Татищев попрощался с Пан-филовым, прыгнул в седло, и трое всадников скрылись на лес-ной дороге. Вскоре дорога вывела на большую поляну. Неожиданно из кустов на опушке прогремело несколько выстрелов. Пули про-летели рядом с Татищевым.

– Засада! – крикнул один из офицеров, – назад!

Всадники развернули коней и скрылись в ближайших за-

⁴ Коломейщики – люди перевозящие металлическую продукцию на коломейках, специально приспособленных для этого лодках.

рослях. Вслед им громыхнули еще несколько выстрелов...

С приходом лета начались побеги солдат. Карали за них сурово, но это положения не спасало. Несладкая доля солдатская давила страшнее любых наказаний, вплоть до смертной казни. Да еще всегда оставалась надежда, что всё получится, и жизнь изменится, и прошлое будет вспоминаться как страшный сон. Человек всегда живет надеждами. Так уж он устроен. Однако начальству такие надежды всегда стояли поперек горла, и оно всеми силами старалось с этими самыми побегами бороться. Всеми доступными средствами.

В канцелярии полка сидел за столом майор Бриксгаузен. Перед ним стоял навтыяжку унтер и подобострастно докладывал:

– ...Рядовой Елпидифор Духов с ихней роты, там как раз был рядом, всё слышал. Вчёрась его сюда привезли к лекарю. Упал где-нито. Шибко лицо разбил. Он мне и доложил. Не впервой, говорит, Андрюха-то, Журавлёв солдат в побег подбивает. Зимой еще начал, до того, как их в Уктус послать. Рванем, – говорит, братцы, на Каму, али на Волгу, в лесах, да на дорогах разбойничать. А службу государеву – псу под хвост. Мол, сами командиры пусть тут и справляются, а нам, мол, не с руки тута молодость губить. Так и сказал, ворюга!

Бриксгаузен одобрительно посмотрел на унтера:

– Молодец, Кравцов. Хвалю за усердие и за бдительность.

– Рад стараться, ваше благородие! Я как узнал про измену, так сразу пулей к вам, – крикнул Кравцов и покраснел от усердия.

– Я эту заразу каленым железом выжгу! Под шпицрутены его! Через строй пройдет, так расхочется ему бегать. И дру-

гим неповадно будет.

– Так точно, господин майор! А то совсем разболтались – воли им, вишь, надо!

– Бери-ка ты, Кравцов, конвой, да сам и езжай в Уктус. Как привезешь этого Журавлёва, так сразу ко мне. Молодец! Езжай!

– Слушаюсь, ваше благородие!

Кравцов браво развернулся и бодро, почти строевым, вышел из канцелярии. Бриксгаузен посмотрел в окно на солдат, марширующих на плацу.

– Воли вам надо? Будет вам воля. Столько, сколько унести сможете...

В невьянском доме Демидовых, в шикарном обставленном огромном кабинете за накрытым столом сидел сам хозяин и его приказчик Феоклистов.

Акинфий, опрокинув чарку водки, посмотрел на богатый выбор закусок и занялся черным хлебом. Феоклистов тоже выпил, но не погнушался золотистой семушки. Акинфий помолчал немного и спросил приказчика:

– Ушел, говоришь?

– Ушел, хозяин, ушел, гад. С ним два офицера были. Думали, назад один поедет, – начал оправдываться Феоклистов.

– Думали они! Кто старшим был?

– Федорка Дудин.

– Всех на Шайтанку, в рудник. А Федьку подлеца запороть!

– Будет сделано, хозяин!

– Живуч гаденыш! Принесла же его нелегкая. Та-ти-щев. ТАТИщев. Тать. Твою мать. На нашу голову. На кого щенок зубы скалит! Я же его в порошок сотру и по ветру пущу! – Никита начал загибать пальцы, – десятину ему подай – раз, народишко на казенные заводы верни – два, лес в приписных казенных слободах не руби –

три, пристань курьинскую закрой – четыре, рудознатцев не трогай – пять, колемейщиков не тронь – шесть, отчеты подавай – семь, да еще и помощь ему оказывай людьми и матерьялом! А вот хрен тебе, ваше благородие! Да я только государевым указам подчинюсь. Да и то, если с личной подписью Петра Лексеича! А то, тоже мне, законник объявился! Здесь мой закон! Я – хозяин!

Верный Феоклистов поддержал хозяина:

– Один нос уже совал.

– Ты о ком?

– Да о воеводе верхотурском.

– Да, был воевода и не стало воеводы. Спасибо Виниусу из Сибирского приказа, удружил.

– У нас бумаги на промысел от самого царя-батюшки. Да ты, Акинфий Никитич у Петра Лексеича в столице лично бы-ваешь! А он-то кто?!

– Ка-пи-та-ниш-ко. Дожили Демидовы! И что это за вошка у меня такая завелась, да всё укусить норовит, да побольнее.

Акинфий налил и выпил. Феоклистов отставать не стал.

– Хозяин! Что делать будем?

– Отлуп капитанишке по полной программе! Пусть умоется! Не подчиняться! Пусть пока свою игру играет, авось, где-нибудь, да ошибется. Непременно где-нито оплошает. Тут-то мы ему хвост и прижмем, да сверху солью присыпем. А ну, выше голову! Двум смертям не бывать, да и двум медведям в одной берлоге тоже! Хитро прищурившись, Акинфий ткнул пальцем в Феоклистова:

– Перо и бумагу! Будем капитанишке прошение писать. Высочайшее!

Феоклистов быстро взял бумагу и перо.

– Пиши! Доношение благородному господину капитану

Василию Татищеву. Комиссар Акинфий Демидов челом бью... и далее: Просим Вашего Величества о рассмотрении нижайшей просьбы нашей о ломке доменного камня. Что повелишь? И подпись: Акишка Демидов.

Давно так не веселился Демидов. Да и не злился тоже.

«Ежели же не увижу обороны, то ездить больше для осмотра рудных мест близ его области и присматривать строения и отпуск судов не смею, дабы весьма не погибнуть, понеже я солдат при себе добрых и надежных не имею, а хотя б имел, столько людей всегда с собою, как он имеет, данных из Адмиралтейства, то я их брать не смею», – Татищев закончил диктовать и перестал ходить по кабинету. Бережно поддерживая забинтованную правую руку, присел на стул:

– Всё с этим. Пиши другое, – и снова вскочил и начал расхаживать туда-сюда. Писарь положил перед собой новый лист бумаги. Татищев взял со стола письмо Демидова, пробежался глазами и в сердцах выкрикнул:

– Сука! Сука наглая и подлая!

Писец макнул перо в чернильницу.

– Это не писать!

Писец вздрогнул и застыл.

– А сейчас пиши: «Что же вы меня в оном браните неприличною честию, что принадлежит токмо великим государям, и оное я уступаю, полагая на незнание ваше. Упомяну же, дабы впредь так не дерзали. Начальник канцелярии управления горных заводов Татищев». Записал?

Писец старательно дописал и утвердительно кивнул. Татищев поставил подпись, взял со стола другое письмо и стал читать: «Демидовым быть послушным указам Татищева

и писать ему доношениями и впредь особых себе указов из Берг-коллегии не ожидать».

– Это письмо из Берг-коллегии. Сделаешь копию и оба вместе отправишь Демидову. Не мешкая! Пусть образумится. Вот ведь сука!

В кабинет зашел Блюэр.

– Ты чего разошелся, Василья Никитич?

– А-а... – машет здоровой рукой тот, – со всех сторон обложили. Из Берг-коллегии распоряжение пришло работы по строительству завода не начинать, а деньги пустить на кунгурские медеплавильные.

– Что делать будем?

– А не знаю, не получал письма. Затерялось где-то.

Блюэр улыбнулся. Татищев захохотал. Нервная разрядка.

...Солдат поправил ружье за спиной, посмотрел на звездное небо, потом перевел взгляд на спящую слободу и тяжело вздохнул. Хотелось спать, но караул есть караул. Сарай, в который посадили Андриюху, больше напоминал курятник нерадивого хозяина, чем гауптвахту. Но за неимением лучшего, использовали его, – обычно для «просыпу» перепивших да подравшихся солдат и местных мужиков. Караульный подошел к двери и обратился к Андриюхе:

– Что, Журавель, дотрекался. Бежать надумал, так и бежал бы. Чё балакать-то было. Шас всех пытать будут – кто, да чё... а нам энто надо?

– Ладно, уймись, тебя-то, небось, не тронут.

– Это как посмотреть. Я с тобой в Кунгур за деньгами ездил? Ездил. Выходит, что мог и разговор иметь.

– За себя сам отвечу. А ты охраняй.

– А куды ты денешься?

Караульный присел у двери, зевнул и скоро задремал.

Андриюха прислушался к храпу охранника, отошел в дальний угол сарая и попытался оторвать доску стены. Доска по-маленьку начала поддаваться. Андриюха потянул сильнее, доска отскочила. Следом за ней та же участь постигла и вторую. Узник протиснулся в образовавшийся лаз и через несколько мгновений оказался на свободе. Оглянувшись по сторонам, он растворился в ночной тьме. Караульный вдруг вздрогнул во сне, проснулся, испуганно посмотрел на дверь сарая, потом позвал:

– Эй, Журавель! Ты спишь ли, чё ли?

Ответа не последовало. Он вскочил на ноги и обошел сарай. Заметив на другом конце отверстие в стене, крикнул в него:

– Журавель! Ты тут?! Отвечай, не то стрелну!

Не дождавшись ответа, солдат открыл сарай, забежал внутрь и тут же, выскочив наружу, выстрелил в воздух и заорал:

– Тревога! Сбежал! Журавель сбежал! Ой ты мнеченьки, что же теперь со мной-то будет?! Под трибунал подведут! Ой, мамочка родная! Тревога! Караул!

Стук в окно разбудил Катерину. Она зажгла светильник и подошла к окну.

– Ой, Андрейка! Сейчас открою. Вот радость-то!

Андрей ввалился в двери, и Катерина повисла у него на шее.

– Милый мой, милый. Журавлик мой. Ой, да что я на пороге-то. Проходи. Не ждала тебя сегодня.

Андриюха быстро прошагал в дом и прошептал:

– Сбежал я, Катерина!

– Сбежал все-таки! Ой, горе ты мое! Да что тебе не жилось-то? Как же теперь-то?

– Катенька, любя ты моя! Арестовали меня. За то, что

к побегу ребят подговаривал. Сморчок, сука, настучал в Тобольске на меня. Жаль, не добил я его здесь.

– Андрей, что ты страшное такое говоришь! Господи, что же делать-то теперь?

– Пойду к Демидовым пока, а там посмотрим. Бежать-то вишь как пришлось наскоро.

– А как ты с под караула-то?

– Да не бойся, всё нормально, доски вывернул, да и задал деру. Я, Катенька, пойду, а не то сюда придти могут. Знают ведь про тебя.

– Ой, Журавлик ты мой непутевый. Обожди, я тебе поесть соберу в дорогу.

Катерина бросилась в сенки и загремела посудой. Андрюха вышел следом за ней. У двери он остановился. Катерина протянула ему узелок.

– Андрюшенька!

– Катенька! Прости! Видит Бог, – виноват перед тобой. Прости. Ты жди меня. Обязательно жди. Всё у нас еще сладится. А без тебя мне жизни не будет...

Катерина замаялась, хотела что-то сказать, но не решилась. Андрей обнял ее, поцеловал и быстро пошел к калитке. Катерина бросилась вслед и догнала его.

– Андрюшенька!

– Катенька!

– Андрюшенька, милый. Ты береги себя. Ради ребеночка нашего.

– Как ты сказала?

– У бабки сегодня была. Сказала, что понесла я. Сын будет, Андрюшенька! Сынок. Журавленок маленький.

– Катенька, Катенька, – забормотал Андрюха, целуя любимую, – что же судьба с нами делает. Мне бы тебя на руках сейчас носить, а приходится свои ноги уносить, как зверю затравленному. Эх, доля ты наша...

Будто отвечая на его слова, со стороны гауптвахты послышались приглушенные голоса и топот сапог.

– Сюда идут, – отрывисто бросил Андрюха.

Катерина обняла его и прижалась, издав короткий горький стон. Андрюха освободился от ее рук и бросился в темноту двора.

– Уйду огородами. Прощай пока! Жди меня!

– Андрюшенька, да хранит тебя Бог, милый... – Катерина перекрестила его вслед, постояла еще немного и, уверившись, что беглец благополучно скрылся, ушла в дом.

На медном руднике в Подволошной шла спокойная повседневная работа. Мастер Лисин устроил перерыв, и рабочие, расположившись под навесом, отдыхали. Кто обедал, а кто уже и прикорнул, чтобы хоть чуть-чуть поспать. Вдруг невдалеке послышался цокот приближающихся коней, скрип тележных колес и голоса людей. Рабочие настороженно стали глядеть на дорогу. В карьер въехала группа конных людей Демидова. Среди них Андрюха Журавлёв. За ними несколько подвод с рабочими и скарбом. Карьерный мастер вышел им навстречу.

– Здорово были, мужики! С чем пожаловали?

От верховых отделился богато одетый всадник с плетью в руке, дал команду своим разгружать подводы и подъехал к мастеру. Лисин узнал демидовского приказчика Тимофеева.

– Так мы на свой рудник приехали, а вы здесь что делаете?

Мастер оглянулся назад, на рабочих, снова посмотрел на Тимофеева.

– Это рудник казенного уктусского завода. Мы его раз-

узнали наперво. Наш рудник. Наши рудознатцы место нашли! А вы по какому праву...

Всадник стал наезжать коном на Лисина.

– Это рудник Акинфия Никитича Демидова. Знаешь такого?

– Как не знать, знаем, слышали...

– Так чего ж тогда спрашиваешь, по какому праву? Я те щас покажу право. На, смотри, да запоминай!

Тимофеев снова наехал на Лисина и со всей силы несколько раз ударил его плетью. Лисин упал на спину и прикрыл голову руками. Рабочие потихоньку пятились в сторонку. Тимофеев обратился к Андрюхе:

– А ну, Журавель, всыпька этому дурачку плетей. Да от пуза, чтобы впредь дурных вопросов не задавал.

Крикнул Лисину, которого уже поволокли на порку:

– Ужо, ты откушай гостинцев-то демидовских, откушай, дурная головушка.

Затем обернулся к рабочим:

– Эй! А вы как? Не хотите вместе с мастером попотчеваться?

Мужики попятнулись назад.

– Куда! А ну, геть сюда!

Рабочие, понуриив головы, подошли к Тимофееву. Послышались крики Лисина, которого уже приняли в оборот.

– Что, братцы, приуныли?

Мужики молча стояли, боясь поднять головы.

– Я вас неволить не буду. Кто хочет, может оставаться работать. Акинфий Никитич супротив Васьки-то Татищева плотит вдвое. И провианту кладет от пуза.

Тимофеев показал рукой на лежащего без движения Лисина.

– Ну, а кто, значит, супротив будет, таких в домны помечем,

да и с рук, как говорится, долой. Кто согласные, под навес идите.

Рабочие без колебаний переместились под навес. Послышались голоса:

– А нам кто платит, тот и барин...

– Нам-то – где сено, там и поспали...

– Да уж, за демидовскими-то не пропадешь...

Тимофеев подозвал своего мастера, что до сих пор сидел на телеге:

– Кузьма! Принимай рудник! Этих поставь на работу, да чтоб с нашими вперемешку работали. Присмотри за ними напервой. Руду, что казенщики добыли, на подводы кидайте. Бейте новые копи. Послезавтра пришлю за новой партией.

Кузьма приказал подгонять подводы к складу руды и пошел к рабочим под навес. К Тимофееву подбежал Андрюха.

– А с этим что делать? – показал он на Лисина.

– Водой отлей, да пусть ползет на все четыре стороны. Авось до начальничков своих доберется, расскажет, кто здешних мест хозяин. А не доползет, так другим наука будет.

Андрей побежал за водой. Тимофеев огляделся вокруг, потянулся и улыбнулся как человек, до конца исполнивший свой долг.

В дверь татищевского кабинета постучали. Не дождавшись ответа, на пороге появился Тимофей Бурцев и возбужденно начал:

– Василий Никитич! Демидовские наш новый рудник в Подволошной захватили. Мастера Лисина засекли на смерть. Своих рудознатцев в копи поставили. Что делать-то?

Татищев зарычал, сел за стол, обхватил голову руками и некоторое время приходил в себя. Бурцев между тем продолжал:

– Я сам перед тем, как людей завезти, осматривал прииск, и никаких копей демидовских не обнаружил. Это они самочинство творят. Богом клянусь!

Татищев понемногу пришел в себя и ответил Бурцеву:

– Найди Блюэра и езжайте с ним в Невьянск. Солдат с собой возьмите. Там на месте разберитесь, виновных сюда привезете. Судить будем. Сейчас письмо Демидову напишу, пусть ответ с тобой передаст. А пока Блюэра найди.

Бурцев вышел. Татищев остался сидеть, задумавшись.

На берегу Исети наконец-то закипела работа. Мужики заготовливали сваи, которыми будет перегораживаться река. Невдалеке, на взгорке возводились полтора десятка изб. Работа спорилась. Двое мужиков спорили:

– Слышь, Петро, говорят плотина-то на сорок ларей будет!

– Эвон, хватил! Не могёт такого быть, чтобы на сорок-то. Не, не могёт.

– А я тебе говорю – могёт. Да на сорок молотов. Сила, брат.

– Ты, Федя, сам подумай, ты нешто видал где, чтобы на сорок молотов завод стоял?

– Не, не видел.

– Вот и я про то же. Значит, не могёт.

– А Бурцев говорил, что на сорок. Капитан Татищев самостоятельно чертежи сделал.

– Сам, говоришь?

– Вот те крест! – Федор истово перекрестился.

– Ну, если сам Татищев, тогда, может и могёт!

Оба рассмеялись, довольные, что договорились. Федор продолжил:

– Тут, брат, главное – плотину крепко набить. Чтобы пароводком не снесло.

– Это точно. На Верхнекаменском-то какая

плотина была, а снесло. Так там речку-то переплюнуть можно, а тут – силишша-то какая! Снесет!

– Не, не снесет!

– Снесет!

– Не снесет!

– А я, говорю – снесет!

– А я, говорю – не снесет!

– А давай спорить!

– А давай!

– А на што?

– А вот ты, ежели проспоришь, то мне вершу⁵ свою отдашь.

– А ты... а ты мне самострел свой.

– По рукам?

– По рукам!

Мужики хлопнули друг дружку по рукам под одобрительный хохот остальных работников.

– Ох, порыбачу!

– Ох, поохочусь!

– Слышь, Федор, а давай-ка нашу!

Федор чистым, звонким голосом начал петь песню о реке-матушке. Петро попытался подпеть ему, но зафальшивил страшно. Смех усилился. Потом кто-то из мужиков подхватил песню, за ним другой, и вот она уже набирая силу, понеслась над Исетью, заполняя собой всё вокруг.

Карета с Блюэром и Бурцевым, а за ними подвода с солдатами, въехали во двор невянской конторы Демидовых. На крыльцо вышел Феоклистов.

– Здравьете, господа, с чем пожаловали? – явно с издевкой спросил он.

Бурцев достал пакет.

– Письмо от Татищева привезли. Где Демидов? Пусть прочтет и ответ даст.

Феоклистов улыбнулся.

– Ответа никакого не будет, мы капитану Татищеву не

⁵Верша – плетеная корзина особой конструкции для ловли рыбы.

послушны, указов его не принимаем, и ему до нас дела нет. Если же Главное правление будет посылать людей с указами, то таких посыльчиков будем содержать скованными, в тюрьме.

– Ты как, собака, с начальством разговариваешь?! – грозно прикрикнул Блюэр.

– Ты, господин хороший, давай-ка не собачься тут, а не то живо укорот получишь. Видали мы всяких.

Разъяренный Блюэр подошел к Феоклистову, и в этот момент на крыльце появился Акинфий Демидов. Не здороваясь, обратился к посланникам:

– Мне с вашим капитаном много говорить нечего. Мне он не начальник. Мы грамоту от государя Петра Алексеича имеем, за личной подписью. Он нас, Демидовых, здесь на заводы поставил, он, ежели чего, и спросит. Так что, позвольте откланяться.

В это время к Бурцеву подбежал унтер-офицер и что-то сказал на ухо, показывая при этом на Андрюху Журавлёва, стоявшего тут же, среди демидовских. Бурцев кивнул. Унтер дал команду солдатам схватить беглеца. Блюэр крикнул в спину, уходящему Демидову:

– Нехорошо, господин Демидов, беглых у себя прятать. Это преступление!

Солдаты остановились. Вперед Андрюхи вышли люди Демидова. Сам Андрюха, спрятавшись за их спинами, смотрел со страхом и надеждой на Акинфия. Тот обернулся к Блюэру:

– От Демидовых выдачи нет. Это зарубите себе на носу! Если ко мне пришел, значит, ваш капитан плохой хозяин. От хороших не бегут. А работает он у меня на Россию-матушку, а не на пашу турецкого. Я для государя металла да оружия, супротив вас, вдесятеро постав-

ляю. Не вам с меня спрашивать. Мои дела меня токмо и касаются. Счастливой дороги.

Солдаты сдали назад под напором наседающих людей Демидова. Сам Демидов пошел в дом. Блюэр крикнул ему вдогонку:

– Так какой ответ передать Татищеву?!

Акинфий Демидов резко обернулся:

– А передайте своему ценку, чтобы сидел тихо у себя в Уктусе, а в мои владения не совался, не то живо хвост ему прищемлю.

Демидов скрылся в доме. Феоклистов скомандовал своим людям:

– А ну, ребята! Гоните-ка взащей гостей непрошенных! Ату! Ату их!

Демидовские начали напирать на команду Блюэра. Тем ничего не оставалось, как ретироваться. Бурцев шипел сквозь зубы, так чтобы слышал только Блюэр:

– Погоди! Погоди, господин Демидов! Еще, даст Бог, поквитаемся с тобой!

Блюэр и Бурцев прыгнули в карету, солдаты на подводу и под улюлюканье толпы, подняв облако пыли, поспешили прочь.

Татищев приехал про- верить, как идет строительство уктусской школы. Рабочие укладывали пятые венцы и размечали места будущих окон. С Татищевым был и будущий преподаватель школы дьячок Петр Грамотчиков. Василий Никитич внимательно осмотрел углы венцов и заметил сопровождающему их мастеру:

– Хорошо складываете, не по старинке.

Степан со знанием дела ответил:

– Как же, не «в обло» кладем, «в лапу».

– Правильно, чай, не хоромы боярские строим, а храм просвещения. Хорошо, хорошо. А что, Степан, сколько окон будет в классе?

– Так три, ваше благородие. Вот, как по чертежу указано.

– А ты, Степан, сделай четьре, пусть свету поболее будет. Сладишь?

– Так мне что, как скажете, так и сделаем.

– Вот и договорились.

Возле строительства сновала стайка любопытных пацанят.

– Вот они, дьяк, твои будущие ученики, – обратился Татищев к Грамотчикову, – будущее нашей горной столицы...

Грамотчиков и Степан с недоумением глянули на Татищева.

– Что, удивил я вас? Да, да, будет здесь большой город-крепость. Самый большой на Урале. Будем выше по течению Исети плотину бить, завод новый строить. Да такой, каких не только Россия, а и вся Европа не видывала! Лес-то для нее уже готовить начали. Избы рубят. Скоро тут такое развернется!

А вот эти пацаны выучатся в наших школах и будут грамотными мастерами. В люди выйдут. Они – наше будущее. Им поднимать славу уральского металла...

Мальчишки, слыша, что речь идет о них, сбились поближе. О чем-то переговаривались и смущенно отворачивались от смотревшего на них Василия Никитича. Один из них, набравшись смелости, обратился к Татищеву:

– А Ленька Пузо вчера говорил, что кто в школу пойдет, того на ночь сечь будут каждый день, а утром на горох ставить! Ему отец сказывал...

Выкрикнул и спрятался за спины товарищей. Татищев повернулся к Грамотчикову:

– Это кто же такой отец у Леньки Пузы?

Пацаны весело засмеялись.
– Так это подьячего сын, Ерофея Пузова.

– Ко мне его пришли, Ерофея-то. Завтра поутру.

Татищев повернулся к пацанам:

– Неправду вам Ленька сказал. Ежели, конечно, кто вести себя плохо будет, безобразия какие там творить, так тут уж без порки не обойтись. А что, вас отцы за шалости не порют? Так это для науки не вредно, а очень, иногда, полезно бывает. И ума весьма прибавляет, – закончил он шутливым тоном.

Пацаны закричали:

– Порют, дяденька, порют! Нам не привыкать! А на горох ставить будут?

– А вот на горох ни синь порохи ставить не будут. Это я вам обещаю! Так придете в школу записываться?

– Придем, дяденька, придем, – закивали мальчишки.

– Вот и ладно. Ну, не подведите, а дали слово – держите. А кто из нуждающихся, того на казенный кошт возьмем.

Обратился к Грамотчикову, да так, чтобы пацанам было слышно:

– Слышь, Петр, записывай всех, а у кого родители супротив будут, таких в отдельные списки заноси и мне докладывай!

– Будет исполнено, Василий Никитич, – подыгрывая Татищеву, отрапортовал Грамотчиков.

– Будет исполнено! – передразнили мальчишки и, хохоча, убежали разносить новость по слободе.

– Ну, пошли по селу трезвонить. С самим горным начальником подружковались! – пошутил Степан.

Татищев посмотрел вслед пацанам и проговорил:

– Так ты, Степан, смотри, к сентябрю надо построить.

– Построим, Василий Никитич, не сумлевайся. За нами дело не станет.

– Хорошо. Если что нужно будет, сразу ко мне обращайся. Время нас ждать не будет.

Татищев сел в стоящую неподалеку карету и поехал в управление.

В кабинете его дожидались Бурцев и Блюэр.

– Что, так и сказал?

– Так и сказал, Василий Никитич! Щенком обозвал, надо же! Каков подлец!

Бурцев ударил кулаком по столу:

– Да будет на него управа-то!?

Татищев был взволнован, но старался в этот раз сохранять самообладание.

– Я в Берг-коллегию уже два письма с нарочными отправил о его подлостях. Пропали оба. Даже до Кунгура не добрались.

– Понятно, – встрял Блюэр, – это его рук дело. Что же мы, так и будем в осаде здесь сидеть?! Надо что-то придумать.

– Есть одна думка...

Татищев встал, посмотрел в окно.

– А вот и наш ответ Демидову...

В дверь постучали. Вошел сержант:

– Господин капитан! Вызывали?

– Входи, входи, Бердышев. Знакомьтесь, господа. Сержант Тобольского полка Иван Бердышев. Прошу любить и жаловать. Вызывал я тебя по одному делу, начинать придется с другого. Вот сейчас мы тут все вместе будем думать, как пробиться из осадного положения. Итак, начнем с рекогносцировки местности. Блюэр, ландкарту!

Трое демидовских головорезов с заряженными штуцерами

лежали в засаде. Коней привязали позади, в овраге. Прямо перед ними лесная дорога выходила на небольшую, хорошо просматриваемую поляну. Троица поджидала очередного татищевского фельдъегеря. Одним из них был Андрюха Журавлёв. Второй, здоровый детина, со шрамом через всё лицо, за главного. Третий, маленький чернявый живчик, нетерпеливо вглядывался в дорожный просвет через прицел штуцера. Второй весело сказал ему:

– Не хари, Кузя. Ты чё, ножонками-то сучишь, аки кролик в смертный свой час?

Кузя покосился на него и с нервной ухмылкой ответил:

– Да у меня, Триша, завсегда так наперво. А как целить начинаю, так проходит.

Трифон обернулся к Андрюхе:

– Журавель, слышь? Ты это, в голову цель, а мы уж пониже вдарим, по требухе. Да коня, смотрите, не заденьте.

Андрюха молча кивнул в ответ. Стрелять в человека, тем более в своего однополчанина совсем не хотелось. Но с волками, как говорится, жить... Впереди послышался топот копыт. Бандиты насторожились. Трифон поднял вверх ладонь. Все трое навели оружие на дорогу.

На поляну выехал всадник, одетый в офицерскую форму. Это Бердышев. Ехал неторопливо и осторожно. Видно было по всему, что он опасается за свою жизнь и поэтому максимально сосредоточен. Трифон прицелился и скомандовал шепотом: «Пали!» Грохнули три беспорядочных выстрела. Всадник упал с коня. Все трое сорвались с места и подбежали к нему. Трифон расстегнул его куртку, пытаясь найти документы. Под одеждой «убитого» он наткнулся на металличе-

ский панцирь, закрывающий тело. Бердышев застонал и пришел в себя.

– Где документ? – крикнул ему Трифон.

Бердышев показал пальцем куда-то позади себя. Трифон обернулся. На поляну выехал отряд всадников во главе с офицером. Они быстро окружили троицу бандитов.

– Вяжи их, ребята! – командовал офицер. Всадники соскочили с коней и навалились на бандитов. Один из них крикнул: «Братцы! Я Журавлея спымал! Вот Бурцев-то порадуетя!»

К Бердышеву подошел офицер, помог подняться:

– Ну, как ты?

– Да, вроде, обошлось. Две пули в грудь. Хорошо, что ватину с войлоком изрядно проложил. А всё одно – садануло, как оглоблей.

– Ничего, главное жив остался. До свадьбы заживет!

– Так женатый я! – улыбается Бердышев. Офицер улыбнулся. Трифон повернулся к Андрюхе:

– Что, свово пожалел, падала?

Андрюха смолчал в ответ и старался не глядеть на Трифона. Связанных поволокли к спрятанным в овраге коням и, перекинув через седла, тронулись в обратный путь...

Третье донесение Татищева дошло по назначению. В результате в конфликт оказались втянуты центральные власти. Демидову было указано из столицы о недопустимости чинимого им беспредела.

На плацу тобольского полка, у казармы были выстроены в две шеренги лицом к лицу солдаты. В руках у всех палки. Все солдаты были мрачны, каждый понимал, что нет никаких гарантий не угодить в следую-

щий раз на место наказуемого. Только один Сморчок плотоядно улыбался, будто, наконец, получил в руки долгожданную мечту. Чуть в стороне стояли барабанщики, готовые по команде играть дробь. Вот из деревянного строения, служащего гауптвахтой, два солдата и сержант вывели раздетого Андрюху со связанными спереди руками. Конец веревки держал в руках Бердышев. В Андрюхиных глазах не было страха. Только ненависть и упрямство. Он что-то шептал засохшими, потрескавшимися губами, словно молитву читал. Бердышев отдал одному из солдат команду. Тот достал холщовый мешок и надел Андрюхе на голову. На плац из канцелярии вышел майор Бриксгаузен. Остановившись, смотрел некоторое время на Андрюху, затем на солдат, скользя взглядом по обеим шеренгам, будто проверяя готовность и рвение подчиненных выполнить его очередной приказ. Наконец, поднял руку в перчатке и дал отмашку. Барабанщики заиграли дробь. Андрея повели сквозь строй. Каждый солдат ударял Андрюху по спине палкой. Офицеры зорко следили, чтобы солдаты не шельмовали. Все солдаты отпускали удары с одинаковой силой. Так, что и не скажешь, что жалеют Андрюху, но и не особо усердствовали. Один лишь Сморчок, дождавшись очереди, аж выпрыгнул из строя и с большого замаха опустил что есть сил палку на спину Журавлёва. Со всех сторон послышалось:

– Гнида!

– Сволочь!

– Стукач!

– Подожди, доберемся до тебя!

– Держись, Андрюха!

Майор крикнул:

– О-оставить! Ра-азговорчики!

Солдаты умолкли, только продолжали недобро глядеть на Сморчка. Вот, наконец, последний удар. Бердышев отвел Журавлёва к гауптвахте, снял с головы мешок и развязал руки. Андрюха без сил рухнул на траву. На спине тут и там атели рубцы от ударов. Один, самый большой, уже начал набухать, словно какой-то зверь проник внутрь и силился вырваться наружу.

– Силен парень, даже не пикнул, – процедил Бердышев, – благодари Бога, что в меня не попал, а то бы сейчас на колесе подыхал вместе со своими дружками...

Андрюха приподнялся на руках, из запекшихся губ вырвалось:

– Всё одно сбегу! – и упал ничком на землю.

Зима, конец 1721 года

В морозный вечер конца 1721 года к зданию Горного управления, бренча колокольчиками, подъехал роскошный санный поезд. Санная карета Демидова, несколько саней с попутчиками, челядью и припасами, и конный отряд охраны. Из кареты вылез Акинфий Демидов и, махнув рукой охране, пошел в контору. Татищев сидел в своем кабинете и разговаривал с берг-шрейбером Иваном Федоровичем Патрушевым. Без стука открылась дверь, и на пороге возник Демидов.

– Здравствуй, Василий Никитич! Здравствуй Патрушев! Что, Татищев, не ждал? Принимай гостя. Сам ко мне не показываешься, так дай, думаю, приеду, авось не выгонит.

Следом за Демидовым зашли два молодца с корзинами, полными припасов. Выставили всё на стол и исчезли. Школа!

– Чем уж богаты, как говорится! – заприбеднялся Деми-

дов. – А то поедем на природу-волнушку. У меня всё с собой. И бабы, и балалайки... Погода-то, ты посмотри! А не хошь, так здесь давай!

– Так кто гость, а кто хозяин? – Патрушев посмотрел вопрошающе на Татищева. Тот развел руками, – мол, что тут поделаешь?! Иван Фёдорович встал, придерживая сохнувшую правую руку.

– Я, пожалуй, пойду, Василь Никитич. Посмотрю в канцелярии отчеты.

– Что ж, иди, Иван Федорович, принимай с Блюэром дела. Я попозже к вам подойду.

Патрушев вышел. Демидов ухмыльнулся ему вслед.

– С этим не много попируешь. Вот ты другое дело! Орел! – и выдержав небольшую паузу, переспросил, – так ты что, Василий Никитич, уезжать куда собрался? Не в Кунгур ли? А то давай, поехали вместе.

– Нет, в Петербург. Здесь дольше сидеть да ждать – мочи нет.

– Что, не под силу ноша оказалась? Оно понятно, заводами управлять – не из пушечек палить. Тут талант иметь надобно. И нутро железное.

– Ты, Акинфий Никитич, что, опять за старое? Я-то уж подумал, было, что ты по делу по какому приехал, али просто подобр.

– Да не обижайся ты, не обижайся. Я ведь серьезно говорю. Обидеть не хотел. Оно и вправду нелегкое дело – заводы-то поднимать. В особицу после горе-предшественников.

– А я их не виню. Что они в одиночку сделать могли? Тут нужно поддержку на государственном уровне обеспечить, да не латать старье, а строить поновому, с большим заделом. Да вот, только ни Сибирское горное начальство, ни Берг-коллегия не принимают никаких реше-

ний. Горное начальство валит на Берг-коллегию, та на Сенат... то им медь подавай, то серебро. Я понимаю, только закончилась война со шведами. Казне нужно чеканить деньги, но и железо, и чугун – это ведь не просто деньги. Это огромные деньги. Здешнее железо лучше олонецкого. Его в Европе с руками оторвут. Надо все силы на развитие железоделательных заводов бросать, а мы всё ни тпру, ни ну. Я на свой страх и риск начал строить исетский завод. Но начать – это полдела. Нужны люди, мастера, средства. А у меня всего этого нет. А надо. Ох, как надо, Акинфий Никитич! Потому и рвусь в столицу. Потому-то у меня и к тебе, Акинфий Никитич, разговор есть.

– Да я завсегда рад деловому-то разговору, – ответил с готовностью Демидов.

Татищев расстелил на столе карту. Демидов предложил вино и закуски. Татищев недолго подумал и согласился. Так, за трапезой и потекла беседа.

– Задумал я вот здесь плотину ставить. Завод будет на сорок молотов. – Татищев ненадолго замолчал, видно обдумывая, стоит ли откровенничать с гостем, и продолжил, – вот за тем и в столицу поеду. Город-крепость хочу заложить. Будет здесь центр горного Урала. Железная кладовая России. Отсюда империя силу брать будет. А окрестные заводы переоборудовать нужно будет, перестроить заново. Так думаю.

Демидов внимательно всмотрелся в карту:

– Что ж, мысли достойные. И место хорошее. Зоркий глаз у тебя, Василий Никитич. Если плотина выстоит, считай, что победа за тобой. Завод поставить не мудрено, хотя на сорок молотов я и не слыхивал, чтобы

где-нибудь было. Плотина – вот главная закавыка. Тут брат, не оплошай, а не то всему делу конец.

– Найдутся ли у тебя, Акинфий Никитич, хорошие мастера плотинные да молотовые?

– Так для хорошего человека не только плотинные найдутся. Для хорошего человека, Василий Никитич, у меня всё найдется. Коли мы с тобой дружить станем, будешь ты жить – не тужить, да и деткам на прокорм останется. Да ты давай, давай, пей да закусывай. Поди, впервой демидовские разносолы-то вкушаешь! Ты Никитич и я Никитич. Давай уж, не обижай тезку.

Татищев не обижал.

– Я тебе, Василий Никитич, без обиняков, напрямую скажу. Вижу я, человек ты не сказать, что богатый, а у тебя ведь детки есть. Дочку определить надо, сынок подрастает. Ты уж прими от меня, от всего сердца, по дружески. Я-то не обеднею, а тебе, глядишь, помогу. Держи!

Демидов достал со дна корзины сверток. Подал Татищеву.

– Бери, не погнушайся. Да давай, подружим с тобой. Хватит нам собачиться. Ты одно пойми, без меня тебе не сдюжить. Нешто сам не понимаешь?

– Спасибо тебе. Но денег не возьму. Убери, если не хочешь поссориться. Дружить я согласен. А помощи от тебя ох, как надо мне. Я и советом твоим не погнушаюсь. Только денег мне больше не предлагай. Не то дружба врозь!

Демидов, видя непреклонность Татищева, разочарованно убрал деньги.

– Ну, как знаешь. Но, коли, надо будет, проси, сколько требуется. Так дам...

На улице Феоклистов разговаривал с кем-то из сопро-

вождения. На крыльцо Горного управления вышел Демидов и молча сел в карету. Феоклистов проворно прыгнул за хозяином. Усевшись напротив, посмотрел вопрошающе.

– Не взял, – сокрушенно изрек Демидов. – Что за человек! У всех берет, а у меня не взял.

– Может мало дали?

– Да он даже мельком не глянул на деньги. Будто и не было их вовсе.

Демидов достал из-за пазухи сверток.

– Да за такие деньжищи я в Петербурге пол Берг-коллегии купил. А этот молокосос нос воротит. Нет, не взять его деньгами. Осторожен шибко. Пойдем по-другому. Отпишем в Санкт-Петербург, что берет взятки. Пока разбираться будут, глядишь, еще что-нибудь придумаем. Город он хочет тут строить. Столицу горную. А нам оно надо?

– Свят, свят, свят, – перекрестился Феоклистов, – у нас-то под боком, да столицу, с генералами, да начальниками... пронеси Господи!

– Вот и я о том же!

– Хозяин! А может отписать, что хлебные обозы задерживает. Народ, мол, ропщет, на работу не выходит. А так не далеко и заводы остановить. Военные заказы срываются? Срываются! Мужики, мол, голодные отказываются караваны по Чусовой вести. А пушки да ядра, да гранаты, поди, ох, как сейчас государю нужны.

– Молодец! Башка! Петр Алексеич нынче к персидскому походу готовится. А этот афронт ему весьма некстати будет. Он только что благодарственное письмо мне прислал за припасы воинские, да за лес корабельный для петербургских верфей. Так что в самый нужный момент и ударим по Татищеву. А главное, скажем,

что взятки берет. Ох, не любит царь-батюшка мздоимцев, ох, не любит! Матвея Петровича Гагарина, князя, губернатора Сибирского повесил за воровство. А тут – капитанишко. Тьфу ты! И следа от него не останется!

– А, поди потом, докажи, что не брал!

– Ну да, то ли он украл, то ли у него украли, а запашок-то пойдет. Задымится земля у Васьки под ногами. Верно, верно всё складывается. Ты это, как домой вернемся, снаряди обозишко в Петербург, к Апраксину.⁶ Дам еще денег, да письмо ему отпишу. Сам и отвезешь. Пусть в Берг-коллегии поправит кого надо, а заводу здесь не бывать! Эх, да и с Петром Алексеичем пускай поговорит про капитанишку нашего. Сделаешь всё, а следом за тобой и сам поеду. Надо с государем лично поговорить. Но только опосля Апраксина. Ну, каково!

– Голова ты у нас, Акинфий Никитич! Тебе бы в столицах заседать, да Расеей править.

– А я что делаю?

Демидов самодовольно расхохотался. Феоклистов подбостранно подхватил. Демидов взгляделся в окно кареты.

– Вон, видишь, впереди, поляна на взгорье. Вели туда править. Здесь гулять хочу!

Феоклистов открыл окошечко на передней стенке кареты и крикнул кучеру, чтобы брал вправо на подъем. Демидовский обоз въехал на поляну. Из саней на нетронутый снег вывалились веселые разбитные девки и мужики, степенно сошла челядь. Демидов вылез из кареты, с одобрением оглядел выбранное место и скомандовал:

– Ставь шатры, жги костры! Здесь гулять будем!

Вся команда ответила отчаянным гвалтом. Девки завизжали от предстоящего удовольствия, мужики от пьянящего приволья и множества водки. Челядь, молча и проворно, бросилась исполнять приказ хозяина.

Март 1722. Москва

В январе 1722 года Татищев выехал в Санкт-Петербург. Узнав по дороге, что Петр уехал в Москву на торжества по случаю долгожданного мира со шведами, свернул в старую столицу. Но Петра там не застал. Тот уехал осматривать Олонецкие заводы. Тогда же Татищев узнал о жалобе Демидова, поданной на него Петру. Видимо из-за нее Петр и приказал придержать Василия Никитича в Москве. Встреча состоялась только в середине марта.

Татищев вошел в кабинет Петра. Петр встал из-за стола и вышел ему навстречу.

– Здравствуй, Татищев! Приказал я задержать тебя в Москве до моего приезда. Садись, рассказывай. Что там у тебя на уральских заводах творится? Отчего с Демидовыми тяжбу затеял?

Петр сел за стол, Татищев уселся в кресло, напротив.

– Петр Алексеич, государь-батюшка! Заводы казенные нашел я в великом запустении и упадке. Людей не хватает. Мощности малые, хотя руд в округе в количестве достаточном. Нашел я место под новый завод, да под такой, каких Европа не видывала. На сорок молотов. Машина! Уже и под плотину место разведаль и подготовку начал к строительству. А теперь Берг-коллегия их строить не велит. Отписали, мол, железных заводов везде

⁶ Апраксин Ф.М. – влиятельный чиновник двора, глава Адмиралтейства.

довольно?! Поскольку государственная коллегия о моем достоинстве или в другом чем имеет сомнение, того ради прошу чтобы повелели послать вместо меня туда кого иного...

Петр, не дав ему договорить, произнес:

– Экий ты быстрый. Чуть не по-твоему вышло, так и в кусты. А кто дело до конца доводить будет? Железодельные заводы нам весьма нужны. Берг-коллегию мы поправим. Вот Брюс из Европы вернется, лично с ним говорить буду. Уральский металл качество высокое имеет. Мне нужны надежные пушки, гранаты, ружья, якоря, да всего и не перечить. На уральских заводах нужно всеми силами расширять производство. Жизнь сама заставляет.

– Государь! Я за ради отечества и Вашего Величества жизни не пожалею, но при отношении таком руки опускаются.

– С Демидовыми что у тебя? Что писал мне, правда?

– Правда истинная, государь! С весны 1721 г. своих людей в Невьянск стал посылать. А в ответ: «Указам из губернии послушны не будем». Демидовы закусили удила, не слушают и не принимают меня. Забирают к себе руду, добытую на казенных рудниках для государственных заводов, сами рудники захватывают, грабят караваны с продукцией, солдаты демидовские избивают крестьян и рудознатцев, посмевших работать на меня. Бывает, что и до смерти. Курьеры, что посылал с депешами по каждой такой «противности», пропадают в лесах. Демидовские десятину не платят. И вообще самовольство повсеместно творят.

Петр встал, подошел к окну, остановился, задумавшись.

– Да, обвинения серьезные. Тут с наскака не разобрать. А

надобно. Дело ждать не может. Мне недосуг с вами разбираться. В поход персидский готовлюсь. Надо прокладывать торговые пути в Среднюю Азию и Индию. Кстати, взгляни-ка на карты. По твоей части.

Петр жестом пригласил Татищева к столу, на котором были разложены несколько карт. Татищев с интересом стал их рассматривать.

– Изрядно, государь. Хорошая работа! Пожалуй, что и сам бы лучше не сделал.

– Ладно, не скромничай. Твою сметку в этом деле знаю, потому только и показал.

Петр повел пальцем по карте:

– Сам с пехотой и артиллерией из Астрахани на кораблях пойду и высажусь в междуречье Терека и Койсу. Конницу отправлю сухопутным путем через Моздокские степи...

– Петр Лексеич! Возьми ты, ради Бога, меня с собой! Нешто капитан артиллерийский в твоих баталиях не сгодится?!

– Спасибо, Татищев, за рвение твое. Послужил ты мне под Нарвой, в Полтавском сражении участвовал. Помню всё. Твое нынешнее назначение не менее важным будет. Тебя вместо любого артиллериста поставить могу. А вместо тебя, думаю, ни один артиллерист не справится. Ты мне нужен на уральских заводах.

Петр снова подошел к окну.

– Как твои успехи в написании истории российской? Не бросил этого занятия?

– Времени не хватает, государь. Но пишу понемногу.

– Это хорошее дело. Нужное. Не бросай его. И проект твой по межеванию земель российских я помню. Ты с ним ко мне приходил в году, – Петр на мгновение задумывается, – в одна тысяча семьсот девятнадцатом.

– Государь, всё помнишь!

– Помню, Татищев, помню. Тогда недосуг было – Карла шведского добывать надобно было. Теперь вот – шаха персидского потеснить. Из похода вернусь, напомни мне. А сейчас, главное, думай о том, как славу российскую металлом уральским приумножать. Задача непростая.

– Значит мне возвращаться?

– Пока побудь в Москве. По вашему с Демидовыми делу велю розыск учинить. Вижу, что чехарда эта сильно делу мешает. Пора ей конец положить. Ну, капитан, удачи тебе!

Татищев встал, понимая, что аудиенция закончена. Петр поглядел в окно и неожиданно повернулся к нему:

– А правду сказывают, что взятки берешь?

– Беру, – ответил Татищев, – но в этом ни перед Богом, ни перед Вашим Величеством не погрешаю. Ведь, если судья решает дело по справедливости, то он вполне заслуживает благодарности и, думаю, противиться тому не следует, ибо, не получая ее, судья станет меньше стараться. И потом, беру только по окончании решения дела, а дело чиню по закону и совести, без предпочтений.

– Ты забыл, что для доброго судьи служба есть священный долг, причем ему и в мысль не приходит временная корысть, и что ты делаешь из мзды, то он делает из добродетели.

Татищев не ответил. Что тут можно сказать. Последнее слово всегда за государем.

– Иди, Татищев. В деле твоём я разберусь. А пока будь в Москве и жди указаний из Берг-коллегии. Всё.

Татищев кивнул и, развернувшись, вышел из кабинета. Петр поднял со стола колокольчик и позвонил. В дверях вырос секретарь.

– Чего изволите, государь?
– Отправьте срочно на Оло-
нец к де Геннину моего порученца. Пусть немедленно выезжает в Москву. Как прибудет – сразу ко мне. В любое время. Иди.

– Слушаюсь, государь.

Петр вернулся к окну, глупо вздохнул и стал смотреть на весенний Кремль. А видел, может, и совсем другое, кто знает...

Лето 1722 года

Летом 1722 года, оставив позади село Троицкое, пылила потихоньку карета. Позади нее тянулся обоз с мастерами и инструментом. В карете Геннин⁷ и Татищев коротали время за вином и дорожными шахматами. Геннин налил вино в бокалы и продолжил свое повествование:

– ...В 1716 году на нашу свадьбу сам государь Петр Алексеевич пожаловал. Супруге моей от избытка чувств аж дурно стало. А когда он подарил нам 1800 рублей, так она и вовсе сомлела. Сказать честно, то и я от радости слезу пустил. Сам государь император на мою свадьбу приехал! Видели бы это мои саксонские родственники. Что судьба с человеком делает!

– Государь-то запросто так не жалуется. Значит, по достоинству вы в фаворе у него были. Да и сейчас, вижу, очень он вам благоволит.

– Сказать честно, до моего приезда на Олонецкие заводы каждая четвертая пушка, изготовленная там, разрывалась при испытаниях. После реконструкции, проведенной мною,

негодными назывались уже только три пушки из тысячи!

– Вот и ответ. Лучше службы государю и не послужишь.

– Да, любит Петр Алексеевич рвение в делах государственных. Да и о личных делах своих подданных не забывает. Великий человек! За всё, чего я в жизни добился, только его могу благодарить. Слава ему! Геннин немного помолчал и спросил:

– А ты, что, семью-то свою думаешь на Урал перевозить? Не скучаешь один?

– Да некогда скучать, Виллим Иванович. Здесь дел столько, что жизни не хватит. А по детям скучаю, конечно. Дочь Евпраксия да сын Евграф у меня. Малые еще. Пусть живут пока с матерью, в моем родовом имении в Болдино.

– Только по детям?

– С супругой моей Авдотьей Васильевной отношений давно не поддерживаю.

– Что так?

– Не сложилось.

– Как же это, не сложилось?

– Служба государева многих разъездов требует. Авдотья Васильевна сразу отказалась за мной следовать. Ей дома удобнее. Вот так и смотрим по сию пору в разные стороны.

– Да, может еще и обойдется всё, сложится.

– Уже не сложится. Всё порушено между нами. Давно на развод подать бы надо, да всё руки не доходят. И вообще, давайте больше к этой истории никогда не возвращаться, Виллим Иванович.

– Хорошо, как скажешь. А характер-то у тебя, Татищев! Характер-то есть!

Татищев сделал ход.

– Вам мат, Виллим Иванович!

– О, да, сдаюсь! Хороший ты игрок, Василий Никитич. А я никак не могу научиться прилич-

но играть. Веду прямую атаку, а о флангах забываю. Не могу сосредоточиться на хитроумных комбинациях. Вижу только главную свою фигуру нападения. Нет. Я слишком прям...

Послышался приближающийся стук копыт. Татищев выглянул в окно. Карета остановилась. Геннин открыл дверь. Перед ним на коне возвышался фельдъегерь.

– Господин генерал! Вам пакет от государя!

Геннин взял пакет, расписался в документе, поданном фельдъегерем. Тот, отдав честь, развернулся и поскакал назад. Геннин уселся на место и вскрыл конверт. Карета тронулась. Геннин, прочитав письмо, передал его Татищеву. Василий Никитич стал читать вслух: «Капитану Татищеву быть в Сибири при розыске с Демидовым у генерал-майора Геннина, а у горного начальства ему до окончания того дела быть не надлежит».

– А вот и мне мат, – выдавил он растерянно.

Геннин некоторое подумал и произнес:

– Я думаю, Василий Никитич, это пока только шах.

– А чем же мне теперь заниматься? Я, вроде, как и никто теперь стал.

– Кто за тебя сейчас там остался?

– Берг-коллегия прислала Михаэлиса.

– Будешь при мне помощником по горнозаводским делам. Кто же лучше тебя обстановку на месте знает! Согласен?

– Так точно, майн женераль!

Геннинский обоз добрался, наконец, до Кунгура. Встречать их вышла группа чиновников во главе с Михаэлисом.

– Здравствуйтесь, ваше превосходительство! – льстиво заговорковал Михаэлис, – не изволите проехать отдохнуть с дороги?

⁷ Виллим де Геннин. Немец. На российской службе с 1698 года. Прошел путь от простого фейерверкера до генерал-майора. Участвовал во взятии Выборга, Кексгольма и в Гангутской битве. Строил Литейный двор и Пороховые заводы в Санкт-Петербурге. Командовал Олонецкими заводами. Направлен на Урал разорвать конфликт между Татищевым и Демидовыми.

– Отдыхать нет времени. Веди в контору.

Геннин и Татищев поздоровались с Блюэром и Патрушевым и прошли в здание горно-заводского управления. Войдя в кабинет, Геннин пригласил остальных рассаживаться. Михаэлис подошел к Геннину и положил перед ним на стол саквояж.

– Примите, господин генерал, от ваших подчиненных наш скромный подарок в честь вашего приезда!

Геннин раскрыл саквояж. Тот был набит деньгами. Геннин разъярился мгновенно.

– Что это?!

– Подарок... по старой доброй традиции... – залопотал удивленный Михаэлис.

– Забрать немедленно и раздать назад. Лично проверю! Еще раз повторится – под суд отдам! Писаря!

Вбежал испуганный писарь.

– Пиши первый указ! «Ежели кто учнет неуказные излишние сборы раскладывать и собирать, будто бы мне, генерал-майору в поднос, называя в почесть, то по таким запросам ничего не давать. Понеже те собранные с миру деньги и прочее не токмо мне не потребны, но и другим при мне обретающимся под великим страхом брать запрещено».

Геннин подошел, поставил подпись.

– Разослать и объявить во всех слободах и заводах под барабанный бой. А сейчас едем на Мулянские рудники, господа. Потом отдыхаем и – в Уктус. Прошу...

Геннин показал рукой на выход. Все стали переглядываться. Михаэлис втянул голову в плечи. Татищев улыбнулся...

До этого берг-советник Михаэлис распорядился, несмотря на возражения Блиера,

прекратить работы на Мулянке, якобы по причине бедности месторождений. Геннин, осмотрев рудники, приказал возобновить работы. Вскоре Михаэлис был переведен Гениным в Соль-Камскую на Пыскорский медеплавильный завод.

Зима. Конец 1722 года

Наконец Генин добрался и до главного своего пункта назначения. Встреча произошла в невьянской конторе Демидовых. Поздоровавшись, Геннин сразу обратился к Демидову:

– Представьте мне письменное изложение вашей жалобы, расписав, какие вам от капитана Татищева обиды были, какая и в чем остановка была вашему делу.

Демидов помолчал, подумал и ответил:

– Я передумал жалобу на Татищева подавать. Прощаю его. Молодой, горячий, неопытный. Что с него взять. Решил я простить его и на мировую пойти.

– Без воли Его величества принять мировой челобитной не могу, так как прислан не мирить, а учинить розыск. Если вы будете отказываться от подачи жалобы, то всяк будет мнить, что виноваты вы и на горного начальника жалобу приносили напрасно.

Демидов не мог решить, как в этой ситуации лучше поступить. Наконец он согласился:

– Хорошо, я подам вам письменное доношение с указанием претензий Татищеву.

– Пишите обстоятельно. Свидетелей ваших буду допрашивать лично. А пока представьте мне всю документацию по вашим заводам. Завтра поедем их смотреть. Прикажите не мешкать. А я пока пойду отдохну с дороги.

Геннин встал и вышел из кабинета. Демидов позвонил в

колокольчик. Как из-под земли вырос Феоклистов.

– Слушаю, хозяин!

– Быстро собери все документы по нашим заводам и отнеси генералу. Будь поблизости от него. Выполняй всё, что прикажет, и заботься, как о себе самом. Нет, даже лучше. Прислали же пса на мою голову. Ох, Никитушка, попал ты в оборот!

– Что, крут генерал?

– С этим не договоришься. Служака до мозга костей. Порядок любит. Ордунг, мать твою! Ну, всё, давай, шустри!

Феоклистов с испуганным лицом выбежал из кабинета. Никита сел за стол и глубоко задумался...

К чести де Геннина, нужно сказать, что он провел справедливое расследование, невзирая на лица. Кроме Демидовых генерал получил свидетельства о происшедшем деле от служащих Главного правления заводов. Мнения, полученные от разных лиц, позволили ему составить собственное представление о деле и вынести свой вердикт. Зимой 1722–1723 года де Геннин вернулся в Петербург и представил Петру I результат розыска. В поданном рапорте генерал полностью оправдал Татищева. Он писал: «К тому делу лучше не сыскать, как капитана Татищева. Я оного Татищева представляю без пристрастия, не из любви или какой интриги, а видя его в том деле правым и к строению заводов смышленным, рассудительным и прилежным. В случае, если решение по делу будет положительное, предлагаю оставить Василия Никитича во главе Главного правления заводов».

Таков был вердикт де Геннина... А в феврале пришел указ о строительстве на берегу Исети завода-крепости.

Зима, начало 1723 года

Катерина оторвала взгляд от окна, присела возле люльки с младенцем и стала с ним разговаривать:

– Скоро тепло будет. Поедем к папке в Тобольск. Поедешь к папке, Журавлик? Поедешь? Ух, ты, хороший ты мой. Красавчик ты мой. Весь в папаню. И бровки-то у нас папкины. И глазки-то у нас папкины. И носик-то у нас папкин. И что там еще у нас папкино?

Катерина засмеялась и потискала малыша. Тот загулил в ответ.

– А как сядем мы с тобой на лошадку, да как поедем-поедем. Папка тебя увидит – вот обрадуется-то. Вчерась письмо прислал. Всё про тебя спрашивает. Как, говорит, мой Журавлик поживает? Мамку слушает ли? Я ему написала, что слушает. И папке привет передает. Что, кушать хочешь, Василий Андреев Журавлёв? Давай-давай, поедим. А то похудеешь, не дай Бог. Папка меня ругать будет. Скажет: «Ты почему, мамка, Васятку голодом морила? Нешто можно дитя без прокорму оставлять? Что мы ему ответим? То-то! Ешь давай.

Катерина дала мальчику грудь. Он начал сосать и аппетитно причмокивать. Катерина нежно улыбнулась ему и запела колыбельную песню...

Весна 1723 года

Большой обоз въехал в Уктус и остановился у здания горного управления. Из передней кареты вышел де Геннин. Татищев – навстречу.

– Здравствуй, Виллим Иванович! Какие вести привез из столицы?

Геннин стоял и растирал затекшую поясницу.

– Указ о строительстве завода получил?

– Получил.

– Так каких тебе еще вестей надобно? По вашему с Демидовым делу розыск еще не закончен. Я свое сделал. Дальше Берг-коллегия разбираться будет да Сенат. Потом суд. Ждать надо. Ты мне вот что скажи, я сейчас, прежде чем сюда ехать, до будущей плотины крюк сделал. Где люди? Почему работа стоит? Отвечай!

– Виллим Иванович! А где я людей возьму! Заводчики своих не дают. Матерьяла тоже не дают. Да еще с башкирами напасть. Требуют поселенцев наших убрать с их территории. Иначе грозят всех выгнать сами. Я что могу, то делаю. Но полномочий-то у меня никаких!

– Ладно, разберусь. Будут у тебя полномочия. Объявляю тебя своим помощником официально.

Геннин подошел к карете и крикнул:

– Можно выходить!

Из кареты вылезли два молодых человека в форме горных инженеров. Геннин представил их Татищеву:

– Вот, знакомься, Василий Никитич. Клеопин Никифор и Гордеев Константин. Мои ученики. Мои глаза и уши. Прошу любить и жаловать.

Молодежь учтиво кивнула Татищеву. Тот представился попросту:

– Татищев.

– Моя правая рука, – уточнил де Геннин.

– Так, что, Виллим Иванович, пойдём в контору?

– Пойдем, Василий Никитич, пора за дела приниматься.

Геннин обернулся к Гордееву и Клеопину:

– Найдите комиссара Бурцева, передайте людей и имущество и приходите в контору. А ты, Татищев, командуй об-

щий сбор. Да, Никифор, мастеров немецких, что со мной приехали, тоже надобно на совет позвать. Пусть вникают в дела, не мешкая.

Геннин и Татищев прошли в контору.

В доме Генина сдвинули столы. За столами сидели немецкие инженеры, приехавшие с ним с олонецких заводов. Здесь же были Татищев, Блюэр, Патрушев, Бурцев и Клеопин с Гордеевым. Все были уже изрядно навеселе. Немцы пели свою национальную песню, размахивая кружками. Слово взял Генин:

– Строить, думаю, начнем силами солдат тобольского полка. Днями первые четыре взвода должны прибыть. Пусть начинают избы рубить. Договорился с Сибирским губернатором, князем Черкасским. Десять слобод отдает в ведение Горного управления. Если будет нужно, объявлю указ по нашим деревням. Привлеку крестьян. И матерьял обязал поставить от частных заводов на строительство. Словом, будет дело. Главное, с плотиной не оплошать. Вот, думаю, где мастера искусного найти.

– Только у Демидовых, – вставил Бурцев.

– Значит, возьмем у Демидовых.

– А дадут? – спросил Патрушев.

– Пусть попробует отказать. Да, кстати, тебе в отставку, Иван Федорович, я отказываю. Поработай пока. Прости, но некого на твое место поставить. Василий Никитич, что грустишь? – обратился Геннин к Татищеву.

– Устал я, Виллим Иванович. Вот ты за дело взялся, так у меня и силы куда-то ушли, как сквозь песок. Будто переложил ношу на тебя, а снова подойти к ней боюсь.

– Это от нервов. Много ты пережил здесь. Ничего, всё обрывается. Еще покомандуешь уральскими-то заводами.

Татищев стал отмахиваться руками:

– Уволь, уволь, Виллим Иванович! С меня довольно. Правда, устал я.

– Ну, отдохни недельку. Не возражаю. А как отдохнешь, то вдвое с тебя спрашивать против сегодняшнего буду.

Татищев в шутливом жесте приложил руку к груди, мол, «премного благодарен». Все повеселели. Начал улыбаться и Татищев.

– Виллим Иванович! – обратился Бурцев, – что с беглыми делать? Никакого сладу нет. Демидов супротив нашего плотит вдвое. Вот и бегут от нас.

– Буду жестоко наказывать. Колесовать. А для острастки и за ребро кого подвешу, чтобы другим неповадно было бегать.

Из группы пьяных инженеров послышался голос серба Милутиновича:

– Никогда в России законов не было, а сплошное тиранство!

Геннин вскочил с места, подбежал к нему и выбил ногой из-под него стул. Серб свалился на пол. Все замолчали. Милутинович поднялся с трудом и испуганно глянул на Геннина. Тот прорычал:

– Ты кому служишь? России? Государю императору? А знаешь ли ты, что государь олицетворяет собой свою страну? А значит ли это, что Петр Алексеевич и есть тиран и беззаконник? Да как ты посмел?! Тебя Россия кормит и одевает. Ты без нее скитался бы по Европе и нищенствовал, или подбирал крошки со стола какого-нибудь вельможи. А здесь тебе оказали доверие, почет и уважение. И этими словами ты за всё платишь?!

Милутинович молча и виновато смотрел на Геннина.

– Бурцев! На гауптвахту его! А завтра, как протрезвится, поговорю с ним и решу, что дальше делать.

Бурцев вывел незадачливо болтуна из комнаты. Некоторое время стояла тишина. Затем потихоньку комната стала наполняться голосами гостей. Кто-то начал смеяться, кто-то затянул песню. Остальные подхватили и стали размахивать кружками, отбивая такт в конце куплета...

В Уктусскую слободу вошли четыре роты тобольского полка под предводительством капитана Яна Кралевица. Знамена, барабаны...

Командир подошел к встречающим Геннину, Татищеву и Клеопину.

– Господин генерал-майор! Тобольского полка капитан Ян Кралевиц! Привел четыре роты общим числом пятьсот сорок человек.

– Здравствуй, здравствуй, Иван Королевич! Каков молодец, а Василь Никитич! Полтыщи работников уже есть. Первые ласточки наши!

– Не ласточки, Виллим Иванович, орлы!

– Хорошо сказал. Точно орлы! Ну, давайте, с марша отдохните, кондуктор Клеопин вас определит, а завтра начинайте казармы строить. Одну роту отправите на плотину. Завтра начнем... Василий Никитич! Татищев! Да ты, никак, расчувствовался?

– Да нет, в глаз что-то попало.

– Да ладно тебе, конспиратор.

– Виллим Иванович!

Клеопин с Гордеевым – личные порученцы – «глаза и уши» генерала – измеряли ватерпасом перепады высот по берегам скованной льдом Исети. И всю-

ду натыкались на заваленные снегом штабеля строительного леса. Геннин с Татищевым стояли неподалеку на берегу. Молодые люди подошли к ним. Клеопин обратился к Геннину:

– Виллим Иванович! Место для завода выбрано Татищевым на редкость удачно. Оно уже расчищено, и лес заготовлен.

Татищев улыбнулся. Геннин рассмеялся.

– Спасибо, молодцы! Сейчас подойдут тобольцы. Чертежи готовы?

– Готовы, – ответил Клеопин.

– Назначаю тебя ответственным за строительство. Гордеева твоим заместителем. Расставьте солдат на рубку изб. Завтра будем смотреть места для бастионов.

Послышался барабанный бой. На берег вышли маршем тобольцы. Среди солдат был и Андрюха Журавлёв. От строя отделился офицер и подошел к Геннину.

– Господин генерал-майор! Привел роту, сто шестьдесят человек. Командир роты прапорщик Брандт!

– Здравствуй, прапорщик. Татищева тебе не представляю.

– Да кто же Василия Никитича-то не знает! – ответил Брандт.

– И я так думаю. Вот ваши начальники – Никифор Клеопин и его заместитель Гордеев Константин. Будете с ними возводить крепостные бастионы и плотину. Исполнять их приказы беспрекословно. Ну, а мы с Василь Никитичем пойдём дальше делами заниматься. А вам, – обратился он к Клеопину и Гордееву, – смотреть накрепко вместо моего глаза!

Клеопин и Гордеев с Брандтом пошли к солдатам ставить им задачу. Геннин и Татищев пошли вдоль берега к дороге.

Скоро на берег Исети начали прибывать груженные подводы с первыми поселенцами. Геннин с Татищевым лично вышли их встречать.

– А вот и интендантство наше прибывает, – проговорил довольный Геннин.

Мужики стали по очереди подходить к генералу и представляться:

– Степан Брагин. А это вот Иван Минюхин. С Нового Усо-лья мы.

– А, старые знакомые, – заметил Татищев, – будет кабак и винокурня у нас. Они у меня еще в прошлом году откупную взяли.

– Что ж, молодцы, что приехали, – похвалил их Геннин, – пока поселим вас в Уктусской слободе, а строиться здесь будете.

Мужики поблагодарили и пошли к телегам. Следом за ними на берег выехал обоз с кирпичами. Старший подошел к Геннину.

– Ваше превосходительство! Лука Удалых. Со мной еще трое мастеров. У нас подряд на поставку двухсот тысяч кирпичей. Вон, первая партия при нас.

– Молодец, Удалой! А про харчевню не забыл?

– Никак нет, господин генерал! К концу месяца построим.

– Ну, да как такому Удалому, да не построить! Кирпич выгружайте здесь. Попросите в помощь солдат. Скажете, что я приказал. Потом езжайте в Уктус. Найдете там комиссара Бурцева. Он вам поможет на первое время разместиться.

Зашумела, забурилась работа. Молчаливые дотоле берега Исети будто ожили после долгой немоты. И действительно, эта весна была совершенно другой, отличной от всех предыдущих. С удивлением глядела природа на людей, преобразующих ее для

себя. Глядела и понимала, что всё это всерьез и надолго.

В кабинете горного управления в тот день собрались Геннин, Татищев, Бурцев, Патрушев, Еварлаков, Рыбников, Якимов. Заседание вел Геннин.

– Господа! Я отдал приказ о переименовании Горного управления в Обер-бергамт. Кратко и официально. Надеюсь, вам понравится. Теперь к делу. Радостная весть – нашего полку прибыло. Вчера майор Бриксаузен привел из Тобольска еще один батальон солдат. Силы наши растут день ото дня. Работы прибавляется. Поэтому хочу распределить обязанности. Финансовыми делами назначаю руководить Ивана Федоровича Патрушева.

Патрушев обреченно кивнул.

– По рекомендации Татищева, предлагаю назначить управителем Исетской заводской канцелярии Федора Борисовича Еварлакова. Он прибыл из Тобольска. Вопросы к Еварлакову есть?

– Знаем мы Федора Борисовича по Алапаевскому заводу, – заметил Бурцев.

– Вот и я перед Сенатом за него ходатайствовал, – сказал Геннин, – человек он тихий, но твердый. В деле смьшлен, такого второго здесь не сыскать. Ты, Федор Борисович, завтра бери людей, да начинайте рыть обводной канал. Чертежи возьмишь у Клеопина. Да проверь, чтобы лопаты хорошие были. Ежели гнилье кто прислал, то скажи этим поставщикам, чтобы одежду теплую готовили. На Нерчинских рудниках зима ранняя.

Послышался чей-то угодливый смех над шуткой начальника.

– Далее. Еварлакову в помощь назначаю Ивана Королевича. Будет следить за сол-

датами своими, крестьянами и пришлыми людьми. Всё тебе, Федор Борисович, полегче будет. Провиантское снабжение отдаю под командование Никите Петровичу Бурцеву. Знаем его, как крепкого купца. Думаю, не подведет. А ты, комиссар, – обратился он к Бурцеву-старшему, – ежели что, присмотри за племянником.

Эта реплика вызвала общее веселье.

– Тихо господа, тихо! Назначаю старшим над молотовыми мастерами Ехома Якимова. От успеха монтажа и сборки кричных молотов будет зависеть качество основной продукции – полосового железа. Поэтому я выбрал его. Знаю Якимова по Олонецкому заводу как опытного мастера и грамотного руководителя. Есть вопросы к Якимову? Нет? Далее. Петру Рыбникову, учителю нашей Уктусской школы, как человеку весьма в топографии искусному поручаю наметить столбовую дорогу от Уктуса до Исетского завода.

– Виллим Иваныч! Что с плотинным мастером? – задал вопрос Татищев.

– Демидов обещает прислать Леонтия Злобина. Говорят, что лучше в здешних местах не сыскать. Федор Борисович! Изволь тому мастеру показать свою любовь и ласку, также и другим с ним посланным, понеже они самые искусные в своем деле люди. И чего будут они у тебя требовать – отправляй немедленно. Также прикажи, чтоб наш плотинный мастер Иван Мелентьев присланного плотинного слушал и присматривался бы к его делам и не перечил, а учился бы у него. И сам изволь над ними надсматривать, чтоб они были послушны и вежливы и делу внимали с прилежанием. И последнее. В апреле хочу поставить к плотинной работе

попеременно наряжаемых крестьян из ближних и дальних слобод. И еще. Пришлых людей без паспортов на работу принимать дозволяю. Без особого шума. Вот теперь, кажется, всё. На сегодня. Все свободны.

Все встали и начали выходить из кабинета. Блюэр, выйдя на улицу, показал Татищеву на Еварлакова:

– Он что, всегда такой хмурый?

– Да. Видишь ли, тут дело особое. Был он в заговоре с царевичем Алексеем. Государь его лишил дворянства и сослал в Тобольск. Так и мается, бедняга. Вон, как ошибки-то молодости жизнь коверкают. Жена в Тобольске осталась. Не поехала с ним, – Татищев тяжело вздохнул, словно вспоминая что-то, – он прошения Петру Алексеичу подавал, просил шпагу вернуть, винился, а ответа по его делу всё нет. Так и ходит неприкаянный. Жалко мужика. А в деле ему и правда равных нет. Светлая голова.

– Да только дураку досталась.

– Иван Иваныч! От ошибок и порывов молодости многим в дальнейшей жизни не сладко пришлось. Не суди, да не судим будешь.

– Прости, Василь Никитич, само сорвалось. Видит Бог, не со зла.

– На том и кончим разговор.

Невдалеке появился всадник на взмыленном коне. Он остановился возле управления и стремглав вбежал в здание. Татищев и Блюэр, увидев его, стояли, не решаясь уйти. Через несколько мгновений распахнулось окно, и Геннин, высушившись наружу, крикнул:

– Василий Никитич! Зайди ко мне срочно!

Татищев исчез в дверях.

– Виллим Иванович, что стряслось?

– Василий Никитич, из Горного Щита прибыл нарочный. На Полевской башкиры хотят напасть. Сведения верные. Бери пушки и сопровождающих до Горного Щита. Там драгун наберешь, и к вечеру будь на месте. Должен успеть. Бог тебе в помощь.

– Понял, Виллим Иванович! Не посралим Русского оружия! Виват артиллерия!

Геннин подошел к Татищеву, обнял его.

– Ну, в путь, капитан. И береги себя, вояка! Ни пуха, ни пера!

– К черту!

Татищев выбежал из кабинета.

В эту ночь Андрюша наконец-то оказался с семьей. Он сидел, качал люльку с малышом и говорил:

– В этот раз всё получится. Теперь я ученый. Немножко потерпи еще. Уйдем в Сибирь. Места там много. Никто там нас не найдет.

Катерина тяжело вздохнула:

– Так я бы рада, Андрюшенька, да только боязно за тебя. А как опять поймают тебя? Тогда что?

– Тогда всё. Потому и не поймают. Не дамся.

– Господи, а мы-то как?

– Да погоди ты меня до времени хоронить. Даст Бог, всё получится, как задумал. Как у меня всё наладится, я тебе весточку дам. Сам сюда уж не пойду. Ты дом продашь, и поедете с Васяткой, куды скажу. Там и встречу вас, да далее вместилах и пробираться будем. Эх, Катерина! Дом построим, хозяйство заведем, да детишек на радость нарожаем еще. Одежду тебя в соболя, как боярыня ходить будешь. Ты, главное, верить должна и сделать, как скажу.

– Андрюша, не надо мне соболей. Мне только мир да любовь чтобы. Для счастья-то много ли надо? Чтобы вы оба со мной рядом были. Вот и всё.

– Ну, богатство еще никому не мешало.

– Ой, Журавлик ты мой, ты где богатством-то разжиться собираешься? Чай, не ждут нас нигде с мошной открытой.

– Есть у меня думка одна. Говорить не буду, чтобы не сглазить. Да ты не бойся!

– Да как не бояться-то?

– А ты о сыне думай. Про его долюшку думай. Чай, в Сибири-то свободным человеком будет, а здесь что его ждет? Солдатчина, али заводская судьбина? Уж чего хорошего!

– Ты, Андрюшенька, не сомневайся. Я за тобой хоть на край света пойду. А ежели надо будет, то конец с тобой разделю. Без тебя мне свет не мил будет.

– А Васятка как?

– Не знаю, милый. Не хочу про то думать.

– Да что ты заладила – «без тебя, да без тебя». Ты о хорошем думай. Вон, Васятка подрастет, помощником мне будет. И тебе помощница нужна. Думай лучше, как девку-то назовем.

– Так ведь нету еще!

– Ну, нету, так будет!

Андрюша поднял Катерину на руки и понес на постель, по пути задув светильник...

Демидов понимал, что де Геннин не Татищев. Это высокий государственный чиновник, да еще такого крутого нрава. Государство пришло! Остановить строительство не удастся. Демидов решил изменить тактику. Он приказал вызвать к себе лучшего плотинного мастера Леонтия Злобина, из старообрядцев. Когда тот пришел, Демидов ласково обратился к нему:

– Здравствуй, Леонтий.
– И ты здоров будь, хозяин, – ответил мастер.
– Ты проходи, проходи, Леонтий, за стол садись. Откушай.
– Спасибо, хозяин. Сытый я.
– Ладно, ладно. Понимаю. Вера не позволяет. Ну, как говорится, дело твое. Веру мы всегда уважаем. Ты вот мое дело выслушай. Знаешь, на Исети завод новый строить начали?
– Слыхал.
– Плотины надо ставить. Злобин не ответил.
– Ну, чего молчишь? Нешто не понял, к чему я клоню?
– Не понял.
– Леонтий! Вот ты меня много лет знаешь. Скажи, я тебе худое когда-нибудь делал?
– Нет.
– За работу твою достойно плачу?
– Да.
– Так вот. Хочу я тебя отправить к генералу де Геннину. Просит он у меня лучшего мастера. Кто у меня лучший плотинный?
– Ну, я, стало быть.
– Ну, я, стало быть, – раздражил его Демидов, – ты и есть наилучший мой плотинный. Вот, стало быть, тебе и дорога в Исетский завод.
– Не пойду я.
– Это как понимать? А, Леонтий?
– Генерал – Петра-сатаны слуга. Не можно мне с ним якшаться. Лучше на костер. Я на антихриста работать не буду.
– Эх ты, дурья твоя башка! Всё бы вам на костер! А кто веру держать будет? Много ли вас осталось? Так будете свою линию гнуть, дак всех вас и порешат заодно. Што, мало ваших со свету сжили? То-то! Тут хитрей надо быть, да вперед смотреть. Ежели с властью не ссориться, да работу свою справно делать, глядишь, и по-

слабление от нее будет. Поди, не желаешь худа детям-то своим?

– Не желаю.
– Вот и я про то. Ты, давай, подумай. Я тебя лично прошу. Знаю, что могу из тебя ремни нарезать, или медведям скоромить, а заставить не могу. Тебя – нет. А вот попросить – могу. Смотри, сам Демидов тебя просит.

Леонтий стоял, опустив голову и теребя в руках шапку.

– Что, пойдешь?
– А можно, я сперва к старцу Прокопию в скит наведаюсь? Как он скажет – пусть так тому и быть.

– Хорошо, Леонтий. Это правильно. Навести его. Да привет от меня передай. Спроси, ежели чего надо, так пусть без стеснения. Я всегда помогу. Иди.

Злобин ушел.

На окраине Полевского на небольшом валу стоял Татищев и разговаривал с подпоручиком-артиллеристом. По обе стороны от них расположились замаскированные артиллерийские точки. Солдаты-пушкари были готовы к бою.

– Сведения точные? – спросил Татищев.

– Точные, господин капитан. Человек надежный.

– Три дня уже ждем.

– Лучше б они передумали.

– Нет, друг мой, урок преподавать им надобно, чтобы впредь неповадно было.

Татищев рассмотрел в подзорную трубу лежащий впереди за полем участок леса.

– Кажется, подпоручик, ваш человек и впрямь надежен. Смотрите!

Татищев передал офицеру трубу. Тот, посмотрев, быстро вернул ее и обернулся к солдатам:

– Приготовиться к бою!

Татищев и подпоручик прыгнули в окоп. Со стороны

не видно ни пушек, ни пушкарей. Стоит себе мирный поселок – бери – не хочу. На опушке леса, что стоит на холме, начали скапливаться всадники. Издалека были видны бликующие на солнце пики и металлические нагрудники башкир. Конники в шапках с лисьими хвостами рассредоточились в линию атаки. Вот послышался гортанный крик батыра, и конная лава обрушилась сверху с криками «Алла!» на поселок. Батарей молчала. Три сотни башкир неслись с пиками и саблями наголо. Снег вылетал из-под копыт, образуя большое и страшное живое бело-рыжее облако, несущее смерть. Островками возвышались над ним головы всадников. Штуцеры болтались за спинами. С кем тут воевать! Порубаем и так. Когда до защитников осталось каких-нибудь две-три сотни метров, прозвучала команда «Пли!» Конная лава, будто налетев на невидимое препятствие, рассыпалась и стала ломаться, оставляя на поле брани трупы и раненных. Захрипели испуганные лошади. Снег покрылся кровью. Башкиры, поняв, что попали в засаду, попытались остановить своих коней и ретироваться. Но задние наседали на передних, отчего неразбериха только усиливалась. А пушки Татищева работали не умолкая. Сам он, высунувшись из-за бруствера, внимательно следил за нападающими и отдавал солдатам команды. Атака была отбита. Потеряв большинство своих бойцов, остатки отряда башкир поспешили уйти от огня врассыпную. Вдогонку им еще гремели выстрелы. Скоро только жалкая горстка недавно еще многочисленного отряда скрылась в лесу. Татищев обнял подпоручика.

– Виктория, брат! Полнейшая ретирада противника! Виват, артиллерия!

– Виват, господин капитан!

Татищев прошел по номерам и поздравил солдат с первой крупной победой в этой еще только начинающейся битве за Урал, за могущество России и за то мирное будущее, которое, уввы, всегда покупается только кровью.

В келье Прокопия сидели сам хозяин и Леонтий Злобин. Леонтий внимательно слушал старца. Тот говорил:

– Дров-то наломать да без пользы помереть – не велика заслуга. На Дону один чиновник предлагал тамошним нашим между принятием новых книг и виселицей. Все выбрали смерть. А дальше что? Кто в результате кого одолел?

– Так в царствие Божие ведь все попали! Вот оно, главное!

– Ты о царствии Божиим думать думай, да и о Земле не забывай. Сначала здесь нам победу одержать надобно. Вот когда здесь мы антихриста одолеем, тогда и на том свете нам за всё воздастся. Нелегкая борьба предстоит еще. А ты помирать собрался.

– Значит зря наши огненное крещение принимали?

– Зачем же его принимать? Чай, не одна никонианская церковь на земле. Есть истинная, наша. И пока она есть, не властвовать антихристу над миром. На памяти моей, на Керженце, на соборе, самосожженцы были отлучены и лишены церковного погребения и поминовения, аки «прельстители и прельщенные». Не гоже нам в угоду еретикам лапки-то вверх поднимать. Силой обраться нам надобно. Вот Никита Демидов правое дело делает. Осокины,⁸ к примеру, тоже. Посмотри, кто на заводах-то уральских в мастерах ходит.

Наши. А купцы, заводчики кто? Опять наши. Почему на Ветке да на Иргизе в силу мы вошли? То-то! Вера наша капиталом прирастать должна. Обладать великими промыслами и торговыми. Тогда и на местах чиновники посговорчивей будут, да и государь, видя такое положение дел, противу нас делать не будет.

– Так он, сатана, еретиков-то и поддерживает. Он их сторону принял.

– Он глава правительства, и по слову апостола Павла, ему следует повиноваться. Государю от вседержавца божия десницы представленному – честь, покорение, благодарение и всеверное служение всеусердно воздавати. Такие мои тебе слова будут, Леонтий. Трудами своими восславляй веру нашу истинную, старообрядческую. Руки свои можно отдать для работы. Спротивляться власти проку мало. Она сейчас как никогда сильна. Главное – душу надо сберечь, ибо вся сила нашей старой веры в ней. Хранить и преумножать надо веру истинную, елико возможно. Тогда и антихриста одолеем и настанет тогда царство божие.

Леонтий поднялся.

– Благослови, отче!

Подошел к старцу, облобызал руки.

– Благословляю, Леонтий. Иди себе с Богом, ставь плотину да не забывай разговора нашего. И сердце во гневе не содержи. Иди уже. Молиться буду.

Леонтий, поклонившись Прокопию, вышел из кельи. Старец последовал за ним. Выйдя на тропинку, Леонтий обернулся, положил поклоны, крестясь, и пошел прочь. Прокопий вслед окрестил его двуперстно.

По лесной дороге двигался купеческий обоз. Трое саней без товара легко скользили по крепкому еще мартовскому снегу. Хорошо поторговавшие купцы, разгоряченные вином, весело напевали под нос каждый свое. Неожиданно дорогу перекрыла сваленная сосна. Передние сани остановились. Седоки соскочили на дорогу, подошли к дереву и попытались сдвинуть его с места. В это время их окружили пять мужиков грозного вида с ружьями наперевес. Вперед вышел Андрюха Журавлёв. Купцы, со страхом глядя на него, сбились в кучку.

– Поцадите, братцы, не убивайте, – крикнул один из них.

– Мужики! – спокойно говорит Андрюха, – нам вас живота лишать не с руки. Обойдемся деньгами. Раздевайтесь!

Двое начали лихорадочно снимать с себя одежду. Третий, визжа и смешно подпрыгивая, побежал в сторону ближайшего кустарника. Прогремел выстрел. Бегущий споткнулся, остановился и медленно осел на снег.

– Митроха! Ты чё, куды бы он делся?

– А я что, за ним, как за лосем, до вечера бы гонялся, что ли? – заоправдывался Митроха.

– Твоя правда, – согласился, немного подумав, Андрюха, – вот иди и свежуй его.

Митроха подошел к убитому и начал обыскивать его. Оставшиеся в живых купцы быстро разделись и выложили кошель и пояса с деньгами на дорогу.

– Щас проверю сам, – говорит Андрюха, – и ежели кто что утаил, того туды... – он показал рукой на убитого, – за кумпанию.

Один из купцов снял валежник, разматал портянку и кинул на снег пачку ассигнаций. При этом униженно улыбнулся.

⁸ Осокины – уральские промышленники-старообрядцы.

– Молодец, – бросил Андрюха, – смотри в санях! Трое, отойдя к саням, стали шариться в них и всё, что заинтересовало их, перетащили в передние. Сами сели в них и стали ждать Андрюху. Тот с Митрохой сел во вторые сани, и шайка тронулась с места. Андрюха повернулся к стоящим с краю дороги раздетым купцам, всё еще не верящим в свое чудесное спасение:

– Бывайте, мужики. Простите, ежели что не так. И не поминайте лихом.

Сани понеслись по лесной дороге. Андрюха обратился к Митрохе:

– Ты, Митря, всё ж таки, зря купчишку-то шамальнул. Ненамного, поди, разбогател. На наш век еще хватит. А за убийство сам знаешь, что бывает.

– Так мне ужó всё одно, – колесо, ежели спымають. А-а, однова живем. Что будет, то и будет.

– Еще парочку разов здесь грабанем, да и тикать отсель надо. Шибко уже наследили, – крикнул с передних саней третий бандит.

– Верно говоришь, Касим, – ответил Андрей, – лед сойдет, подадимся на Волгу. Вот где раздолье-то. Скажи, Митроха!

Митроха блаженно потянулся и согласился:

– Да уж, Андрюха. Там мы за одно лето на всю жизнь накоробейничаем.

Бандиты дружно загоготали над его шуткой. Сани мчались всё дальше по дороге...

Леонтий вышел на берег Исети. Полноводная весенняя река, будто признавая будущего обидчика, с шумом швыряла волны на берег, под ноги Злобину и грозно скрежетала наползающими друг на друга льдинами. Налетел ветер и по-

пытался сорвать шапку с головы мастера. Леонтий снял ее и встал на колени. Река вступила с ним в разговор своей музыкой, наполненной силой необузданной стихии.

– Ты прости меня, матушка-река, – закричал Леонтий, – позволь обуздать силу твою сильную. Во благо наше людское плотиною перегородить. Не серчай. Пусть ложе твоё всегда глубоко пребудет, да берега широки. Чтобы веки быть тебе полноводною, кормилица ты наша. Прости, за ради Бога!

Леонтий перекрестился и стал бить поклоны реке. Ветер неожиданно стих. Река успокоилась. Леонтий улыбнулся:

– Спасибо тебе, матушка! Спасибо, кормилица! Прости меня, Господи!

Леонтий, крестясь, подошел к воде и, набрав полную пригоршню, омыл лицо. На берегу появился де Геннин и несколько немецких инженеров. Те, глядя на Леонтия, начали посмеиваться. Геннин бросил на них строгий взгляд и что-то сказал по-немецки. Инженеры, вмиг посерьезнев, замолкли. Все вместе подошли к Злобину. Геннин обратился к нему:

– Здравствуй, Леонтий! Договорился с рекой? Согласна подчиниться?

– Договорился, ваше превосходительство. Согласна.

– Это хорошо. С чего начнешь?

– Канал открою да сваи бить начну. Главное, чтобы народу в достатке было. Остальное – моего ума дело.

– Справишься?

– Вы людей поболее давайте. Работа тяжелая, опасная. Работников часто менять буду, чтобы дело скорее шло. Лес на сваи хороший заготовили, смотрел. Завтра, думаю, и начнем.

– С Богом, Леонтий, не подведи.

– Злобины отродясь никого не подводили.

– Хорошо. А люди будут. Указ я написал. Днями первая партия прибудет. А пока обходись солдатами...

На деревенский сход пришли все от мала до велика. Зазвучала барабанная дробь. Офицер начал зачитывать указ Геннина. Из толпы послышались крики несогласия. Народ зароптал.

– ...Приписных крестьян мужеска пола из слобод: Арамилевской, Арамашевской, Багарякской, Белослудской, Белоярской, Исетской, Калиновской, Каменской, Камышевской, Камышловской, Катайской, Колчеданской, Красноярской, Мурзинской, Невьянской, Новопышминской, Окуневской, Пышминской, Тамакульской, Шадринской. Прибыть в уктусский завод для строительства плотины. Согласно распорядка работ, прибыть...

Из толпы закричали:

– А от подушной освободят?

– А сеять-то дадут?

– Так, когда еще сеять-то!

– На день пойдешь – на год пропадешь!

– Да когда барин не обманывал нашего брата!

– А деньги платить будут?

Офицер ответил:

– Сказано же, вольным за плату!

Шумит, гудит толпа. И не поймешь, то ли ропщет, то ли интерес проявляет. Дело-то новое. Плотина. Завод. Может хоть что-то в жизни изменится...

Берег Исети. Рабочие строят плотину. Здесь же и Злобин. Появились Геннин и Блюэр. Геннин подошел к Леонтию.

– Как дела, мастер?

– Плохо, господин генерал.

– Что так?

– Жрать нечего. Крестьяне домой отпрашиваются за харчишкой – не возвращаются. Солдаты, так те и вовсе бегут.

К ним начали подтягиваться строители плотины.

– Надо потерпеть, братцы. Благо, весна уже. Снабжение деньгами и продовольствием будет налажено. Это я вам твердо обещаю. Зарплату поднимем скоро. Я прошение уже послал самому государю-императору.

– А много ли добавят, ваше превосходительство? – спросил один из рабочих.

– На три деньги.

– На три, это хорошо, – одобрил другой.

– А у Демидовых супротив здешнего вдвое плотют, – вставил третий.

– Бегут к Демидову-то. От него взад не возьмешь, обратного хода нет, – заключил первый.

– Знаю, знаю всё. Разберусь, братцы. Слово даю, разберусь. А беглецов буду карать нещадно. Нас сюда император послал не в бирюльки играть, а важное государственное дело вершить. Беглых казнить буду. Так и передайте всем.

– Не побегут от того пуще? – спросил Блюэр.

– Нет, – твердо ответил Геннин, – десятерых повещу – сотню от побега уберегу⁹...

– Болезных много, – заметил Злобин.

– Я распорядился уже. Из Тобольска вызвал полкового лекаря. Скоро будет. Держитесь, ребята. Бог не оставит нас.

– До Бога далеко... – сказал кто-то из присутствующих.

– Да, церковь надобно здесь поставить, – не совсем поняв смысл оброненной фразы, заключил Геннин.

Предложение особого восторга не вызвало. Геннин развернулся и молча ушел. Блюэр вслед за ним. К Геннину верхом на лошади подъехал Татищев.

– Виллим Иванович! С Ивделя человек пришел, говорит, что вогульский охотник там руду железную нашел. Надо ехать, пока демидовские не пронюхали!

Геннин преобразился. В глазах загорелся живой огонек.

– Давай, Татищев. Бери четверых солдат в охрану, провианту в дорогу, подарки там какие. Да не забудь несколько ружей с припасами взять для вогулов. Словом, не тебя учить. Сам ориентируешься. В добрый путь.

Татищев стегнул лошадь и исчез. Геннин и Блюэр отправились дальше.

Татищев в сопровождении четырех конных солдат въехал в стойбище вогулов. На берегу реки стояли жердевые сараи с берестяными крышами, между ними, как младшие братья, притулились берестяные чумы. В отдалении, словно надзирая за семейством, высился бревенчатый прямоугольник дома старейшины. На поляне, посредине деревни, резвились дети и что-то готовили женщины. Мужчины сидели в сторонке и степенно вели беседу. Татищева и солдат тотчас окружили любопытные дети, да и взрослые не прочь были поглазеть на чужаков.

– Здравствуйте, я помощник губернатора, капитан Татищев. Приехал к вам по государственному делу.

Гостей встретил старейшина:

– Здравствуй, Татищев-отыр. Слыхали мы о тебе. Будь

гостем, у нас праздник, у охотника Кынлабаза сын родился! Новый человек у нас появился!

– Поздравляю! Но дело – прежде всего. Мне нужен охотник Артанзей. Говорят, он где-то в этих местах руду нашел. Хотел бы посмотреть на нее.

– Ну, как скажешь. Если надо, тогда пойдем ко мне в дом.

В этот момент к старейшине подбежали детишки и стали что-то лопотать ему на своем языке.

– Что они говорят, – спросил Татищев.

– Говорят, что обошли всё кругом, но следов нового человека не нашли. Думают, что он прилетел на крыльях.

Татищев рассмеялся, а старик что-то объяснил детям, и они убежали. Татищев отдал команду солдатам и пошел за старейшиной. Зайдя в дом, старик, покопавшись в углу, вынес Татищеву сверток с рудой. Татищев вышел из дома и при дневном свете внимательно рассмотрел ее.

– Где Артанзей нашел ее?

– На реке, ниже по течению. Верст шесть будет.

– Где он сейчас?

– Сети ставит. К вечеру будет.

– Так у вас же праздник?

– У рыбы праздников нет. Она ждать не будет. Вечером он придет, тогда и поговоришь с ним. А пока я хочу с тобой поговорить.

– Слушаю тебя, старик.

– Это руда. Вы из нее металл будете делать.

– Да.

– Сюда придут ваши люди.

– Да.

– Вогулам придется уходить.

– Почему?

– Ваши люди будут притеснять нас. Так было всегда.

– Больше этого не будет. Это я твердо обещаю.

⁹ Всего за время строительства было казнено пять беглецов. Остальных прогоняли многократно сквозь строй, били кнутом, вырезали ноздри, отрезали уши. Выжившие, сразу по наказанию, окровавленные присягали повторной присягой у полкового знамени и отправлялись на работы...

– Я слышал о тебе, Татищев-отыр. Говорят, ты не даешь наш народ в обиду, а обидчиков жестоко наказываешь. Это правда?

– Да. Я действительно издал указ, запрещающий чинить вред местному населению, и стараюсь следить, чтобы он строго выполнялся.

– Вот поэтому я и стал с тобой говорить и руду показал. Мы благодарны тебе. До тебя никто этого не сделал. Артанзей покажет тебе место. Завтра. Сегодня уже поздно идти будет. А пока поспрайдуйте с нами. Пусть твои люди отдохнут с дороги.

На этих словах старика в дом забежала молодая вогулка. Татищев посмотрел на нее и обомлел, – она была копией Чудской царицы, ее земным воплощением. Девушка встретилась взглядом с Татищевым, вспыхнула и выбежала из дома.

– Кто это, старик? – спросил оторопевший Татищев.

– Это моя младшая дочь.

– Царица... царица... – прошептал Татищев, – красавица...

– Пойдем на воздух, Татищев-отыр.

Они вышли из дома. Татищев стал искать взглядом девушку, но нигде не видел ее. Он подошел к солдатам, что-то сказал им. Те распаковали притороченные к лошадям мешки и, вытащив содержимое, сложили его аккуратно на траве. Вокруг сразу образовалось плотное кольцо вогулов. Подошел старейшина.

– Принимайте подарки, – сказал Татищев.

На траве были разложены несколько новеньких штуцеров, боеприпасы, ножи, топоры, пара бочонков вина... Татищев приказал откупорить бочонки и протянул старейшине кружку вина. Вторую взял сам. Их

окужили вогулы. Женщины принесли плошки с мясом и рыбой...

...Закружил хоровод вогульский, захватывая, притягивая к себе. Все выпили вина, хмель задурманил головы, и бубен шамана, сплетаясь с голосами поющих женщин, создал темпоритм, который словоно наркотик, не отпускает, а наоборот всё сильнее влечет и затягивает в омут животного танца. Вдруг в круге появилась дочь старейшины. Татищев устремился к ней. То чувство, которое он однажды, прошлой зимой, испытал во сне, вновь всколыхнулось в душе и стало управлять им, независимо от сознания. Молодая вогулка при каждом его приближении уворачивалась и отбегала в сторону, прячась за спины танцующих. Татищев повторял раз за разом свои попытки, но та, будто рыбка, ускользала от него. Наконец, Татищев настиг ее и взял за плечи. Посмотрел в глаза. На какое-то мгновение девушка замерла, потом вернулась из его рук и побежала прочь из круга. Татищев устремился за ней. Она подбежала к своему дому и исчезла за пологом. Татищев последовал за ней. Попав в темноту, он зажмурился на мгновение, затем открыл глаза. Красавица стояла прямо перед ним.

– Это ты, ты... я узнал тебя. Татищев сжал ее в своих объятиях...

22 мая закладывали домну нового завода. Руководили работой доменные мастера Максим Орловский и Федор Казанцев. Рядом с рабочими находились Геннин, Клеопин и Гордеев. Геннин обратился к мастерам:

– Как, Максим Андреич, добрая будет домна?

– Постараемся, Виллим Иванович. Олонец не опозорим!

– Федор! – крикнул Геннин Казанцеву, – чтоб не хуже невьянской была! Покажи-ка, чему тебя англичане выучили.

– Да уж, не опозоримся, чай. И сами не хуже сработать можем.

– Верю, верю вам, братцы. За других не знаю, а за своих и глаз могу заложить.

Мастера продолжили работу. К Геннину подбежал Бурцев.

– Виллим Иванович, беда!

– Что случилось?

– Еварлаков... Федор Борисович...

– Да не тьяни ты! Говори, что с ним!

– Повесился. С утра никто его найти не мог. Пошли к нему домой, а он... словом, нет больше Федора Борисовича. Беда-то какая!

– О, майн готт! Дурак! Дурак! Вот напасть-то на мою голову! И так людей не хватает, а он вон что удумал. Дурак!

– Вчерась письмо от жены получил, прочитал и в печке сжег. А потом, стало быть и того...

– Про письмо откуда знаешь?

– Сын его сказал. Сам с утра из дому ушел, думал, отец спит. А тут такое...

– Ты похоронами займись. Всё, что надо возьми, людей там...

– В Тобольск повезем?

– Скорее всего. Жена там, дом. Эх, Федор Борисович, Федор Борисович... Что ж ты так-то...

– Не дождался ответа из Сената. Не вытерпел. А тут еще жена. Что такое написать могла?

– Теперь на прочтешь.

– Так уж, коли поставили комиссаром на такой завод, значит доверие возвернул.

Можно было полагать, что всё хорошо закончится.

– Так оно, Бурцев, так. Только в жизни так бывает, что всё наоборот почему-то выворачивается. Иди, Тимофей Матвеевич, сделай всё, как надо... И не забудь, за сыном его присмотри.

Лето 1723 года

Татищев зашел в кабинет к Геннину.

– Здравствуй, Виллим Иванович. Звал?

– Здравствуй, Василий Никитич, проходи, садись.

Татищев сел напротив Геннина.

– Хорошие вести из Питер-бурга.

– Не томи, Виллим Иванович!

– Пришло письмо из Берг-коллегии. Кабинет-секретарь Макаров уведомляет, что получил выписку из следственного дела, которую государь намерен на днях слушать. Макаров выражает надежду, что в скором времени сумеет дать знать мне о решении Петра Алексеича как о следственном деле, так и об определении тебя к управлению заводами. Пока же Макаров пишет, что можно привлечь тебя к выполнению разных заданий, «ежели нужна того требует».

– Опоздал маленько Макаров-то! – смеется Геннин.

Татищев усмехнулся.

– Ты его, Виллим Иванович, на год опередил.

– Эх, Василь Никитич, Василь Никитич, ты уж прости меня, старого зануду.

– За что?

– Да за то, что удовольствие захотел растянуть, да и сижу, про Макарова тебе рассказываю. Получил я письмо от государя.

Геннин загадочно улыбнулся. Татищев, скрестив руки на

груди, закатив глаза в потолок, ждал, что еще выкинет Геннин. Тот не торопился, решив, видимо, до конца помучить Татищева. Татищев сидел еще некоторое время, затем встал.

– Пойду я, пожалуй, Василь Никитич.

Геннин замахал руками:

– Всё, больше не могу. Садись. Пишет государь, что ознакомился с выпиской из следственного дела и моими донесениями и убедился в твоей невинности. Так же сообщил, что мне на Урале быть недолго и что намерен он отозвать меня в столицу, а вместо меня оставить Татищева. Не знаешь такого?

– Так чего же ты тянул, Виллим Иванович! Я ведь этого, почитай, год ждал! Нет, не назначения, а решения по спору с Демидовыми!

– Ну вот, а тут пяти минут подождать не смог! А я виноват!

Татищев подошел к буфету, открыл его и достал штоф с вином и бокалы. Налив, подошел к Геннину и подал вино.

– Виктория, Виллим Иванович!

Оба чокнулись и выпили.

– Поздравляю, Василий Никитич. Надобно, конечно, дожидаться окончательного решения суда, но, как говорится, это просто дело времени. Виват!

Поднял бокал. Татищев налил. Выпили по второму разу.

– Да, чуть не забыл. Михаэлиса Пётр Алексеич приказал вернуть в Берг-коллегию.

– За всё это нужно непременно в третий раз выпить, дабы традицию не нарушать, ибо Бог троицу любит!

Оба заразительно расхохотались и традицию не нарушили. Геннин добавил:

– По поводу третьего тоста. Придется тебе в Соль-Камскую съездить. Пыскорский завод поднять.

Геннин посмотрел выжидательно на Татищева и, прыснув от смеха, добавил:

– А заодно уж и Ягошихинский!

Тут уж и Татищев не смог удержаться от смеха. Наконец, успокоившись, он ответил:

– А сейчас, Виллим Иванович, хоть к черту на рога! Пиши сопроводительную!

– И заметь, официальную как первому помощнику начальника Обер-бергамта!

Под окнами проходили мужики. Услышав неутрахающий смех, один из них сказал:

– Слышь, Петро, и чего им всегда так весело?

– Господа, что с них взять, – отвечает Петро, махнув снисходительно рукой, будто речь идет о малолетних детях...

На берегу Исети на фоне плотины и возведённых щелей стояли Геннин, Патрушев, Блюэр и Бриксаузен. Невдалеке Татищев беседовал с Королевичем. Конвоиры привели группу беглых. Среди них был и Андрюха Журавлёв. Старший команды обратился к Геннину:

– Господин генерал! Привели беглых!

– Что натворили?

– Энтот двух человек сгубил, – показывает на Андрюху, – а остальные просто бегляки.

Геннин командовал, не раздумывая:

– Этого повесить, остальных высечь и приставить к работе!

Андрюха вырвался вперед и крикнул Геннину:

– Не убивал я! Под пытками оговорил себя!

Геннин посмотрел на Андрюху:

– Который раз бегаешь?

– Второй.

– Повесить!

Андрей взглянул на генерала, но в глазах не было мольбы.

Только злость на всё. На судьбу свою беспутную, на себя, на весь мир. Геннин несколько мгновений глядел ему в глаза, будто чего-то ждал, затем отвернулся к собеседникам. Конвоиры согноли беглых в кучку, чтобы вести на экзекуцию. Вокруг начала собираться толпа любопытных. Вдруг, растолкав их, к Геннину выскочила Катерина с сыном на руках и упала в ноги.

– Господин генерал! Не надо, не надо! Не убивайте его! Простите, Бога ради!

Катерина зарыдала и протянула Геннину ребенка.

– Ради сына пожалейте! Не оставьте малого сиротой! Один он у нас, Андрей-то! Не губите, Богом заклинаю, барин!

Геннин обращается к Катерине:

– Муж твой?

– Да, муж! Отец Васяткин! – показала она на сына.

– В церкви венчаны?

– Нет. Не успели мы.

– Найдешь себе хорошего мужа. А этот – преступник!

Геннин повернулся к конвоирам:

– Исполнять!

Те согноли снова всех беглых в строй. Катерина бросилась к Андрею. Журавлёв нежно, в последний раз обнял Катерину и сына.

– Прощайте. Прости меня, Катенька, прости за всё. Не смог я обещанного выполнить. Видно, судьба моя такая. Не держи зла на меня. Сына береги. Прощайте!

Конвоиры, спохватившись, отогнали Катерину. Она, сопротивляясь, всё рвалась к Андрюхе. Наконец, конвоиры грубо оттолкнули Катерину, та упала. Васятка, упавший вместе с ней, заплакал. Татищев, наблюдавший всю эту картину, подошел к Геннину.

– Виллим Иванович! Сделай мне одолжение!

– Слушаю тебя, Василий Никитич.

– Никогда для себя ничего у тебя не просил. А сейчас прошу!

Геннин удивленно посмотрел на него.

– Отмени приказ, прошу тебя! Оставь ему жизнь.

– Что так пожалел его? А?

– Не гоже с такой женкою помирать. Да и дитё жалко. Не могу смотреть на них. Пусть живут. Детишек еще нарожают – будет кому на наших заводах работать.

Геннин задумался.

– Так отменишь? – вывел его из задумчивости Татищев.

Геннин насупился, посмотрел на Катерину с дитём, потом на Андрюху, потом снова на Катерину и повернулся к Татищеву:

– На горло себе наступаю, Василий Никитич, да ладно, – будь, по-твоему!

Татищев обернулся к конвоирам:

– Слыхали?! Высечь и на работу!

– Так точно! – отрапортовал начальник конвоя.

Катерина бросилась Татищеву в ноги, плача и тараторя:

– Век не забуду доброты твоей, Василий Никитич! И детям накажу своим, чтоб век за тебя Богу молились! Спаситель ты наш! Дай тебе Бог всего!

Татищев поднял ее и подтолкнул к Андрюхе.

– Дай слово, что не сбежишь боле.

Андрей смотрел то на Татищеву, то на Катерину, всё еще до конца не веря в свое спасение. Татищев переспросил, – ты слышишь ли меня?

Андрюха спохватился:

– Нет, господин капитан. Боле не сбегу. Вот те крест.

Перекрестился. Старший конвоя дал команду, и кучка беглых двинулась по направле-

нию к месту экзекуции. Катерина с малышом поплелась за ними. Татищев молча стоял и смотрел им вслед.

Пуск плотины

24 ноября освящали закладку церкви святой Екатерины. Священник Иван Ефимов служил молебен. Присутствовала вся администрация обер-бергамта и нового исетского завода. Де Геннин и Татищев отошли к реке и, стоя рядом, смотрели на дело рук своих. Де Геннин подал Татищеву письмо императрицы. Тот зачитал вслух: «Что же вы писали, что построенный на Исете завод именовали, до указа, Екатеринбург, и оное також его величеству угодно. И мы вам как за исправление положенного на вас дела, так и за название во имя наше завода новостроенного благодарствуем».

Их взорам открылась плотина. Она работала. Стучали молоты. Рождалось первое железо исетского завода. Стучало сердце новорожденного града Екатеринбурга. На берег Исети выкатили бочки с вином. Стрельнула крепостная пушка. Солдаты тобольского полка рыдали, кричали «ура» и пили вино. О поселенцах, рвавших жилы на строительстве, никто даже и не вспомнил...

В ноябре 1723 года Высший суд рассмотрел результаты расследования генерала де Геннина и полностью оправдал Татищеву. Тот был отозван в столицу для получения нового назначения...

СМЕРТЬ ИНЖЕНЕРА

Владимир ШКЕРИН

«Черт знает, как нынче поезда ходят! Расписания, почитай, вообще нет: телеграммы да телефонограммы. Вот что бы этому чумазому не проследовать на Уфу без остановки? Там в Уфе весело: то Советы, то Директория. Чья завтра власть возьмет, и не угадаешь. Так ведь нет же, притормаживает...»

Чумазый, впрочем, постоял на Балашовской всего минутку. Свистнул, ухнул, обдал перрон белым паром и погромыхал дальше на запад – туда, где темным стогом еще стояла ночь. Агент службы движения Давыдов, мужчина лет пятидесяти с оплывшим лицом и сутулыми плечами, сунул разноцветные флажки под мышку, поежился на утреннем злом морозце и глянул вдоль перрона: кого нелегкая принесла? Приблизалась группа военных: офицер и четверо солдат с ружьями.

– Здравствуйте, господа! Дежурный Давыдов. Чем могу?

Офицер козырнул с небрежным щегольством:

– Поручик Рузевич. Прибыл с командой на ваш завод за полевыми кухнями.

И, переводя общение в неформальное русло, извлек из шинельного кармана серебряный портсигар и маленькую бензиновую зажигалку.

– Ого, английские! – восхитился Давыдов, принимая папироску. – А мы тут в Аше-Балаше того и гляди скоро все на махру перейдем.

Поручик промолчал, но уголки его губ самодовольно дрогнули. Закурили.

Рузевич прислушался: откуда-то вроде бы доносился женский плач.

– Что это за вой такой в поселке?

– Так ведь с Покрова свадьбы гуляют. Невесты напоследок зорю воют.

– И чего бы им, дурам, выть? Замуж выходят в эдакое-то время...

– Не скажите, господин поручик! Свадьба девушке – что смерть. В чужие люди идет. С тятенькой-маменькой, кровом родительским, с девичьей волей прощается. С собой зеленешенькой-молодешенькой. И вообще страховито. Тут ведь замуж выдают лет в пятнадцать. Хорошо еще, что русские невесты в плачах женихов не хаот. У башкирок здешних в порядке вещей...

– Да вы, почтенный, никак фольклором увлекаетесь? – перебил поручик.

– Поневоле. Они уж неделю по утрам-вечерам голосят.

Папиросу Давыдов держал двумя пальцами – большим и указательным. Курил, не затягиваясь, с сожалением глядя, как тянувшийся из башкирских степей ветерок самочинно раздувает рыжую огненную головку.

– Ну-с, господин поручик, где у нас метзавод, показывать полагаю излишним. Вон трубы чернеют за забором слева. Заводская же контора от железной дороги направо. Стало быть, прямехонько по большаку и ступайте. Тут два шага, и захотите – не заблудитесь. Управляющий, верно, уже на месте: он на службу рано приходит.

– Благодарю. У меня в команде имеется боец, который здесь не впервые и знаком с вашим окружным инженером.

Рисунок автора.

– Вот как? – равнодушно обронил Давыдов и кивнул на прощание.

Оставшись один, он поплевал на подушечки пальцев, притушил папироску и бережно схоронил трофей в нагрудном кармане. Пригодится пофорсить при случае. Глубже нахлобучил фуражку с красным верхом, поднял воротник, повернулся, зябко передернул плечами и зашагал к дверям одноэтажного кирпичного вокзала, согретого изнутри теплом утермарковской печи.

Небольшой воинский отряд уходил по мощеной булыжником дороге вдоль железнодорожных путей, мимо полукаменной водонапорной башни с дымившей на крыше железной трубой – в ту сторону, где над лесистыми очертаниями ближних гор занималась желтая заря. Выпавший за ночь снежок хрустел под подошвами сапог.

– Господин поручик, обратите внимание на гору справа, – один из бойцов приблизился к командиру вплотную и даже как бы навис над трехзвездным погоном, ибо росту поручик был не богатырского. – Липовой зовется. Хотя дубы на ней растут, а липы – нет. Может, прежде росли. Перед той горой в низине речка Сим, ее отсюда не видно. Речка мелкая, но вокруг поселка, будто мы на полуострове...

– Боец Горский, мы не на гимназической экскурсии, – оборвал словоохотливого солдата Рузевич, пыхнув папироской. – Липовая, не Липовая... Скажите лучше: контора, верно, вон в том деревянном доме с колоннами?

– Так точно!

Оставив подчиненных у крыльца, офицер вошел внутрь. Один из солдат, коренастый, с широкой рябой физиономией и раскосыми глазами, извлек из-за пазухи матерчатый кисет с вышитым алым сердечком и обрывок газеты с заголовком статьи («...обеда наших добле...»), свернул-заломил козью ногу, чиркнул серной спичкой и выпустил через ноздри клуб едкого дыма.

– Чё, студень, не подфартило к поручику подмазаться?

Александр Горский поморщился, но смолчал. Отношения с сослуживцами не задалась с самого начала. Вероятно, потому что он, и правда, был недоучившийся студент, их же набрали по сибирским деревням. Вот рябой Вагин и пыжился свою крутость товарищам показать. Как я, мол, интеллигентешку! Хотя из них четверых только Саша и успел порошу понюхать, в бою побывать. Пулю поймал в плечо, а как избавился от повязок с йодоформом, так сменил госпитальный байковый халат на солдатскую шинель и вернулся в армию. Пока в службу тыла, дальше видно будет.

– Ладно, не дуйся, – Вагин примирительно подмигнул. – Курнуть хошь? Али брезгуешь? Ну и хрен с тобой! Ответь-ка лучше, чего ты тут прежде делал?

– Да всё просто, – отвечал Горский, охотно идя на перемирие, но бдительности при этом не теряя. – Гостил здесь вместе с родителями. Лет пять назад. Отец мой – горный инженер, окружной управитель – его старинный товарищ.

– А-а... – разочарованно протянул Вагин, будто ожидал услышать нечто более интригующее. – Инженерам, известно, всех делов-то: пировать да по гостям шастать. Работяги в заводе, чай, сами с усами, с делами управятся.

«Однако, сарказм!» – мысленно огрызнулся студент, но вслух опять ничего не сказал. Отвернулся и стал глядеть на ту сторону железнодорожных путей, где из-за дощатого забора поднимались две круглые доменные башни, крыши цехов и трубы.

– Ишь, нравный какой! – хмыкнул Вагин.

Еще два солдата, молодой кареглазый татарин Мухамедьяров и сорокалетний чалдон Устюжанин, курили и хитро переглядывались, ожидая, чем дело кончится.

Кончилось оно тем, что из дверей конторы вышел поручик и с ним горный инженер в черной

шинели и фуражке с кокардой. Лицо у инженера было узкое, донкихотское, в нижней части покрытое обильно посеребренной бородой.

– Алексей Иванович, право же, напрасно! Препоручили бы кому, – раздувался от удовольствия Рузевич, с гордостью поглядывая на солдатню. Видали, мол? Сам окружной управляющий в чине статского советника сопровождать вышел!

– И-и, пустое, Дмитрий Дмитриевич, – посмеиваясь в усы, заверил поручика управляющий. – У меня на заводе и помимо вас дел довольно. Припозднись вы на полчаса, так уж не застали бы меня в конторе. А так нам по пути. Доведу до цеха, мастеру препоручу, – инженер с видимым удовольствием повторил пыхтящее-рычащее офицерское словцо, – тогда уж, не обессудьте, и оставлю.

Инженер видел, что один из солдат, глядя на него, улыбается, словно золотой николаевский пятирублевик нашел, но не понимал причины его радости и ленился об этом думать. Хотя смутное чувство, что он встречал этого солдата прежде, в душе Алексея Ивановича шевельнулось. Ну что ж, очень даже обыкновенно: кто-нибудь из здешних, из заводских – симских, ашинских или миньярских.

Горский, и правда, так и тянулся, чтобы отцовский товарищ его узнал, хотя в прошлую их встречу сам он был отроком тринадцати годов и теперь, в солдатском обмундировании, выглядел совсем иначе. Не будучи узнан сразу, Саша обрадовался, когда поручик Рузевич отправил Мухамедьярова с Устюжаниным обживаться в так называемом «посетительском доме», а их с Вагиным взял с собой на завод.

– Извольте взглянуть направо, – всё тем же веселым энергичным тоном говорил Алексей Иванович, миновав заводскую проходную. – Видите паровозик? Кормилец наш, кукушечка! В девятисотом году первые шесть

вагонов руды сюда доставил. Завод тогда еще строился: доменный цех, воздуходушная машина в особом корпусе, колошниковый подъем, водокачка, склады, сараи. Осенью того же года получили первую плавку – сразу пять с половиной тысяч пудов чугуна! Но тут важна очередность: сначала железнодорожная ветка, потом – металлургический процесс. Чугунка прежде чугуна. Мы ведь и завод возвели не у плотины, как встарь, нет у нас такой плотины, а подле железной дороги Самаро-Златоустовской. Эдак вот!

Саша знал, что Алексей Иванович более трети века руководит Симским горным округом и что Аша-Балашовской завод – его детище, его гордость. Так что при всей нелюбви поручика к экскурсиям, этого экскурсовода ему выслушать придется.

Однако не успел Саша всласть позлорадствовать, как экскурсия прервалась.

– А вот и мастер Горшков. На ловца и зверь... – воскликнул инженер, завидя спешившего к ним навстречу человека в черном перемазанном пальто внакидку. – Иван Егорович, господа военные прибыли за нашими кухнями. Препоручаю вам... Одним словом, проводите их на склад готовой продукции, покажите всё.

– Покажем. Почему не показать? – мастер Горшков кивнул и оценивающе оглядел военных сквозь круглые стекла очков.

– Ну-с, а мне в силовой цех. Так что пока, Дмитрий Дмитриевич, расстаемся. Как всё осмотрите, разберетесь, милости прошу в контору. Там всё и подпишем.

Тут солдат Горский шагнул вперед и выпятил грудь колесом:

– Господин поручик, разрешите обратиться к господину управляющему!

– Ах, да, Алексей Иванович! – офицер был настроен благодушно. – Рядовой Горский, этот вот самый молодец, хвалится-божится, что он вам старый знакомый.

– Горский? Не Николая ли Андреевича сынок? Да, припоминаю. Вы тогда с мамою, Еле-

ной Ильиничной, возвращались с Кавказа. А родитель ваш, не утерпев, примчался сюда из Екатеринбурга, дабы встретить драгоценное семейство у самых, так сказать, врат горного Урала. Только вы были мальчик, а теперь солдат, воин.

– И, смею заметить, воин кое-что повидавший, – Рузевич определенно был в ударе. – Угодил под красную мобилизацию, но перешел к нашим. И ранение имеет.

Саша почувствовал себя под перекрестным огнем взглядов: инженер глядел на него с ужасом и сопереживанием, мастер Горшков – с любопытством, Вагин – с насмешкой. Прерывая неловкую паузу, поручик кашлянул, козырнул инженеру и махнул рукой мастеру. Через минуту Саша и Алексей Иванович остались вдвоем.

– Что ж, Александр Николаевич, – сказал инженер и взглянул на часы. – Жду вас вечером, ближе к восьми. С командиром вашим договорюсь, не волнуйтесь. Живу я теперь один, разносолов не обещаю, но посидим, почаявничаем. Нам ведь, как старым знакомым, есть о чем и о ком вспомнить. Ну, догоняйте своих. Территория у завода не маленькая, постороннему человеку и потеряться не мудрено.

– Обязательно приду, Алексей Иванович, – по-мальчишески, от уха до уха улыбнулся Саша. – Только с уговором: впредь меня по отчеству не величать.

Иван Егорович Горшков привел приемщиков не на склад, а прямо в цех, где у него имелась готовая полевая кухня.

– Вот она наша продукция! – мастер хлопнул ладонью по большой круглой крышке котла, словно опытный лошадиник по лошадиному крупу. – Предмет для армии более необходимый, чем винтовка или, например, пушка. Ибо стреляет боец не каждый божий день, а накормить его за этот день обязаны дважды – обедом и

ужином, да еще с утречка чайком побаловать.

– Распрекрасно в прежние времена и на костре готовили, – пробурчал седоусый рабочий. – Ведро щей на десять человек нижних чинов. Распрекрасно!

– Вы, Забалуев, глупости говорите! – устало поморщился мастер.

– Уж не большевик ли? – то ли в шутку, то ли всерьез осведомился поручик.

– Так вот, кухня полевая образца девятьсот седьмого года, – продолжил мастер, оставляя офицерский вопрос без внимания. – Два котла на одноосной повозке. Один для первых блюд емкостью сто девяносто литров, другой для вторых – сто тридцать литров. У каждого своя топка. Вода закипает через сорок минут. Обед готовится три часа, ужин – вдвое быстрее. Это, так сказать, задний ход. А вот, – мастер перешел к малой повозке, представлявшей собой металлический ящик на колесах, – передний ход. В смысле идут две лошадки, тащат за собой этот ящик с утварью и продуктами, позади – котлы. Ну да, люди вы служилые, сами всё знаете. Так что проверяйте, глядите тщательнее. Нам за работу краснеть не приходится.

Вагин сунул рябую физиономию внутрь и демонстративно потянул носом:

– Как же вскорости отсюда басяво потянет пшеном да мяском с лаврушкой... Слюновыжимательный ароматец!

Рузевичу прежде новых кухонь принимать не доводилось, поэтому он лишь обошел повозку кругом да, подражая мастеру, гулко хлопнул по котлу ладонью. Спросил, где можно посмотреть остальные кухни. Горшков пожал плечом – чего глядеть, все одинаковы! – и повел поручика на склад. Опасаясь, что подчиненные заметят и поймут его растерянность, поручик велел солдатам ждать его в цеху.

– Раньше был я дворником, звали меня Володею, а теперь поручик я, ваше благородию, – из-

рек рабочий Забалуев, глядя во след офицеру, и сплюнул.

Затем уселся на кухонную железную ступеньку, достал из широкого кармана куртки серую тряпицу, а из нее – ломоть щедро посоленного хлеба и принялся неторопливо и тщательно жевать. Под кожей его щек, словно серебряной пылью осыпанных щетинной, упруго и ритмично двигались желваки.

– А ответьте мне, солдаты, – сказал Забалуев, не прерывая жевания. – Как же вы, солдаты, против своего родного народа воевать напустились?

– Поклеп! – по-военному отбил Вагин. – Мы тут за кухнями.

– Мы не против народа, – подтвердил Саша. – Я, например, за Учредительное собрание. Чтобы депутаты решали, как нам жить дальше.

Забалуев другой раз сплюнул, плевок ногой растер для констатации презрения.

– Учредилка! Так вам ее и дали. Вы, солдаты, поди, оба купецкие сынки, потому затейка ваша тухлая. Да! И никакой сознательности в вас вовсе нету.

Вагин через силу хохотнул и отвечал, что всё у Забалуева вышло мимо, потому как сам он, Вагин, крестьянин, а сослуживец его – сын заводского инженера.

Нимало не смутившись, Забалуев отвечал:

– В нашей Аше-Балаше проживают сознательные пролетарии, понимающие все факты. Вы же, глупые солдаты, пустопорожне бредете по жизни. Мечтаете о пшенке с лаврушкой, а грядущего торжества всемирной коммуны не наблюдаете. Вот какой с вами, дурнями, приключился отрицательный факт!

Прежде Алексей Иванович жил в поселке Симского завода, старейшего в их горном округе и по традиции считавшегося главным, хотя молодая Аша-Балаша уже оттеснила Сим на вторую позицию по объемам производства. Третьим заводом был

Миньяр, стоявший на полпути между двумя вышеназванными. В Симе за управляющим был закреплен двухэтажный кирпичный дом с оранжереей и садом. В усадьбе также имелись домики для прислуги, конюшни, каретник, стойки, завозни, различные кладовые, бани и ледник. Летом Алексей Иванович с семейством переселялся на дачу – в большой светлый бревенчатый дом с мезонином и террасой. Дача стояла в смешанном, березовом и сосновом лесу на горе, откуда был виден весь поселок. Там не чувствовалось заводского дыма и не было ни злых вечерних комаров, ни сырых утренних туманов. На этой даче и гостил у него в тринадцатом году старый знакомый – инженер Николай Андреевич Горский с супругою и сыном.

Хорошее было время... Еще была здорова жена, Мария Алексеевна, милая его Марусенька, умершая от грудной жабы в начале германской войны. Старший их сын Алеша окончил Горный институт. Удалось убедить акционеров, чтобы назначили его управителем Балашовского завода. И не прогадали: инженер из Алешки получился толковый. Потому и переманил его казенный Воткинский завод: там производство масштабнее, военные заказы чередой. Они даже повздорили, но Алексей всё равно уехал. Но это после... Тогда же, тем летом все дети были здесь. Ванечка, что теперь юристом в Петрограде, и нынешний инженер-судостроитель Павел. Правительством командировало Павлушу в Северо-Американские Соединенные Штаты, в большой промышленный город Сизтл. В газетах он прочел о русской революции и с возвращением решил повременить. В общем-то, правильно решил... Обе дочери тоже в Петрограде. Живут вместе, в одной квартире. Да вот еще недавно по пути в Уфу заезжал племянник Леонид в чине поручика. Чем-то эта служба для него обернется?

Опустело симское гнездо, невыносимо стало в нем Алексею Ивановичу. Вот и перебрался в Ашу, на «свой» Балашовский завод, где воспоминания о близких-дорогих не столь гнетущи. Что же касается жизненных удобств, так много ли нужно одинокому инженеру за шестьдесят? Занимает скромную квартиру в деревянном доме, из прислуги оставил двух стариков – кучера Михаила да кухарку Агафью.

– Вы, молодой человек, верно, пойдете по отцовым стопам, станете горным инженером? – спросил Алексей Иванович, глядя, как солдат, отвечая об оставшихся в Екатеринбурге родителях, рассеянно листает снятую с полки переводную книгу о рудных месторождениях, сочинение французских профессоров Фукса и де Лонэ.

– Ах, нет! – смутился Саша и вернул книгу на место. – Это я просто так... По чтению соскучился. В университете учусь на историко-филологическом. Папе мой выбор не понравился, счел его несерьезным, но препятствовать не стал.

– Ну что ж... У меня вот средний сын юрист. Хотя какая нынче юриспруденция!

– Да-да, Алексей Иванович, расскажите о себе, о своих, – закивал Саша, присаживаясь к столу, к чаю. – Родители непременно об вас станут спрашивать.

Инженер разгладил ладонью бороду и заговорил:

– Нынешняя моя должность называется длинно: председатель Временного совета директоров Симского округа сталелитейных заводов. Ну, а по сути, тот же окружной управитель. В совете еще два инженера, вот втроем и крутимся. Сначала округ национализировали красные. Заводчики Балашовы за границу бежали. Теперь сибиряки национализацию подтвердили, но с оговоркой, что мера эта вынужденная и временная. По мне, так уж лучше навечно. Балашовы – придворные шаркуны, в жизни завода ничего не смыслили и не желали того.

Ни образования специального, ни понимания науки и поэзии заводского дела. Сколько я сил и нервов потратил, убеждая их строить вот этот завод, без которого округ давно бы зачах. Именем их нарек. Хозяева же за тридцать с лишком лет пару раз здесь только и мелькнули. Такое обыкновение почти у всех уральских заводчиков, начиная с Демидовых. Вот и Балашовы. Один в Петербурге жил, другой предпочитал Париж. Где они теперь, в какой полурусской Ницце? Акционеры, питерские банкиры, немногим лучше. Я же давнишний заводской работник. Мне тут каждый участок знаком, любой процесс.

В комнате было тихо, лишь часы на стене отсчитывали время.

– Заводами руководить – не одни рапорта изучать да требования подписывать, – продолжал рассказчик. – Думаете, Саша, рабочие меня, казанского дворянина, сразу признали? Ничуть не бывало! В лицо говорили: заводы, мол, наши и заводчики наши. Балашовы могут сюда не ездить, всё равно от своей собственности никуда не денутся. И для рабочих завод – дом родной. Что они без завода? Здесь их предки с основания трудились, а инженер – человек наемный, сегодня здесь, завтра на другое предприятие подастся. Перекасти поле, одним словом. Так вот прямо и говорили. И то правда: многие коллеги полагают, что оплачивается не их работа, но диплом и кокарда на фуражке. Звезда во лбу, как говорят на заводах.

С умыслом или без, машинально, инженер накрыл ладонью овальный знак из золоченой бронзы на правой стороне груди: двуглавый орел, молот да кирка.

– После, когда в строительство Балашовского завода впряглись, симачи на меня обижаются стали, что больше времени в Аше провожу. А как иначе-то? Новый завод – что ребенок, глаз за ним да глаз. Оборудование закупили современное, старье не брали. Вкладывать деньги, быстро

окупать, снова вкладывать – вот единственно-правильная стратегия. Промедлишь – отстанешь в техническом плане надолго. Домны-шотландки поставили, рабочие их самоварами прозвали. Ну, а что? Похожи! От угольного сарая до доменного цеха канатно-воздушную дорогу протянули, да такую, что и в Европе нет. А древесный уголь у нас какой, а руда! В высокогорской руде более половины железа, куда уж лучше? Но наша бакальская всё равно чище. И ведь не колымажками ее возим, канаткой на станцию доставляем, а после до завода – по чугунке. Казалось бы, трудись не покладая рук, не ленись, да благодарю уральские леса и недра за богатство и щедрость. Но нет! Не могут люди без политики, никак не могут. Птицы и те промеж себя спорят, кто кого клевать вправе, а уж люди-то...

По лицу рассказчика будто тень от мимолетной тучи прошла, не задержалась.

– А хорошо тут, ей-богу, хорошо! Названия какие! На Урале ведь названия большей частью туземные: вокруг башкирские, севернее – вогульские. Здесь же: Липовая гора, Кленовая, Дубовая горка, гора Соколиха. Северная часть поселка – деревня Кострома. Сточную канаву, куда завод отработанную воду сливает, и ту нарекли речкой Теплушкой. Заливные луга на южной окраине – Лягушатники. И очень понятно почему, стоит летним вечером выйти, те лягушачьи песни послушать. В августе хозяйки вишню ведрами продают. Мы прежде всенепременно закупали – и на наливку, и на варенье к чаю. Еще при Марии Алексеевне... На первое мая во всех заводах большие гулянья устраивали. В Симе на перешейке к Шишке, – помните круглую гору, что полуостровом посереде заводского пруда? – так вот на перешейке ларёчки ставили с калачами и лимонадом. Хор дома трезвости выступал. По-над водой песни далеко летят, вольно. Смутьяны наши заводские уходили по тропе за пруд, на Синень-

кий Камень. Я знал, конечно, полиция докладывала. Трогать их не велел, чтоб повода не давать... Так вот помаленьку и дожили до новой революции.

Саше рассуждения управляющего были малоинтересны, слушал их вполуха, имитируя внимание частым покачиванием головы. Подсознательно он ожидал от этой встречи возвращения в атмосферу молодого веселья, которая царилась здесь пять лет назад. Не найдя ее, солдат удовлетворился чаем с шаньгами. Было ему тепло, уютно и дремотно. Алексей же Иванович всё говорил, говорил о своем наболевшем...

– Вцепился в меня здешний контрразведчик: вынь да положи списки заводских красногвардейцев. Прапорщик Шалашов. И ведь сам местный, родом из Миньяра. Распрекрасно знает, что рабочие от шестнадцати до шестидесяти лет в красную гвардию записывались скопом. По улицам маршировали с песнями, митинговали без конца. Конторы в штабы превратили, оружие и боеприпас в них держали, по заводским гудкам, как по тревоге, к штабам тем собирались. Окружной штаб, знаете, где устроили? В нашем симском доме, вы его помните. И что ж теперь: прикажете всё мужское население под арест отдать? А на производстве кто останется, позвольте спросить? Эти вот самые кухни полевые кто делать будет?

– Таки все рабочие за красных? – усомнился Саша.

– Наверное, есть и такие, кто политики сторонится, – без твердой уверенности согласился инженер. – Сегодня приходил, приглашал на свадьбу засыпщик один из доменного цеха. Вроде и фамилия у него самая революционная – Плеханов, а ни в чем таком не замечен. Хотя кто знает, что у него в голове? Кто поручится?

Алексей Иванович даже заулыбался, но тотчас опять помрачнел:

– Те, которые здесь, в Илеке или в Кропачёво с крестьянами

и башкирами воевали, этих не спрячешь. Прошлым летом, не дожидаясь наступления чехов, сами ушли за линию фронта. А вот те, которые ходили оренбургских казачков воевать, в большинстве своем вернулись. Мне ль не знать, как они из Твердышево, деревня тут неподалеку, по своим заводам группами разошлись. Оружие по окрестным лесам прятали. Трехлинейки, винчестеры... Шалашов говорит, что в нашем округе при отступлении красных чуть ли не весь самарский арсенал застрял. Не удивлюсь, если не только винтовки с пулеметами, но и трехдюймовые орудия схоронены. Динамит на нашу часть Бакальских рудников с вооруженными вершниками возим, а что толку? Русский пролетарий, что ему нужно с производства всегда утянуть сумеет. Рубашку выточат в цеху, начнут тем динамитом – вот и граната готова. А чуть кто попадет под подозрение или мобилизацию, так ноги в руки и ходу. Уж местное-то население лесных разбойников без хлеба-соли, без спичек с табачком не оставит. Дня три назад на Банном ручье отряд видели. Я вам, Саша, больше скажу. Пришел ко мне бухгалтер с повинной головою. Сознался, что здешние красные вынуждали его под страхом смерти начислять жалование партизанам. Имен не называл, да я и не спрашивал. Но выдачу напрасных денег велел прекратить. Вскоре его убили. Тут уж я в сердцах назвал Шалашову несколько активистов. Всех арестовали, а разобрались ли по справедливости, кто виноват, не знаю. Теперь вот мучаюсь – грех!

– Какой же это грех, Алексей Иванович? Ячейки-то боевиков действуют?

– Ох, Саша, на душе всё равно не ладно! Вы, солдаты с противниками тесных знакомств не водите. А я всякого заводского революционера в лицо знаю. И жену его или мать, и детишек, если есть. На улицах встречаемся – здороваемся. Да что на улицах: сюда ко мне приходят разговоры

разговаривать. Мы, говорят, супротив вас, Алексей Иванович, зла не держим, вы управитель справедливый. Восьмичасовой рабочий день сохранили, завком не ликвидировали. Завоевания революции. А только выполнению военных заказов их классовый долг велит препятствовать. Так ведь, убеждаю, других заказов в эту пору нет. Завод встанет – чем семьи кормить будете? Молчат, в глаза не смотрят. Потом заново: вы управитель правильный, но...

– Такая напряженная обстановка, а у вас даже караульщика подле дома нет, – упрекнул Саша, тревожась уже не в шутку. – Хоть бы шторы задернули.

– Здесь рано встают и рано ложатся. Боевики уже спят, – отшутился инженер. – Пара старичков-караульчиков в штате числится. Но получают они такой мизер и на своем хлебе, что я уж не настаиваю: вышли, так вышли, захворали, так по домам остались. Сегодня, кажется, никого. Да что об этом толковать! Окружной управитель не о классовой борьбе должен думать, а о производстве и продажах. Не о стране, а о своих заводах. Теперь русские металлурги бедствуют, но Балашовский завод худо-бедно работает. Вот те же кухни. Истинное для нас спасение! Вы с поручиком прямо из дивизии за ними приехали. Прежние же приемщики те еще были мамаи! На взятки требовали до пятой части от цены. Но выплавку чугуна мы удержать не сумели, упала вдесятеро. Полторы тысячи пудов – это всё. Нет чугуна – встают мартеновские печи. У нас их три, все новые. Слитки мартеновские на переработку в Миньяре ждут – не дождутся. Надо бы увольнять работников, но это как по живому резать. Идем по пути естественной убыли: кто ушел, на его место другого человека уже не берем...

Из гостей Горский вышел за полночь, отягощенный знаниями о состоянии дел заводского округа, но мало узнавший нового

о жизни самого инженера. Улица была темна, однако вопреки заветам Алексея Ивановича еще не вполне обезлюдилась. Откуда-то спереди доносился неровный наигрыш гармошки, прерываемый визгливым женским смехом. Минут через десять Саша различил темный силуэт о трех головах и шести ногах. Навстречу ему шел мужчина с двухрядкой поперек груди и с повисшими на его плечах погулявшими подругами. Поравнявшись с солдатом, гармонист смерил его взглядом и растянул жалобно всхлипнувшие меха:

Поцелуй, поцелуй, моя ты поцеловочка.
Было время – целовала, а нонче забастовочка.

– Эко ты, Мызга, ловко наигрываешь, – подольстилась к нему одна из товарок и прижалась покрепче.

– Так я, чай, не мужик, а мастеровой человек! – заверил гармонист и еще раз глянул на солдата. – Понимание имеем, хороших не ведем, домотканину не носим.

Вторая спутница, коротко хмыкнув, повела:

Эх, меня мамынька родила – богу
не моли-ла-ся.
Зато я, девчоночка, несчастная роди-ла-ся.

Тоже, мол, не лаптем щи...

Саша посторонился, пропуская встречных полуночников. Несколько минут он слышал лишь нехитрую музыку за спиной да скрип снега под своими сапогами. Внезапно сзади раздались возмущенные крики, потом громкий топот, и Саша едва успел отпрянуть в сторону: по улице во весь опор мчался всадник. Лица его видно не было, да и было ли у него лицо? Саша заметил только, как распластались по ветру уши зимней шапки, словно крылья угнездившейся на человеческих плечах совы.

– Совсем очумел, что ли? – заорал гармонист, впрочем, безо всякой надежды, что ночной всадник его услышит. – У-у, хореки!

«Почему хорек? При чем тут хорек?», – подумал солдат, не без смущения сбивая ладонью снег со своей пятой точки, на которую он все-таки плюхнулся.

Подойдя к «посетительскому дому», Саша постоял, подумал, что теперь нужно войти в тесную темную комнату, где густо пахнет махрой и грязными потными портянками, и вдруг зашагал мимо – вниз, на звук текущей воды. Туда, где он помнил, через реку Сим переброшен на противоположный лесистый берег узкий пешеходный мостик. Ближний берег был отсыпан заводским шлаком, который так нравился гимназисту за гладкие сколы его голубых и зеленых камней. И еще нравились куски белой шлаковой пены, которые можно было бросать в воду и глядеть, как они плывут, не тонут. Теперь оба берега белели ноябрьским снегом – еще не глубоким, но уже прочно легшим до весны, река же была как черное стекло, по глади которого заворазивающе быстро скользили клочья пара. И стоя на мосту, на самой его середине, Саше почудилось, что под ним не река течет, а распахнулось бескрайнее ночное небо, по которому летят, летят белые облака.

– Окружного управителя убили!

От этих слов Саша проснулся мгновенно, как от удара. Сел на кровати, опустил босые ступни на холодные доски пола (имевшуюся в комнате голландку, конечно, не топили) и уставился на худого, длинного, в солдатском исподнем Устюжанина.

– Убили, – кивнул тот, и по растерянному выражению небритой физиономии было видно, что не шутит. – Сёдня ночью...

– А кто-кто ночесь у инженера гостевал? – отозвался со своей лежанки Вагин.

– Цыть ты, балаболка! – оборвал младшего товарища Устюжанин.

Первым порывом Саши было бежать к дому Алексея Ивановича

– разузнать, разведать, верен ли зловещий слух. Но армия – не такое заведение, чтобы в ней по своей воле бегать. Из-за той же самой новости поручик Рузевич в то утро был так зол, что на него и взглянуть-то было страшно, а уж попросить о чем-то...

– Пока треклятые кухни в поезде не погрузим, без моего приказа никому ни шагу! – рыкнул он. – Диспозиция ясна? Вас, Горский, это касается в первую очередь.

Понятно. Однако вопрос висел в воздухе, и Рузевич вынужденно подтвердил:

– Управляющего ночью через окно застрелили. Из нагана. Он сидел, то ли писал что-то, то ли Библию читал. Уездная милиция еще не почесалась, а контрразведчик из Миньяра уже примчался. Роет...

Солдаты не успели позавтракать, как к «посетительскому», скрипя полозьями, подкатила кошевка в сопровождении двух верховых. Сидевший в санях офицер скинул с плеч овечий тулуп и, оставшись в щеголеватой скроенной шинели, прошел в дом. Держал себя по-генеральски, хотя на погонах имел всего лишь звездочки прапорщика. Протопал в комнату Рузевича и плотно затворил за собою дверь.

– О-ох, – вздохнул Устюжанин. – Вот и контрик припожаловал!

Кареглазый Мухамедьяров лишь головой покачал да украдкой взглянул на Сашу. Саша же словно в водоворот угодил, и страшная неумолимая сила тащила его, влекла куда-то в темную бездонную глубину. Получалось ведь так, что он последним видел убитого. Не считая, конечно, самого убийцы...

Солдаты сидели, молчали, хлебали из металлических кружек кипяток, глядели на двери. Всем хотелось курить, даже некурящий Саша, пожалуй, зятянулся бы за компанию. Но не смели. Ждали. Наконец, раздались шаги, дверь распахнулась, и в дверном проеме появился поручик Рузевич.

– Вагин и Мухамедьяров сдали винтовки и вещмешки Устюжанину и со мной на завод. А вы, боец Горский, идите с прапорщиком Шалашовым беседы беседовать.

Только потом Саша осознал, что командиру удалось для него сделать. Обычно прапорщик сразу волок подозреваемых в родной Миньяр, где на улице именуемой Первым порядком, в полукаменном купеческом доме (первый этаж из плитняка, второй из соснового леса) обосновалась контрразведка. А уж оттуда, как из лисьей норы, редко какому зайчику серому удавалось обратно на волю выскочить. Рузевич же выторговал, чтоб его бойца без твердых улик из поселка не увозить. Шалашов даже зубами скрежетнул, но уступил. Рано подняли, устал, промерз, пропади всё...

И теперь он сидел перед Сашей – нервный, желтый, под глазами круги, чадил в лицо папиросой, вертел в длинных узловатых пальцах гремящий спичечный коробок.

– Спрашиваю еще раз. Цель вашего прибытия на Симские заводы?

– Говорю же, за кухнями командирован, – вздохнув, отвечал Саша.

– Это поручик Рузевич командирован.

– Я в его подчинении.

Контрразведчику уже и самому была ясна бесперспективность допроса, но чем подробнее он представит рапорт, тем убедительнее будет выглядеть его рвение.

– Тэк-с. И как же вы объясните, что вчера очутились в кабинете господина окружного инженера? Иными словами, на месте преступления.

– Алексей Иванович – давнишний приятель моего отца. И я с ним с детства знаком... был. Пока Алексея Ивановича из нагана не застрелили.

– Вы служили у красных? – неожиданно спросил Шалашов и впился взглядом в лицо юноши.

Даже вперед подался, навалившись грудью на стол.

На мгновение Саша замялся.

– Да, служил. Несколько дней. Не по своей воле, по мобилизации. При первой же возможности перешел к чехам. После вступил добровольцем во вторую Уральскую дивизию горных стрелков, что нынче седьмая. Был ранен в бою...

– Тэк-с! Стало быть, вы, бывший красноармеец, оказались единственным свидетелем террористического акта, совершенного красным лазутчиком?

– Какой же я свидетель? Я как от Алексея Ивановича вышел...

– Откуда знаешь, что стреляли из нагана? – перебил Шалашов, сменив угрожающе-вежливое «вы» на грубоватое «ты».

Саша хотел было сослаться на слова поручика, но решил, что командира лучше не впутывать и потому лишь плечом пожал:

– Из чего ж еще? Пуля у нагана тяжелая, скорость невысокая. И кучность такова, что любой гражданский из семи шесть выбьет. С такого-то расстояния.

– Тоже мне Шерлок! – Шалашов откинулся на спинку стула. – Ошибаешься на свое счастье. Из маузера стреляли. Калибр семьдесят три, не люгеровский. Гильзу под окном нашли. А ты, умник, еще что-нибудь необычное ночью заметил?

– Мужик по улице шел, на гармошке играл, двух подружек вел. Это необычно?

– Шутить изволишь? – поглянул глазами прапорщик.

– Не до шуток. Докладываю, что видел. Женщина гармониста Мызгой назвала.

– Мызга – это значит Мызгин. Фамилия такая. Мызгиных здесь... На каждом столбе вешать, так до Москвы столбов не хватит. Происхождение имеют отсюда недалеко – из Муратовки да Ерала. Все в Балашу за работой и рублем перебрались.

– И еще кто-то на лошади га-лопом проскакал. Ночью. Это как считать?

– А вот это интересно! Судя по следам копыт под тем окном, не исключено, что прямо с лошади и стреляли. Лица этого кавалериста, конечно, не разглядел?

– Темно было. Да и не знаю я тут никого. Теперь уж вовсе никого...

– Какие-нибудь приметы? Может, борода? Или рост – большой, маленький?

– Нет, ничего. Только вот тот, гармонист Мызга, всадника хорьком обозвал.

Шалашов запалил новую папиросу, встал из-за стола, прошелся, заговорил:

– В нашей Уфимской губернии, пока тут квартировала советская власть, красные успели создать боевые организации. И надо признать, товарищи дело знают. Каждая такая организация состоит из нескольких дружин. Первая дружина набрана из партийцев и военспецов. Это своего рода штаб. Вторая, подчиненная первой, опять же из партийцев. Все боевики связаны круговой порукой. Если один окажется предателем или трусом, в ответе два его поручителя. Могут пристрелить в назидание прочим... Третья и четвертая дружины составляют резерв. Они делятся на десятки, которые под руководством военспецов изучали военное дело. Каждый боевик осваивал конкретную специальность: разведчика, стрелка, гренадера, пулеметчика или сапера. Полноценное боевое формирование и одновременно – секта бойцов.

Саша молчал, догадываясь, что контрразведчик не столько ему рассказывает, сколько для себя говорит, размышляет, думает, о чем бы его еще спросить.

– Красные успели обучить и вооружить на Южном Урале до сорока тысяч бойцов. Из них не менее пяти тысяч – на Симских заводах. И ушли далеко не все. Многие партизанят в окрестных лесах. Другие затерялись среди мирного населения.

– Я знаю, – решил встрять Саша. – Алексей Иванович рассказывал.

Шалашов вспыхнул, точно порох:

– Жаль, что он об этом мне не рассказывал! С именами и фамилиями. Надоела эта ваша интеллигенщина! Эти проклятые вопросы: кто виноват да что делать. А на войне всё просто: хочешь выжить – уничтожь, убей, да, убей врага! И бдительность, господа хорошие, элементарная бдительность! Террорист ведь, когда идет на дело, он осторожен, всего боится. Когда б его под окном дедушка с колотушкой встретил, спросил, чего тут, мил человек, трешься, может, и выстрела никакого не было.

Замолчал, порывисто сел, несколько минут скрипел пером, потом протянул Саше исписанные листы бумаги:

– Извольте ознакомиться с протоколом. Подпишите вот здесь. И можете идти.

Саша подписал не читая.

– Господин прапорщик, разрешите обратиться?

– Что еще?

– Могу я проститься с Алексеем Ивановичем?

– Сможете. Когда в храме Божиим отпевать станут. И не надейтесь покинуть поселок прежде, чем я убийцу найду. Попытайтесь, так казачков вдогон пошлю. А уж эти молодцы всякого зверя изловят, да не всякого в своей шкуре оставят.

* * *

– Что ж, диспозиция такова, – сказал Рузевич, выслушав Сашин рапорт. Поручику нравилось это старинное военное слово, употреблял он его к месту и не к месту. – Диспозиция такова... Смерть управляющего задержит нас здесь на сутки, не более. Округ принял инженер Зарудный. Он сам заинтересован скорее кончить наше дело, поскольку власти грозятся закрыть завод вплоть до изобличения виновных. С железной дорогой связи у предприятия налажены, но, учитывая нынешний сумбур, Зарудный советует сходить на станцию, навести страху. Схожу,

наведу. Сегодня пятница, в выходные хочу выехать с кухнями в Екатеринбург. Вряд ли к этому сроку прапорщик Шалашов справился с расследованием. А это значит, боец Горский, что уехать вместе с нами вам не судьба. Прапорщик же, как только меня не случится рядом, переведет вас из свидетелей в подозреваемые. Ибо, в каком ином качестве вы можете тут остаться, кроме арестанта? И если поиски убийцы затянутся, весьма удобным покажется назвать таковым бывшего красноармейца. Ясно изложил?

– Так точно! – хмуро подтвердил Саша. – Не ясно только, господин поручик, что же мне теперь делать.

– Что делать... Это пока и мне не ясно. Но запомните, боец, крепко запомните, что пехота своих не бросает. В крайнем случае, выведем вас внутри котла. Шучу. Такой водевильный фортель с контрразведкой не пройдет. Увы!

– Дозвольте еще вопрос, господин поручик. Отчего вы сказали, что господина управляющего застрелили из нагана?

– Из нагана? – повторил не ожидавший такого вопроса Рузевич. – Ну, вероятно, потому, что пули у нагана тяжелые, кучность высокая, всякий шпак в цель попадет. Вы бы, Горский, лучше не меня пытали, а направили свою энергию на кого-нибудь из местных. Выбор не велик, но поговорите хоть с мастером Горшковым. Он, похоже, человек толковый и красным не симпатизирует. Вдруг чего подскажет. Если что-то важное разведаете – сначала ко мне и только потом, может быть, к Шалашову.

Разговор происходил в заводском цеху, мастер Горшков и рабочий Забалуев находились неподалеку. Как только Саша к ним подошел, Забалуев сам пристал с расспросами. Что и не удивительно: завод, словно растревоженный улей, гудел новостью о ночном убийстве, на каждом углу шептались о расследовании Шалашова и даже утренний Сашин допрос уже не был секретом.

– А ты, паря, сам-то убитого управителя видел? – наседал Забалуев.

– Нет, конечно. Потому и в голове не укладывается.

– В этом факте нисколько не сомневайся: насмерть застрелен, в самую голову!

– За что же? – Саша поежился от торжества забалуевской речи. – Алексей Иванович о заводе думал, заказами его обеспечивал. И с рабочими ласков был.

– Не в нем дело, не в инженере, – махнул рукой Забалуев и воспроизвел где-то подхваченную формулу. – Террористический акт – это послание. Не тому, конечно, кого убили, а тому, кого тем убийством спугнуть хотели.

Вот так. Человека убили, но дело не в нем. Логика войны.

Следуя совету поручика и преодолевая угрюмое молчание мастера, Саша для него, для Горшкова, а вовсе не для любопытствовавшего Забалуева, поведал обо всем, что видел прошлой ночью – от выхода из квартиры инженера и до возвращения в «посетительский дом». Выслушав его исповедь, мастер Горшков поправил на носу очки в стальной оправе и, наконец, соизволил заговорить:

– Вот, что я скажу тебе, солдатик, а ты моего умного слова послушай. Вы ведь, люди военные, ничего окромя говна от себя не производите. Только порушить всё норовите. Ну, а я как раз наоборот – производитель. Потому, когда приспичит тебе проведать чего про полевую кухню образца седьмого года, так ты приди, спроси, и я открою всё без утайки. Но к политике меня не примешивай, пусть она следует мимо.

Вот и вся помощь от толкового человека! Саша вздохнул, отошел и, не зная, что еще предпринять, притулился на скамье у жестяного бака с питьевой водой. С полчасика сидел тихо, почти не шевелясь, может, и вздремнул по солдатскому обычаю. Во всяком случае, явление у бака мастера Горшкова стало для него неожиданностью.

Мастер нацедил в кружку воды и забубнил, не глядя на Сашу:

– А ну, солдатик, подымай задницу! Вишь, Забалуев, из цеха вон пошел? Беги следом. У него знакомец в ремонтно-строительном цехе Андрон Хорьков. Не тот ли это хорь, что по ночам людей копытами топчет? Только... – голос мастера дрогнул, – лишнего не усердничай! Ребята они козырные да сплошь бубновые.

Саша слетел со скамьи, ошалело глянул вдоль цеха: забалуевская спина мелькнула в дальнем проеме и скрылась. Кинулся вослед, остановился, оглянулся, благодарно кивнул. Горшков, задрав плохо выбритый подбородок, старательно пил воду и даже краешком глаза не повел на заполошного солдата.

День выдался долгим. Долгим и голодным. Впрочем, взбудораженные нервы гудели так, что урчания живота за этим гулом всё равно слышно не было.

Тяжко было ищейке-дилетанту вести слежку на заводской территории! Слева – кирпичная стена одного цеха, справа – другого. Между ними – ни куста, ни деревца, ни людей прохожих, только рельсы стальные чертят черным по снежному. Изволь до последнего хорониться за углом, когда же тот другой исчезнет из виду, мчаться стремглав сквозь пустоту и бесконечность всей этой геометрии. А ну как он делает шаг назад, оглянется? Пропал тогда солдатик Сашка, совсем пропал!

Забалуев скрылся в разверстом жерле горячего цеха и, следуя за ним, Саша попал в громадное темное помещение, где под самой крышей, на высоте более пяти сажен, металась в багровых отсветах пламени полуобнаженные фигуры. «Потерял! Ушел!» – застучало в мозгу. В этот момент старик со сморщенным безбородым личиком, в войлочной шляпе горшком и в дырявых обносках на потном жилистом теле сдвинул длинной кочергой тяжелую

дверцу и в подготовленный желоб полился ослепительно белый и даже на расстоянии обжигающий кисель. Внутренность цеха осветилась, и Саша увидел Забалуева, говорившего с каким-то человеком. В царившем кругом шуме, грохоте и клокотании Забалуев был вынужден кричать тому человеку в самое ухо. Слушатель неопределенно махнул рукой, что-то коротко ответил и отвернулся. Забалуев поспешил к выходу. Саша – опять за ним.

Следующим на их пути поднялось здание ремонтно-строительного цеха, о чем Сашу известила вывеска над входом, намалеванная неопытной, но старательной кистью неизвестного цехового патриота. Когда за Забалуевым закрылись двери, Саша метнулся было следом, но, повинувшись безотчетному чувству, остановился. И тотчас внутри его будто вступили в спор два голоса. «Что если он выйдет через другую дверь? – наседал один. – И очень даже просто». «Ну, и пусть, – устало отвечал другой. – Надоело бегать...» Ангел слезки с долгим острым носиком и юркими глазами (должен же быть свой ангел и у ищеек, правда?) прошелестел темными крылами на Балашовским заводом и с небес одобрительно подмигнул Саше.

Двери распахнулись. Саша успел заметить боком выходящего Забалуева, за ним – еще какую-то тень и прижался к холодной стене.

– Не бзди, Митрий! – легкомысленно изрекла тень. – Солдату голова дадена, чтобы в шапке с кокардой пофорсить. Не догадает, что Мызга меня хорем величал.

– Солдат – человек нечаянный, может, и не того, – отозвался Забалуев. – Зато подлый враг Шалашов еще до гудка всех Хорьковых в заводе перечтет. Сиди, жди!

– Шалашова дожидать мне интереса нету, – обеспокоилась тень. – Подамся я в бега, а куда и тебе не открою. Но прежде к нашему Корольку схожу, спасибо скажу, что вчера меня водкой за-

дарма потчевал, шпалер дал да на дело рисковое направил.

– Лучше беги с поселка зараз! Месяц-другой в лесу переждешь, а там и армия красная наступит. Степану Королькову я сам всё в точной конкретности изложу.

– Нет уж... Зайду попрощаться.

Забалуев и Хорьков (оказавшийся приземистым кривоногим мужичком в рыжем тулупчике и в шапке-ушанке) разошлись в разные стороны. Тут бы Саше и отстать от обоих да поспешить к Рузевичу с докладом. Но, видно, ангел-хранитель отвлекся на иного ищейку и не углядел, что безоружный солдат за убийцем увязался. Хорьков же отправился не на проходную, а, подойдя в укромном месте к заводскому забору, отодвинул одну из досок и юркнул в образовавшуюся щель. Выждав минуту, Саша последовал его примеру. Потом они – один за другим – прошли через весь поселок к избе в три окна, где, очевидно, и обитал Хорьков. Тут вышла остановка, во время которой Саша мотался туда-сюда, опасаясь, что преследуемый от него улизнет (ибо уральские дворы отгорожены от улиц двухметровыми заборами, с обратной же стороны, за баней и огородом ограды весьма условны). Но через полчаса Хорьков вышел с небольшой котомкой за плечами, поднял воротник, сунул руки в карманы и торопливо зашагал прочь. И вновь впереди маячила чужая спина, вновь Саша боялся подойти чересчур близко, чтобы не попасться, и отпустить слишком далеко, чтобы не потерять. Забалуевского совета Хорьков не послушал, из поселка скрыться не спешил. Пройдя улицу почти до конца, он остановился у чьих-то ворот, припал к ним ухом и затем тихо прошмыгнул в калитку.

Отсчитав до десяти, Саша осторожно приблизился к той калитке. Из-за забора доносились такие звуки, словно там один за другим били-колотили глиняные горшки. «Дрова рубят», – догадался он. Внезапно мирные зву-

ки-перестуки оборвал истошный женский вопль. Кто-то стремглав пробежал через двор, хлопнула дверь, грянули два выстрела и снова раздался крик – на этот раз мужской. На всё про всё ушла минута, не более. Тут уж Саше точно следовало бежать прочь. Не его это дело, пусть прапорщик Шалашов с казачками под пули лезет. И с этой мудрой мыслью Саша сделал как раз то, от чего она предостерегала: толкнул калитку и очутился на чужом дворе. Под ногами – серые доски настла с белыми следами куриного помета, впереди – хлев и над ним сеник, слева – крашенное коричневой краской домовое крыльцо, справа – дровяник. Двери в дом и дровяник были распахнуты настежь.

Из дома донеслись возня, стуки и стоны. На крыльцо спиной вперед выпятился незнакомый мужчина, тащивший за собой по полу что-то тяжелое. Саша метнулся в противоположную сторону, спрятался в дровянике. Там повсюду виднелись следы недавней работы: стоял большой сосновый чурбак, в беспорядке валялись поленья и еще не колотые чурки. Саша пошарил глазами вокруг, но топора нигде не заметил. Присел за чурбак, украдкой выглянул. Посреди двора лежал Хорьков и, повернув к Саше бумажно-бледное лицо, вздрагивал телом в агонии. Правое его плечо было развалено ударом топора до самой кости. Незнакомец стоял над раненым спиной к Саше и ожесточенно вытирал о штаны трясущиеся руки. На крыльцо, пошатываясь, вышла женщина, также вся перемазанная кровью – своей или Хорькова.

– Переоденься, – властно велел ей мужчина. – И беги, собирай наш десяток... Десятки... Беги к заводу, там как раз смена кончается. Шпалер-то где?

– В избе на полу остался, – меланхолично, как во сне ответила женщина.

– Принеси.

Женщина еще не успела уйти, когда кто-то позвал из-за закрытых ворот:

– Эй, Степан Андреич! Корольков! Ты чего шумишь-то?

– Кто там еще? – отозвался Корольков, знаком призывая женщину к молчанию.

– Аль не признал? Знать, богатым буду. Сосед твой, Артемьев.

– Всё нормально, сосед. Поленицу криво сложил. Вот и порушилась.

– Два раза? – насмешливо уточнили из-за ворот.

– Иди себе, не мешайся!

– Два раза, так два, – хотнул невидимый Артемьев. – И оба тебе на голову!

Сосед удалился. Женщина вынесла в подоле платья длинноствольный маузер и тоже ушла. Корольков накрыл лицо умиравшего мешком, запер калитку на железный крюк и сел на крыльцо охранять двор с пистолетом в руках. Саша угодил в западню.

Бог весть, сколько минуло времени, прежде чем в калитку постучали особым, вероятно, условным стуком. Корольков встал

и отпер. Вошел Забалуев.

– Нюра твоя без лица прибежала, велела сюда идтить, – сказал он и огляделся. – Чего это у тебя на дворе Андрон валяется без пригляда?

– Так ведь он уж вовсе без души. Я его топором стукнул.

– Да-а... – протянул вошедший и, видимо, не сообразив еще, чего добавить, поинтересовался: – Ты топор-то сам правил?

– Зачем же? Каждому делу свой мастер нужен. В Точильный курень возил, к Зеленцову. Он, брат, топор-от так выправит, что ножной ноготь без усилий режет.

– Зеленцов – точила знатный, факт неоспоримый! Да живет уж больно далеко... А верно ль, что за Точильным, у Бабьего Уха партизаны схоронились?

– Ты, дядя Митрий, глупых вопросов не задавай, так и поживешь подольше.

– Известно... Так ты этого полугада порешил, получается, по классовой вражде или вовсе по

собственной частной? – наконец придумал, что спросить Забалуев.

– Как же это по своей, по частной? – вроде бы даже обиделся Корольков, – мы ж управителя комитетом общественно приговорили. Чтобы революцию не буксовал.

– Управителя да – это такой положительный факт, – подтвердил Забалуев. – Но насчет Хоря постановления не принимали. Потому и высказываю сумление в том, поступил ли ты как сознательный революционный боец или как говна самоличная.

– Ты, дядя Митрий, мозги мне не морочь! – вспылал Корольков. – Порученье Андрону давали обще, чтобы на чистоту испытать, осознал ли он свою подлость в прошлой революции. А он, вишь, на Нюру напал, чтоб сперва ее порешить, а после мне в собственном доме засаду делать. И вообще. Я – доменщик, на красной работе у огненной реки стою,

первородный чугун роблю. А ты кухонная душа, жестянка, мать твою растак, против меня в заводе есть низшая квалификация. Вот и не дребезжи!

– Куда ж теперь мертвое тулово шкерить? – примирительно спросил Забалуев.

– Ты и дай направление мысли! Само это дело никак не организуется.

– Я с кладбищенским сторожем могу перетолковать, чтоб прикопать по-тихому.

– Это с Молчановым-то? Этот божедом тебя первый Шалашову сдаст.

– Ну, тогда как все наши соберутся, обще и порешим, – предложил Забалуев. – Обще-то у нас ума почти как у товарища Ленина. Или около того.

– Ладно. Ты посиди пока, посторожи. А я в избу схожу, слопаю чего-нибудь.

– Ага. Пугач-то свой доверишь для непредвиденной обороны?

– Одному такому уже доверил... Ты кричи, если что.

В темном углу дровяника кто-то завозился, чертыхнулся и на свет, к сосновому чурбаку проскакал на одной ноге остроносый ангел. Уселся, извлек из грязной пятки занозу, оглядел ее пристально, бросил и, повернувшись к Саше, сказал сердито:

– Чего ждешь? Скоро тут вся банда соберется. Другого случая улизнуть не представится.

А, может, всё это Саше только почудилось. Но, повинувшись небесному гласу, он встал и вышел из дровяника. Забалуев сидел на корточках подле Хорькова – изучал, вовсе ли ушла душа из его недавнего приятеля.

– Ты как тут? Ты тут чего? – округлил он глаза, увидев Сашу.

– Без лишних вопросов, товарищ Забалуев! Случайных людей тут нет. Охраняй двор, а я пока внешний периметр проверю.

С этими словами Саша прошел мимо ошалевшего Забалуева, отпер калитку и... И побежал по улице так быстро, как, наверное, никогда в жизни еще не бегал.

– Увлекательная история, – одобрил поручик Рузевич. – Жаль, что прапорщик Шалашов в нее не поверит. Утром еще может быть, ну а теперь... Он местный, сразу смекнул, что Хорь – это кто-то из Хорьковых. Дошел до ремонтно-строительного цеха, а там Андрон исчез сразу после разговора с Забалуевым. Послал за Забалуевым, но тот скрылся, поговорив с вами. Он ко мне, я же знать не знаю, куда мой боец пропал. И вот вы явились – живой, здоровый, только что со сходки боевиков. Как же вас, бедолагу, занесло-то туда? Я ж велел только с мастером переговорить!

– Проявил инициативу, – горестно развел руками Саша.

– На свою голову!

Они стояли на том самом пешеходном мостике над рекою Сим, на котором Саша почти сутки назад в облаках витал. Почти сутки, потому что ночь еще не вступила в свои права, но сумерки над рекой уже сгустились. Место было уединенное, однако поручик всё равно поставил на подходе к мосту рябого Вагина, чтоб ружьем и свирепостью физиономии одиночных пешеходов отпугивал.

– М-да, нагородили вы диспозицию, боец Горский! Сами посудите. Должен ли я известить Шалашова о том, что у него под носом банда красных еще одно убийство совершила? Просто обязан, пока самого не заподозрили в укрывательстве! Хотя и надеюсь, что этим убивцам хватило ума убраться из поселка сразу после вашего бегства. Но если они скрылись, то вы остаётесь крайним, кого Шалашов еще может схватить и предъявить начальству. Не будем его разубеждать: пусть считает вас красным лазутчиком, бежавшим вместе со своими сообщниками. Доберетесь до Екатеринбурга, там, если эта история всплывет, и будете оправдываться.

– Как же я доберусь до Екатеринбурга?

– Так-так, таки-так, таки-так... – отстучал невдалеке мимо-езжий поезд.

– Увы, не вариант! – вздохнул Рузевич. – Был я сегодня на станции, с дежурным Давыдовым толковал. Помните, с тем, который нас встречал по приезду? Говорит, что теперь прапорщик Шалашов к каждому маршруту казачков присылает. Смотрят, кто прибыл, кто уезжать собирается. Нас, полагаю, и вовсе проведут с почетом. Так что железная дорога для вас, Горский, закрыта наглухо. Во всяком случае, эта станция.

– Значит, надо добраться до другой станции? – начал догадываться Саша.

– Правильно мыслите, боец! Давыдов дал адресок одного здешнего мужичка. Фамилия его Больщиков. Не Большевиков, не спутайте, – поручик порадовался собственной шутке, но Саша не нашел ее смешной. – Так вот, Больщиков. Живет на отшибе, промышляет мелочной торговлей или еще чем-то не вполне легальным. Завтра поутру зачем-то едет на своей коняге в сторону Катава. За некоторую мзду готов взять вас с собою и провезти мимо патрулей. Отправляйтесь к нему прямо сейчас, у него и заночуете. Денег у вас с собой, разумеется, нет. Я ссужу. Напишите расписку, не с вас, так с ваших родителей в Екатеринбурге взыщу. Доберетесь до следующей станции, там и на поезд сядете. Повезет, так на один с нами попадете, движение по нынешним временам не частое. Ну, согласны? Едете?

– Согласен, – обреченно кивнул Саша, предчувствуя, что из огня лезет в полямя и еще неизвестно, где жарче. – Конечно, еду. Разве у меня есть выбор?

Б

ВЫПУСКНИКИ ЗЛАТОУСТОВСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА

ФЕДОР ЯБЛОНСКИЙ И ТАТЬЯНА КРЫЛОВА,
ИЛИ ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ 72 ГОДА

Людмила
ДУГАРЬ-ТОЛКАЧ

Поэт, член литературного
объединения «Мартен».
Златоуст

Документы и воспоминания

Известные златоустовские краеведы Николай Косиков и Владимир Чабаненко писали об этом учебном заведении предельно кратко: «В 1939–1955 годах в городе действовал учительский институт, готовивший преподавателей физики, математики, русского языка, литературы для семилетних школ. Первоначально он размещался в правом крыле бывшего горнозаводского госпиталя по ул. Ленина, в 1947–1948 переведен на ул. Октябрьскую.

При расформировании в 1955 был слит с педагогическим училищем» («Златоустовская энциклопедия», 1 том).

Главный специалист архивного отдела администрации ЗГО И.Б.Шубина дополняет информацию сведениями из документов архива Златоустовского городского округа (АЗГО): «В связи с реорганизацией Златоустовского педагогического училища с 1 августа 1939 года в городе начал работу Златоустовский учительский институт. Его основной задачей была подготовка учителей 5–7

Горнозаводской госпиталь в Златоусте. Фотография начала XX века
из архива златоустовского краеведа С.Волокитина.

классов семилетней и средней школы, хорошо владеющих предметами преподавания (русский язык, литература, физика, математика), основами педагогической науки, методикой обучения и воспитательной работы с учащимися. Продолжительность обучения в учительском институте составляла 2 года. Обучение было платным, но дети пенсионеров и малоимущих были освобождены от платы».

Сегодня их осталось всего двое из выпускников исторического отделения. Им было что вспомнить, и о чем помолчать: обоим по 92 года... Дети войны, студенты послевоенного времени, они прожили почти век. Всю жизнь они были верны своему учительскому призванию и истории. Их судьбы отражают судьбу их поколения.

Федор Николаевич Яблонский всю жизнь прожил в Златоусте, за исключением четырех лет: года работы в Костроме и трех лет службы на Балтийском флоте.

Татьяна Андреевна Крылова работала и жила в Миассе. Года два назад она с ветеранским хором приехала на концерт в Златоуст, где-то увидела экспозицию, посвященную Почетным гражданам Златоуста, и на одной из фотографий встретила фамилию однокурсника Федора. Через краеведческий музей узнала номер телефона Яблонского и созвонилась с ним. Но то дел было много, то здоровье подводило, – встретиться им довелось в Миассе только 6 января 2023 года. Встретились, перелистали страницы своей жизни, вспомнили студенческие годы. По просьбе ветеранов образования рассказываем о жизни учительского института и студентов 1949–1951 годов.

Федор Николаевич Яблонский

Преподаватель, историк, краевед, составитель Книги Памяти города Златоуста.

Родился в Златоусте Уральской области 26 января 1931 года.

В 1949 окончил Златоустовскую фельдшерско-акушерскую школу (специальность – санитарный фельдшер), затем Златоустовский учительский институт (1951), работал преподавателем истории в школе милиции в Костроме (1951–1952), служил на Балтийском флоте (1952–1955, Ленинград). После демобилизации вернулся в Златоуст: работал председателем Ленинского райкома ДОСААФ (1955–1958), научным сотрудником (1958–1962) и директором (1962–1966) Златоустовского краеведческого музея. В 1959 окончил исторический факультет Челябинского педагогического института. В 1966–1972 годах работал в отделе пропаганды и агитации Златоустовского горкома КПСС; в 1972–1996 годах – учителем истории школы № 18. В 1965 году подготовил и открыл в музее экспозицию

«Великая Отечественная война». В качестве консультанта и автора-разработчика экспозиций участвовал в создании музеев завода им. В.И.Ленина (1987–1988), трамвайного управления (1996–1997), оказал помощь в восстановлении экспозиций отдела природы краеведческого музея (1989).

Много лет участвовал в работе научного общества учащихся (НОУ), его ученики – члены НОУ – неоднократно завоевывали первые места в Златоусте и Челябинской области. Внес большой вклад в создание городской Книги Памяти (первое издание – в мае 2005 года, 3 тома; составление с Акрамовой Ф.С.; второе издание – в мае 2022 года; 5 томов; составление с Волокитиным С.Ю.)

Яблонский – один из авторов-составителей хроники «Шаги истории» (1979), автор статей в «Златоустовской энциклопедии» (1994–1997); энциклопедии Челябинской области (2004–2006).

Совместно с А.Козловым написал книгу «Златоуст – фронту» (два издания: 2000 и 2010), совместно с Л.Дугарь-Толкач – книгу «Эхо войны» (2020).

Яблонскому как историку довелось редактировать исторические книги. В 1967 он стал совместно с Н.А.Косиковым научным редактором книги М.Глинкина «Златоустовская гравюра на стали» об истории гравюры в Златоусте и о производстве гравюры Златоустовским заводом им. Ленина. В 1971 редактировал книгу Н.В.Верзакова «Златоустовский имени Ленина».

Удостоен премии имени братьев Пудовкиных газеты «Златоустовский рабочий» (1980). Награжден Почетной Грамотой городского собрания депутатов (2001). Почетный гражданин

Златоуста (2005). Лауреат литературной премии им. Иоанна Златоуста в разделе «Краеведение» за Книгу Памяти Златоуста в 5 томах (2022). Живет и работает в Златоусте. Воспитал дочь Людмилу (врач) и сына Николая (инженер).

Татьяна Андреевна Крылова

Преподаватель истории, руководитель школьного хора, участница хора ветеранов города Миасс.

Родилась в поселке Тургояк в 1930 году. Отец был возчиком золотоносной руды в старательской артели, мама – домохозяйка, воспитывала 10 детей: 8 сыновей и 2 дочери. Один из сыновей погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Татьяна была пятым ребенком в семье. После семилетки окончила Миасское педагогическое училище. Два года работала в школе № 2 поселка Тургояк. С 1949 по 1951 училась в Златоустовском учительском институте, на историческом отделении, получила диплом с отличием. После распределения преподавала историю в школе в Каслинском районе. Вынуждена была вернуться в Тургояк, где

ухаживала за больной мамой и преподавала в родной школе № 2. Затем – преподавала в школах № 25 и № 7 Миасса, по совместительству – в школе рабочей молодежи. Была завучем. Неоднократно награждалась грамотами разного уровня. В школе руководила хором и самодеятельностью. Была депутатом поселкового Совета, затем – городского Совета. Воспитала сына Олега и дочь Елену. Всю жизнь занималась спортом, до 90 лет. Сейчас, в 92 года – скандинавской ходьбой. Ведет активный образ жизни, долго пела в хоре ветеранов. Оптимистка.

О родителях, семье и военном детстве (1941–1945)

Т.А.Крылова: Родилась в поселке Тургояк. Жила в доме № 225 (сейчас), по улице Ленина. Отец Андрей Николаевич, проживший 91 год, возил золотоносную руду на лошади в Карабаш, на переработку. То товар возил со станции Миасс. Добывали эту руду близ поселка Мелентьевка в Миассе, в шахтах. Потом в Тыелге тоже золото добывали. Хоть отец только возил, был в числе бригады старателей. Бригада Лузиных, Чиненова. Довоенные и военные годы.

Войну помню: мне было 11 лет, когда она началась. Я окончила четвертый класс. Есть фотография. У нас была учительница Зоя Александровна Зыкова. Только четыре человека из класса пошли в пятый класс. И я. Я всегда хорошо училась, была отличницей. Привыкла быть всегда первой. Во всем. Когда, случалось, получала тройку на уроке, это было большое горе. Родители не ругали. Сама стремилась учиться. Затхлая деревенская жизнь удручала, мечтала о

другой. Школа была на горке. 5, 6, 7 классы училась в школе № 2 п. Тургояк. У нас были ученики в основном московские. Потому что в дом отдыха поселили семьи командиров. Они были хорошо одеты. Более успешные. И мы учились вместе с ними. Мы же были скромные, тихие. И учителя были московские, и директор Шатров. Физику вел. Его жена – географию. Из Смоленска Елизавета Васильевна вела русский язык. По пению была Алла Васильевна. Играла на фисгармонии. И наши, местные, были учителя. Агрипина Павловна Соколова вела математику. А Борис Леонидович, его взяли в армию, но после ранения вернулся, он тоже вел русский язык. Помню и других учителей. Мальчика еврейки, преподававшей немецкий язык, все шпыняли. Такой был щедушный, но безобидный. Москвичи-учителя уехали, как только немцев от Москвы погнало. Не стало немецкого языка, химии, физики. Потому образование получали неполное. Зато много работали. За Тургояком был лес, где сейчас сады. И мы, дети, спиливали сосны. Когда с фронта пришел Борис Леонидович раненый, он помогал в этих работах. Конечно, мы в пургу маялись там. Потом распиливали на метровые чурки и везли в школу. Это были 42, 43, 44 годы. Метровые чурбаки везли на санках три километра. В Тургояке пилили на козлах, кололи. Привлекали некоторых родителей, но приходило мало. Потом таскали в школу, чтобы ее отапливать. Дежурные таскали, а технички топили печи-голландки. Школа когда-то была земской, построена хорошо, окна большие. Комнаты большие. В 1944-м окончила семь классов, отличницей. Наградой для нас

было – сели за столы перед большими чашками с соленой капустой. И дали по 200 граммов хлеба. А еще: нас, двух отличниц, посадили за столом с учителями. Вот такая была забываемая награда. Голодно было. Выживали только на картошке, капусте и морковке. На сладкое – морковь. Еще слаще – репа. Брюква. В эти годы, с 5 по 7 класс, мы начинали учиться не с сентября, а с октября. Сентябрь работали в подсобном хозяйстве «Горное». На полях рос турнепс. Его собирали. Также убирали морковь, картошку. А картошку таскали в плетеных корзинах емкостью два ведра. Вдвоем несли в кучи. Причем, летом не было каникул, тоже работали в подсобном. Также тут выращивали овес, пшеницу, горох. И привлекали летом школьников. Шли пешком, через речку вброд. Осенью после жатвы собирали колоски. Была норма сбора. Стручки гороха тоже собирали. В октябре также собирали. С утра бежишь собирать, а потом в школу. Сюда от дома километра три, обратно – так же. Потом в школу еще три километра. Сало наращивать некогда было. А в школе нас поддерживали: ежедневно да-

вали кусочек хлеба. Учителя разрезали булку. На кусочки по 50 гр. Хлеб был неважный. Как глина. Староста приносила из учительской. Мы налепали. Кусочки расхватывали. А я не съедала. Потому что у меня был маленький братик, с 1939 года, был слабенький. Я ему этот кусочек приносила домой. А дома тоже хлеба не было. Давали муку овсяную. Мама варила не то кисель, не то кашу из нее. И разливала поварешкой, черпаком каждому. Появились к тому времени алюминиевые тарелки, ложки. А помню, когда ели из общей миски. Вот этот кусочек я приносила Лёне. Не все дети выжили. До меня двое умерли. Один из моих братьев погиб на фронте, во время Великой Отечественной войны.

Ф.Н.Яблонский: Златоуст – мой город. Жили на ул. Таганайской, 10. Я жил в этом доме с рождения до 1959 года. Дедушка, Феодор Николаевич, работал прокатчиком в большом прокатном цехе, пока не схватил ревматизм. Родители мои родились в Златоусте. Мама, Ольга Матвеевна Яблонская, 1897 г.р., работала в годы советской власти секретарем

в одном из цехов на заводе им. Ленина; в 1943 ее перевели заведовать заводским архивом. В то время был потоп в городе, и она спасала и восстанавливала архивные дела. Работая в архиве позднее, я находил много документов с ее почерком. Отец, Яблонский Николай Федорович, 1901 г.р., в 13 лет пошел работать в типографию Селезнёва. Потом ушел работать на завод лекальщиком. В Красную армию был призван в 1920 году, демобилизован по болезни. Работал в комиссии по призыву в армию политруком, потом работал диспетчером. В 1944 г. призван в Красную армию, вернулся после войны в 1946 году. Воевал в Курляндии, где была окружена крупная группировка немцев, потом служил в Средней Азии, в Термезе. После войны работал в техникуме сельскохозяйственного машиностроения им. Аносова заместителем директора по административно-хозяйственной части до пенсии; на пенсии – работал инструктором по слесарному делу в техникуме. Был членом ВКП(б) с 1924 года. Вернулся домой в апреле 1946 с патефоном, и привез из Средней Азии тыкву, которую мы попробовали впервые. Когда во

Город Златоуст, ул. Таганайская. Фото 1904 года из архива С.Волокитина. Дом Ф.Н.Яблонского – по четной стороне, с балконами. Когда родился Ф.Яблонский, в 1931, балконов уже не было.

дворе раздавалась музыка, все знали: это патефон Яблонских. Сестра Галина старше меня, с 1923 г. Она окончила фельдшерско-акушерскую школу. Работала врачом на хлебозаводе в годы войны, потом – в профсоюзе медработников в горздраве.

Для меня война началась с подвига Гастелло и с наперстянки – растения, из которого делали сердечные капли. Мы были в лагере и всю смену собирали наперстянку по лесу, сушили на чердаке; каждый отряд имел свой участок на чердаке для сушки лекарственной травы. И никто не халтурил и не жульничал. Остальное: мы были пацанами, и война была далеко-далеко. Мы занимались обычными ребячьими делами. Рядом был пруд. Нашу жизнь нельзя назвать такой тяжелой, какой она была на оккупированных фашистами территориях. Был ли я сытый, или голодный – не могу сказать об этом ощущении. Только помню, что сестра однажды принесла «чекушку» рыбьего жира под осень. У нас была бабушка (по маме), приехала из Запорожья с двоюродным братом в мае 1941 – успела до войны. Мы только корову зарубили, – у нас была корова... Так вот, я прибежал с улицы, и бабушка поставила передо мной небольшую сковородку с жареной картошкой, густо посыпанной зеленым луком. Был на столе и кусочек хлеба, полученный по карточке, но он исчезал быстро, поэтому главной едой была, конечно, картошка. Я съел и даже не заметил, что она пожарена на рыбьем жире. Лук замаскировал запах рыбьего жира, я уплеп и не заметил. Когда мне рассказали, я запричитал: – Да мне в школе рыбий жир надоел! Но с тех пор стал относиться к рыбьему жиру уважитель-

ней. Конечно, был шпаной, все ребячьи дела не прошли мимо: и в деньги играл, приносил домой иногда горстку мелочи. А мама причитала: «Опять на деньги играешь!»; и стекло ненароком мог разбить, – конечно, нечаянно!.. Учился в школе № 9. Свою первую учительницу, Наталью Андреевну Бородину, помню хорошо. Она была маленькая, ростом с пятиклассницу. Скорей всего, окончила педучилище. Жила с сестрой в Ветлужском поселке. В школу поступил учиться в 1937 году, закончил ее в 1946 году. В 1946 был принят на первый курс Златоустовской фельдшерско-акушерской школы, и закончил ее в 1949. Сдав экзамены и не пройдя по конкурсу в Уфимский мединститут, вернулся в Златоуст и поступил в Златоустовский Учительский институт.

Студенческие годы в Златоустовском Государственном Учительском институте (1949–1951)

Т.А.Крылова: Хотела идти в пединститут, но отец воспротивился. Четыре года учиться – нечем тебе помогать. Потому пошла в Учительский институт. Первый год в Златоусте жила у дяди с тетей. Но занятия у нас там шли в классах пединститута до 11 вечера. Сложно было оттуда поздно ехать до родственников. Поэтому на второй год перешла в общежитие. Это на «стрелке». Условия были простые. В комнате пять кроватей, тумбочки, маленький столик. Там условий не было заниматься. И мы по-прежнему занимались в аудиториях. Было такое время, как взлет. Моральный, физический. Там учился Яблонский, Федька. Такой хо-

роший парень, очень добрый. Общительный. Он меня не раз провожал до остановки трамвая. С ним даже как-то танцевали, он хорошо танцевал. Порядочный. Учился чуть хуже меня (я была отличницей), но все равно неплохо. На выпуске в 1949 году в награду мне пригласили маму на выпускной вечер. Она приехала из Тургояка, посидела рядом. За столом мне как отличнице предложили сказать тост. А я не знаю, что такое тост. Растерялась. Мне подсказывают. Я предлагаю выпить за нашего куратора-педагога Елену Ивановну (прим. – Е.И.Дунаева), жену директора, очень уважаемую. Но меня не поддерживают. А вот за предложение в честь партии, которая нам всё дала, выпили. А в институте интересно было учиться. Был физмат. Литераторы. Историки. Была еще и самодеятельность. Хор, в котором я пела. Преподаватель физкультуры вела у нас художественную гимнастику, которой я также занималась. Я была тонкая, звонкая. Поэтому везде участвовала. Лыжами также занимались. Выступали во дворце, как артисты. Выходили в свет.

Также меня сразу выбрали в комитет комсомола. В нем отвечала за культурно-массовый сектор, отказавшись от должности секретаря. Организовывала походы в кино, театр. Соревнования. Такие были интересные постановки в театре! Такие декорации!.. Получала повышенную стипендию (275 рублей). Родители не помогали, жила только на стипендию. Но кушать почти некогда было. После лекций – тренировки... В буфете возьмешь 100 грамм пряников, столько же конфет... «Крыжовник», «Подушечки». По-

Драмтеатр и танцплощадка. Из архива Сергея Волокитина.

11 выпуск историков ЗГУИ, 1951 год.

- 1 ряд снизу, преподаватели:** Усова Антонида Павловна, Наумов, Фролова Маргарита Александровна, Дунаев Александр Дмитриевич, Двухшерстов Григорий Иванович, Дунаева Елена Ивановна, студент (подполковник).
2 ряд снизу: студенты Карцева Зоя, Сабанова Зара, Хисматуллина Зайтуна, Полушина Ирина, Берсенева Зоя.
3 ряд: Самойлин Борис, Власова Валентина, Пухлякова Валентина, Хужин Григорий, Добрычева Валентина, Гайнуллин Гайфулла, Мирковский Наум.
4 ряд: Любимов Александр, Дешко Борис, Путырский Александр, Крылова Татьяна, Водолеев Александр, Зарипова Лидия, Горобец Галина.
6 ряд: Шанина Евгения, Хуснутдинов Борис, Родикова Анна, Пьячѐв Степан, Галавтин Павел, Голунов Евгений
Верхний ряд: неизвестный, Анаховская Маргарита, Яблонский Федор, Щипицин Сергей, Кормушин Иван.

том подготовка к семинарам... Жили очень напряженно и очень интересно. Участвовали в выборах. Агитаторами. Потом выступали на участках – пели. Была спортсменкой. Интересно преподавали нам историю. Был сильный педагог.

Ф.Н.Яблонский: Историческое отделение было «разношерстным» по возрасту, по образованию; студенты приехали из разных местностей. Кто-то был уже семейным. Были на курсе дети погибших фронтовиков, дети инвали-

дов Великой Отечественной войны, и четверо студентов-фронтовиков: Хужин Хайдар, Галавтин Павел, Путырский Александр и Самойлин Борис. Я был на курсе самым молодым. Сплотиться особо не получилось. Учился я хорошо, всегда получал стипендию – 220 рублей. Приезжие девчата жили в общежитии по ул. Бушуева, кто-то – в частном секторе. Ходили в турпоходы. Сначала было два похода на лыжах, потом пригласили летом в турпоход по Южному Уралу: 18 дней, в сторо-

ну Белорецка, оттуда к Симу, к Игнatieвской пещере. Мы прошагали 300 км. Нами руководили девчата педагогического института из Москвы. Погода была дождливая, мы перевалили два хребта и вышли к пещерам. Перебираясь через реку, сначала разувались, но шел дождь, и мы перестали снимать обувь. Правда, за этот поход я был наказан. Дело в том, что я подрабатывал в институте лаборантом. Понадеялся на спорткомитет, который пригласил меня в поход, – думал, они напишут письмо

Зачетная книжка Ф.Н.Яблонского, сентябрь 1949 г. АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 31, Личные дела.

Эвакогоспиталь 3868, позднее – Златоустовский учительский институт.
Златоуст, ул. Октябрьская, дом 6. Фото из архива С.Волокитина.

в институт. Времени на сборы было мало, и написать заявление об отпуске без оплаты я не догадался. Директор института А.Д.Дунаев был суровым, и приказ о моем наказании был издан незамедлительно: за самовольный невыход на работу с работы лаборантом меня сняли, привлекли к ответственности.

Я продолжил учиться, активно занимался лыжным спортом, ходил на танцы. После выпускных экзаменов (я их сдал досрочно, в мае, т.к. пришла повестка из военкомата), я сразу попал в больницу с желтухой, – провозжали кого-то из ребят в армию, на травке в городском сквере по российской традиции выпили водки, а из закуски был только шоколад. Экзамены я сдавал уже больным, с температурой. Зато, когда историческое отделение сдавало экзамены в июле, я был свободен – в огороде и на пруду загорал под горячим солнцем. Получил диплом вместе со своим историческим отделением. Был распределен в Кострому, в школу милиции.

Жизнь студентов Учительского института в середине XX века.

Ф.Н.Яблонский: Я очень любил физкультуру, преподавателем физкультуры у нас была Витольда Витальевна Пантелеева. Она сама была легкоатлеткой. Вышла замуж за парня, который был ранен при обороне Ленинграда, потом был в партизанском отряде, и прозвище у него было «Рыжий». Лыжные пробеги мне очень нравились – я был хорошим физкультурником. Агитационный пробег начался стартом в Златоусте – с метзавода, через Мышляй – на Кусу. Мы решили срезать путь, пройти вдоль железной дороги, вот там-то я лыжу и сломал. Лыжу скрепили, а в Кусе мне дали другие лыжи. Ночевали мы в помещениях. Из Кусы – в Куваши; дошли до кордона, перевалили Уреньгу и добрались до Веселовки. Из Веселовки докатились до Миасса, из Миасса вернулись в Златоуст. Сдав экзамен, получил значок «Турист СССР». Автомобильного транспорта тогда особо не было, ходили лошадки. Двигаться на лыжах нам было нетрудно: перед нами был про-

бит конный путь копытами лошадей, это была наша лыжня, мы шли не по снежной целине. С нами было два парня из техникума им. Аносова.

Я очень любил танцевать. Танцевать начал в 1946 году, в 16 лет. Ходил «по благу» на танцы бесплатно (билет стоил 3 рубля), на входе был пленный немец. Первый год посещения танцплощадки мы стояли в углу, старались шевелить ногами. В одном углу стояли ребята, в другом – девчата. Сначала стояли и присматривались, учились. Позднее стали танцевать. У танцплощадки была аллея акаций, родители наши могли постоять, посмотреть на свое чадо – кто как себя ведет. На танцах была живая музыка – барабан, баян, аккордеон. Помню, Зверевы здорово играли. К 1947 году взрослые ушли с танцплощадки, она стала молодежной. Рядом, за танцплощадкой, была волейбольная площадка. Вверху, где контора связи, заливали зимой каток, и еще там было стрельбище, где сдавали нормы ГТО. Летом можно было играть в футбол, танцевать, а зимой катались на катке. Получалась целая культурно-спортивная зона: кто не танце-

Вид на танцевальную площадку. Построена в 1950-е, снесена в 1990-е годы. Фото из архива С.Волокитина.

Вид на техникум им. Аносова и танцплощадку. Фото из архива С.Волокитина.

вал, те играли в любимые игры – баскетбол, волейбол до позднего вечера.

Танцплощадка была отгорожена от реки Громатухи забором; там шла узкая тропка, и рядом был хороший ключик. Всё аккуратно посыпано песком, было хорошее озеленение. В то время была конкуренция двух танцплощадок – в городском саду и в «Динамо». Были умельцы, которые в перерыве между танцами выбегали с танцплощадок, менялись входным билетом на один танец с другим человеком, а через один танец бежали на другую площадку, обратно. Пол на танцплощадке был деревянный – на нем легко было танцевать в кожаной обуви; за лето мы изнашивали три подошвы. После танцев, которые заканчивались в 23.30, двигались домой пешком. Место, где было можно показать себя и посмотреть других, было на ул. Ленина, от начала до «стрелки». Пары степенно прогуливались навверх-вниз, не уступая место машине милиции. Был один знакомый, он жил на вокзале,

а его девчонка – на горбольнице. Он почти не спал по ночам: пока проводит девушку из «Динамо» домой, потом к себе домой на вокзал, – не всегда успевали на трамвай – и спать ему оставалось часа два. Ничего, мать его не ругала, и ходил он не зря: потом эта пара создала семью. Ребята провожали после танцев девчат: с Татарки – на Демидовку, с Демидовки – в Закаменку. Могли пригрозить местные ребята: «Зачем ходишь к нашим девчонкам?» Могли и побить. Однажды мне убежать пришлось, они смеялись: «Бегаешь быстро!.. Но тогда – не догнали!» Особенно далеко было провожать в Закаменку. Девчата в то время носили носки, тапочки на ремешке, или кожаные туфли. Я прошел мастер-класс «вальс-бостон» в 1951 году. Он был самым тяжелым медленным танцем. Не получалось, пока не поймал ритм, шаг – и фигуру танца надо вписывать в музыку, тогда идет легко. Вернувшись в Златоуст в 1955 году, когда был демобилизован с флота, снова пришел на любимую танцплощадку. А по-

том пошел работать, создал семью, перестал ходить на танцы.

Как сложились судьбы выпускников исторического отделения Златоустовского Учительского института 1951 года выпуска

Ф.Н.Яблонский: Хуснутдинов Борис работал завучем в школе, потом ушел на машиностроительный завод, в конструкторское бюро. Щипицин Сергей был секретарем райкома, потом работал на заводе. Евгений Голунов – кандидат педагогических наук, работал в Чебаркуле. Мирковский Наум был директором 18 школы, потом работал в Челябинске директором школы. Берсенева (Ильина) Зоя преподавала историю в школе-интернате № 32 вместе с мужем Андреем, который преподавал там же физику и математику. Борис Михайлович Самойлин, фронтовик, стал директором торгового техникума, ему было присвоено звание Почетного гражданина города Златоуста. Павел Галавтин работал в Сталинском райкоме партии,

потом – на метзаводе. Анна Горобец работала в Кувашах. Борис Семенович Дешко работал пионервожатым в школе № 20, потом преподавал в Златоустовском педагогическом училище шахматы, фотодело, технические средства обучения, готовил к работе будущих учителей.

Т.А.Крылова: После учительского института работала в своей родной школе № 2. Вела историю в пятых-седьмых классах. В том же 51-м, зимой, поступила заочно в Челябинский пединститут. Забыла: сначала меня направили в Каслинский район, в село Григорьевка. Там начала работать, директору понравилась. Как учитель. Ходил на мои уроки, хвалил. Но приехала мама и уговорила отпустить меня, так как она уже тогда сильно болела: сердце. Директор «со скрипом» отпустил, когда мать упала в обморок от приступа в доме директора... В школе № 2 в Тургояке также хорошо работала. Но после войны дети были без отцов. Сплошная безотцовщина. А семьи были большие. На женщинах без мужей лежали невероятные тяжести от труда и семейного быта, работы в огородах, со скотиной... 15 лет проработала. В институте за три года всю учебу прошла. В одну из сессий за день по два экзамена сдавала... Дело в том, что болела мама. Не только сердце, но и рак груди был у нее. Приходилось много по дому делать. За ней ухаживать, за братьями и сестрами. Жили на мою зарплату. Мама умерла в 1953 году. Потом в 1954 году были последние экзамены. И в 55-м году выдали диплом о высшем образовании... Мой однокурсник по Учительскому институту Борис Хуснутдинов приехал ко мне из Каслинского

района, где работал по распределению. Поженились, стали жить в Тургояке, на съемной квартире. Потом в служебной. Родились двое детей: сын Олег и дочь Елена. Во второй школе меня взяли в оборот: руководила хором. Всей самодеятельностью. Вела другую общественную работу. Меня выбрали в поселковый совет депутатом. Потом в городской Совет. Так я заработала квартиру на Машгородке. В 1961 году. Но сначала уступила обещанную педагогам-ветеранам. Потом перешла сюда работать (после 1965-го года) сначала в школу № 25, потом в № 7. Муж оставил тургоякскую школу и ШРМ, перешел работать в КБ (машиностроения). К слову, в ШРМ я подрабатывала ранее. Причем, учила ребят, которых учила раньше, в школе. Они же пришли после ремесленного училища. В школах работала всю жизнь.

Ф.Н.Яблонский: Для меня важными этапами в жизни были работа в музее и в школе. После демобилизации со службы на Балтийском флоте вернулся в Златоуст, и первые три года были тяжелыми, – работы по специальности тогда не было. Работал в ДОСААФ, собирал взносы. Потом – воспитателем в РУ-11. Заочно закончил пединститут в 1959 году. Уже работая в музее, у Н.А.Косикова, в 1958 учился на последнем курсе института. Музей стал местом знакомства с будущей женой – в то время Раисой Петровной Горбенко. Раиса Петровна после окончания института в 1949 поступила на работу преподавателем биологии в педагогическое училище. По совместительству работала в музее. Ее где-то высмотрел директор музея Косиков и пригласил оформлять

отдел природы в музее. В музее она строила экспозиции этого отдела. Зимой 1958 года, когда я пришел работать в музей, шел ремонт первого этажа: река Громатуха шла рядом, стены стали мокнуть, и кирпич «заболел». В то время очень полезным для сотрудников были совещания Уральских музеев: обменивались опытом работы. Приезжали к нам, ездили мы. Брали побольше работников музея на учебу и обмен опытом. Ездили в Нижний Тагил, в Магнитогорск, в Челябинск. Надо отдать должное, что музей и Николай Александрович Косиков сделали из меня краеведа. Косиков учил сотрудников музея быть лекторами: приходя из общества «Знание», стопочкой раскладывал каждому работнику карточки на проведение лекций. Учил писать статьи в газету, давал задания работать в архиве.

Появилась семья, дети, моя Петровна вела дом, а я зарабатывал, всегда работал на двух работах. Косиков сам находил нам совмещение. Давал и спрашивал за работу больше, чем полагается. Я работал в техникуме им. Аносова на вечернем отделении, а когда пришел работать в школу в 1974 году, совмещал педагогическую работу с работой в музее. Когда я работал в школе № 18, не было проблем ни с ребятами, ни с учителями. Через год работы в школе чувствовал себя уверенно. Мне было хорошо: был хороший завуч и преподаватель литературы Константин Ромашов. Посидев на моем уроке, оценил кратко: «Может работать».

Работая в школе, я стал строить музей машиностроительного завода, затем – завода им. Ленина, трампарк. Восстанавливал историю «Энергосбыта» и «Водоканала», работая с документами в Архиве.

Очень хорошо ладил с учениками. Научил их работать в архиве. С ними было просто: выбрал навскидку тех, кто может работать, и повел на экскурсию в архив, он тогда еще был на Татарке. Там встретили хорошо. Предложил моим десятым классам темы для исследования на выбор. Научил ребят работать с документами, помогли сотрудники архива. Потом ребят допускали без меня, они работали. Их научные работы оформляли нужным образом, по одному экземпляру обязательно передавали в музей и архив. Работы получались хорошиими, занимали призовые места в НОУ в городе и области. Интересно было работать, когда по моему предложению был создан историко-литературный спецкласс. Составили программу с Челябинским пединститутом, она была утверждена. Ввели расширенные часы по истории, литературе. Часы по математике, химии были сокращены. В классе было 17 человек, из них двое парней, остальные – девочки. В классе была своя, «историческая», аура. Хотя часов по математике и химии было меньше, экзамены сдавали по учебной программе школы. А вот экзамены по истории приезжали принимать преподаватели Челябинского пединститута. Время шло, менялось, вносило изменения в курс истории. Одна моя ученица спорила с преподавателем из института, отстаивала свою точку зрения. И он с уважением поставил ей «пятерку». Все ребята из спецкласса, кроме одного, получили высшее образование. Мой ученик Петров, получив высшее педагогическое образование, стал начальником колонии. С этого класса началась работа над составлением Книги Памяти. Меня никто не учил, как делать эту книгу, просто дали Книгу

Памяти Челябинской области. Я все начинал делать по собственному наитию. Мои ученики помогали мне во всем. Однажды мой спецкласс объявил мне «забастовку»: дети потребовали компьютер для работы. В школе их тогда еще не было. Пошли к шефам на метзавод, во второй маргеновский цех. Шефы предложили привести девочнок к ним – пусть работают (а девочки мои все кончали курсы секретарей-машинисток в УПК, поэтому компьютер освоили быстро). Мы получили доступы к компьютерам на АСУПе, встретили нас прекрасно. К нам приехала Д.Широкова из администрации, привезла ученикам немного денег как премию, – немного, но хоть на проезд! Все мои ученики, стоявшие у истоков Книги Памяти, поименно названы в предисловии. А.В.Козлов, перечислявший всех, причастных к созданию книги, ничего не перепутал и назвал всех. Из моего спецкласса практически все работают учителями, все работают по специальности. Только одна из учениц – кандидат экономических наук – заведует кафедрой в Челябинском институте. Остальные – учителя русского языка и истории.

...Может быть, и ученики ваших учеников, Федор Николаевич и Татьяна Андреевна, станут учителями. Спасибо вам за Школу жизни, Наставники!

*Людмила Толкач, поэт,
член литературного
объединения «Мартен»
(Златоуст).*

*Интервью у Т.Крыловой (Миасс) брал журналист,
член литературного
объединения «Мартен»
В.Ерёмин.*

*Фото З.Шадрина,
В.Еремина и фото из архива
С.Волокитина.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Архивные документы

В Златоустовском архиве с помощью главного архивариуса Натальи Александровны Осиповой я подняла документы Златоустовского Учительского института с 1949 по 1951 год. Стала искать документы – приказы и протоколы – о зачислении студентов, о студенческой жизни, учебе и выпуске. Изучать старые документы было интересно: перед глазами встает послевоенный Златоуст, советская жизнь преподавателей и активной, энергичной студенческой молодежи. Интересен фонд Р-364, дела описей 1 и 2 Архива Златоустовского городского округа. В 1949–1950 годах делопроизводство в учительском институте велось чернилами, с 1951 г. приказы печатались на печатной машинке.

Выписка из приказа № 82 по Златоустовскому Учительскому институту от 26 августа 1949 г.

По результатам вступительных экзаменов зачислить в институт следующих студентов:

I курс исторического отделения

- 1 Карцеву Зою Сергеевну
- 2 Хуснутдинова Бориса Михайловича
- 3 Бычкова Семена Дмитриевича
- 4 Берсенева Зою Алексеевну
- 5 Водолеева Александра Степановича
- 6 Зарипову Лидию Гилятевну
- 7 Кочураеву Эмилию Ивановну
- 8 Крылову Татьяну Андреевну
- 9 Анаховскую Маргариту Николаевну

10 Борисову Анну Семеновну
11 Родикову Анну Васильевну
12 Рыскина Исака Давыдовича
13 Дешко Бориса Семеновича
14 Милорадович Анну Григорьевну
15 Яблонского Федора Николаевича
16 Александрова Василия
17 Синицину Зою Петровну
18 Горобец Анну Даниловну

Зачислить на I курс в порядке перевода из других ВУЗов Историческое отделение
1 Гарифуллина
2 Голунова
3 Самойлина
4 Добрычеву
5 Мирковского
6 Путырского
7 Шанину Е.

Зачислить на I курс выдержавших вступительные экзамены в других ВУЗах, но не прошедших по конкурсу Историческое отделение
1 Хисматуллин
2 Пухлякову В.В.

Зачислить на I курс инвалидов Отечественной войны, кончивших среднюю школу на отлично до призыва в армию Историческое отделение
1 Хужина

Зачислить в порядке восстановления Историческое отделение
Галавина П.И.
Директор ЗГУИ /Пышкин/ АЗГО, Р-364, оп. 1, д. 169, л. 26-27

**Выписка из приказа № 24
от 3 марта 1950 г.
по Златоустовскому
Учительскому институту
от 3 марта 1950 г.**

На основании результатов зимней экзаменационной сес-

сии зачислить на стипендию с 1 февраля 1950 года

§1
Повышенную стипендию в размере 275 р. выплачивать следующим студентам I курса, сдавшим все экзамены на отлично:

1 курс
1 Лялько Е.Р. – отд. рус. языка и литературы
2 Самойлину Б.М. – историческое отделение
3 Галавтину П.И. – -//-
4 Анаховской М.Н. – -//-
5 Путырскому А.Ф. – -//-
6 Борисовой А.С. – -//-
7 Шаниной Е.И. – -//-
8 Голунову Е.М. – -//-
9 Крыловой Т.А. – -//-
10 Мещеринову А.И. – -//-
§2

Выплачивать стипендию в размере 220 рублей следующим студентам, сдавшим экзамены на хорошо и отлично:

II Историческое отделение
1 Берсеновой З.А.
2 Водолееву А.С.
3 Гарифуллину К.Г.
4 Горобец А.Д.
5 Кочураевой Э.И.
6 Карцевой З.С.
7 Милорадович А.Г.
8 Хуснутдинову Б.М.
9.Пухляковой В.В.
10 Родиковой А.В.
11 Хужину Х.Л.
12 Яблонскому Ф.Н.

ВРИО Директора Учительского института / Л. Яблоков/ АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 1, л. 5

Приказ № 154 по Златоустовскому Учительскому институту от 26 сентября 1950 г.

§1
В соответствии с положением об освобождении от платы за обучение

ПРИКАЗЫВАЮ:

1 Освободить от платы за обучение в I семестре 1950/1951 уч. года следующих студентов:

1/ Студентов, родители которых погибли на фронтах Отечественной войны 1941-1945 гг.

1 Никонову М.Н. 12 Прибытову Н.М.
2 Шутову В.А. 13 Поезжаеву Э.
3 Федяеву З.И. 14 Комину М.С.
4 Новичкову Р.М. 15 Пупынина А.Н.
5 Торееву Ю.В. 16 Потеряеву В.
6 Шадрину А.С. 17 Хафизова Н.Ф.
7 Водолеева А.С. 18 Баталову Р.Н.
8 Дешко Б.С. 19 Ефимову Т.Ф.
9 Гордееву М.А. 20 Темникову В.
10 Абдулина А.Б. 21 Санникову А.Г.

11 Карасову О.Г. 22 Попову Р.И.

2/ Студентов, родители которых являются учителями:

1 Теплых Р.П. 6 Лебедеву З.Б.
2 Дмитриеву П.А. 7 Балаеву М.К.
3 Иванову Г.А. 8 Дроздович К.
4 Голунова Е.М.
5 Мизгиреву М.В.

3/ Студентов, родители которых являются инвалидами Отечественной войны 1941-1945 гг., а также студентов – участников ВОВ, демобилизованных из Советской Армии по ранению, увечью и болезни:

1 Глазунову Т.П. 7 Хужина Х.Л.
2 Исмагилову Л.Т. 8 Путырского А.Ф.
3 Мясоедова Л.Ф. 9 Самойлина Б.М.
4 Галавина П.И. 10 Козлова А.А.
5 Трофимова А.М. 11 Клызбаева Ф.А.
6 Каберова Г.А.

4/ Студентов, находящихся на иждивении пенсионеров,

или являющихся пенсионерами:

1 Куликову Ф.Н. 8 Хуснутдинова Б.М.

2 Ширяеву О.И. 9 Рогожникову М.Д.

3 Пухлякову В. 11 Пешкову А.П.

4 Ширяеву Г.И. 10 Сатосову Л.

5 Корневу Т.В. 12 Вотинкову А.Н.

6 Валиева Ф.З

7 Ильина А.С.

5/ Студентов, в соответствии с Указанием Министерства высшего образования от 25/09-1948 г. ПД-67

1 Подшивалова Ю.И.

2 Балахнина Е.А.

3 Кульмякова С.С.

Директор Златоустовского института Дунаев АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 1, л. 81

Приказ № 188 по Златоустовскому Учительскому институту от 18 /09 – 1950 г.

В связи с необходимостью усиления самостоятельной работы студентов и подготовки их к предстоящей зачетной сессии

ПРИКАЗЫВАЮ:

§1

Разрешить пребывание студентов в здании института ежедневно до 11.30 вечера.

§2

Перенести часы работы лаборантов, установив с 20/06 –1950 г. рабочий день с 4 часов дня до 11.30 вечера

Директор Златоустовского Учительского института Дунаев АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 1, л. 41

Приказ № 198 по Златоустовскому Учительскому институту от 30/11–1950 г.

Для подготовки и проведения новогоднего вечера 1951 г. в институте создать комиссию в составе:

1 Усова А.П. – председатель комиссии

2 Пантелеева В.В. – зам. председателя

3 Дунаева Е.И. – член комиссии

4 Кульмяков – -//-

5 Яблонский – -//-

6 Самойлин – -//-

7 Родикова – -//-

8 Захаревская – -//-

9 Фефелова – -//-

Предлагаю комиссии представить мне на утверждение план проведения новогоднего вечера к 7/12 – 1950 г.

Директор Златоустовского Учительского института Дунаев АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 1, л.121.

Приказ № 201 по Златоустовскому Учительскому институту от 2/12 – 1950 г.

В связи с проведением звездно-агитационного лыжного пробега по избирательным округам Челябинской области, посвященного выборам в местные Советы депутатов трудящихся, освободить от занятий сроком на 10 дней (с 9/12 по 18/12-50 г включительно) следующих товарищей:

1 Яблонского – студента 2 курса исторического отделения

2 Земскова – студента 2 курса физико-математического отделения

3 Лихачева М – студента 1 курса физико-математического отделения

4 Балахнина Е – студента 2 курса физико-математического отделения

5 Хомуцкого В Д – лаборанта кабинета физики, математики

Директор Златоустовского Учительского института Дунаев АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 1, л. 124

Приказ № 38 по Златоустовскому Учительскому институту от 23 марта 1950 г.

Проверкой установлено, что отдельные студенты в той или иной форме нарушают трудовую дисциплину. Так, на 1 курсе историче-

ского отделения 18/03 с. г. не присутствовали на занятиях, не имея на это разрешения, т.т. Яблонский, Крылова, Добрычева, Карцева и Милорадович.

В целях укрепления трудовой дисциплины

ПРИКАЗЫВАЮ:

Перечисленным выше студентам объявить ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ;

Напомнить, что нарушение дисциплинарных правил повлечет за собой более строгие меры взыскания по отношению ко всем нарушителям дисциплины.

И.О. директора Златоустовского Учительского института /Л.Яблоков/ АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 31, л. 230

Приказ № 120 по Златоустовскому Учительскому институту от 26/08 – 1950 г.

Состояние трудовой дисциплины в коллективе является неудовлетворительным, имеются случаи опоздания на работу, как то имело место с т.т. Христофоровой, Гайдамак и Поповой 21/08 – 1950 г./, преждевременный уход с работы, частые самовольные отлучки без надобности для дела института сотрудников в рабочее время /это имело место с т. Шаминой/ и даже самовольные уходы с работы на длительное время, как это сделал лаборант Яблонский Ф.Н., прогулявший 18 дней, за что был снят с работы и привлечен к ответственности. Кроме того, существующая порочная система неоформления приказом по институту ухода и прихода из отпусков сотрудников института привела к тому, что находившемуся в отпуске преподавателю т. Клушину в августе месяце бухгалтерией была начислена зарплата. В целях укрепления трудовой дисциплины **ПРИКАЗЫВАЮ:**

§1

Зам. директора по административно-хозяйственной части т. Опенько В.П. в пятидневный срок ввести табельно-камерную систему прихода на работу и ухода с работы для всех сотрудников административно-хозяйственного состава.

§2

Тов. Гайдамак А.И. вменяю в обязанность:

а) завести журнал учета ежедневных отлучек сотрудников института в рабочее время с указанием, в какое учреждение и на какое время

б) Каждый случай разрешенного дирекцией отпуска, или командировку тому или иному сотруднику института, оформлять приказом по институту. После использования отпуска или командировки также оформлять приказом по институту выход на работу.

§3

Бухгалтеру института Страховой А.И. расчет отпускных и начисление зарплаты после отпуска производить только в соответствии с приказами.

§4

Начало и конец работы в институте установить:

/ для преподавателей по расписанию учебной части,

/ для лаборантов всех кабинетов с 1/09 – 1950 г. с 2-х часов дня до 10 ч. вечера, с перерывом на обед с 6 до 6.30 ч.,

/ для младшего обслуживающего персонала по специальному графику административно-хозяйственной части,

/ для всех остальных сотрудников с 9 ч. утра до 5.30, с перерывом на обед с часу дня до 1 ч. 30 мин.

§5

Обязываю всех сотрудников в дальнейшем соблюдать строгий порядок трудовой дисциплины, нарушение которого

повлечет за собой привлечение к ответственности.

§6

Т.т. Холодинину А.Д., Опенько В.П., Страховой А.И. настоящий приказ довести до сведения коллектива работников.

Директор Златоустовского Учительского института Дунаев АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 1, л. 52

Приказ № 7 по Златоустовскому Учительскому институту от 5 января 1951 г. г. Златоуст

Несмотря на неоднократные указания со стороны кафедры основ марксизма-ленинизма и критические замечания зав. кафедры т. Холодинина А.Д. об ошибках в преподавании курса основ марксизма-ленинизма, старший преподаватель тов. Емельянова А.М. свою работу не перестроила и продолжает читать лекционный курс и вести практические занятия без учета критики недостатков, далеко от требований, предъявляемых к этому ведущему в институте предмету. Всё это привело к тому, что студенты второго курса литфака не знают философского раздела истории ВКП/б/ и слабо усвоили произведения классиков марксизма-ленинизма.

Исходя из вышеизложенного, ПРИКАЗЫВАЮ:

Тов. Емельянову А.М. освободить от чтения лекционного курса и ведению семинарских занятий на 2 курсе литфака

Возложить чтение лекционного курса на 2 курсе литфака на тов. Холодинина А.Д.

Поручить тов. Усовой А.П. ведение семинарских занятий на втором курсе литфака.

Поручить тов. Емельяновой А.М. ведение семинарских занятий на первом курсе литфака и предупредить ее о необходимости коренного улучшения работы в соответствии с тре-

бованиями ЦК ВКП/б/ и приказов Министерства Высшего Образования СССР о преподавании Основ Марксизма – ленинизма в ВУЗах.

Настоящий приказ обсудить на заседании кафедры основ марксизма-ленинизма и разработать практические мероприятия по оказанию помощи в работе тов. Емельяновой А.М.

Директор института А. Дунаев АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 18, л. 7

Выписка из приказа № 119 по Златоустовскому Государственному Учительскому институту от 3 июля 1951 г. г. Златоуст

На основании решения Государственной экзаменационной комиссии Златоустовского Учительского института, ПРИКАЗЫВАЮ:

Студентов-выпускников, выполнивших учебный план Учительского института, сдавших все курсовые зачеты и экзамены, а также и установленные учебным планом государственные экзамены, считать окончившими Златоустовский Учительский институт, присвоить звание УЧИТЕЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ с правом преподавания в первых семи классах средней школы и выдать дипломы:

§2

ДИПЛОМЫ С ОТЛИЧИЕМ:

Путьрскому Александру Филипповичу

Самойлину Борису Михайловичу

Крыловой Татьяне Андреевне

Шаниной Евгении Израилевне

Галавтину Павлу Ивановичу

Мирковскому Науму Залмановичу

Пухляковой Валентине Васильевне

Анаховской Маргарите Николаевне

ДИПЛОМЫ:
 Борисовой Анне Семеновне
 Берсеневой Зое Алексеевне
 Водолееву Александру Степановичу
 Волковой Ольге Афанасьевне
 Голунову Евгению Михайловичу
 Горбец Анне Даниловне
 Гайнуллину Гайфулле Нигматовичу
 Дешко Борису Семеновичу
 Добрычевой Валентине Петровне
 Зариповой Лидии Гиляшевне
 Карцевой Зое Сергеевне
 Полушиной Ирине Федоровне
 Кормушину Ивану Ивановичу
 Щипицину Сергею Михайловичу
 Пьячеву Степану Петровичу
 Масловой Асе Павловне
 Родиковой Анне Васильевне
 Сабановой Заре Васильевне
 Хуснутдинову Борису Михайловичу
 Хужину Хайдару Латыповичу
 Яблонскому Федору Николаевичу
 Чебыкину Анатолию Александровичу
 Будзинскому Афанасию Григорьевичу
 Любимову Александру Николаевичу
 Бажибину Михаилу Сергеевичу
 Костенецкой Валентине Ивановне
 Хисматуллиной Зайтуне Шакировне
 Директор института Дунаев А.Д. АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 18, л. 146-148

ДИПЛОМ

№ 068352
 Предъявитель сего тов. Яблонский Федор Николаевич

в 1949 г. поступил и в 1951 году окончил полный курс Златоустовского государственно-го учительского института по специальности «История».

Решением государственной экзаменационной комиссии 2 июля 1951 года ему присвоена квалификация и звание учителя средней школы с правом преподавания в первых семи классах средней школы.

Председатель Государственной экзаменационной комиссии

Директор института
 Секретарь
 Златоуст, 1951 г. АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 31, л. 233
 Регистрационный № 523

Приложение к диплому № 068352

Выписка из зачетной ведомости
 (без диплома недействительна)

Тов. Яблонский Федор Николаевич за время пребывания в Златоустовском государственном учительском институте сдал следующие дисциплины:

Основы марксизма-ленинизма отлично

Психология хорошо

Педагогика хорошо

Школьная гигиена зачтено

Физкультура зачтено

История древнего мира хорошо

История средних веков хорошо

История нового времени хорошо

История СССР (до XIX в.) отлично

История СССР (XIX-XX вв.) хорошо

Методика преподавания истории и конституции хорошо

Основы советского гос. права отлично

Русская литература хорошо

Педагогическая практика хорошо

Государственные экзамены

Основы марксизма-ленинизма хорошо

Педагогика хорошо

История СССР хорошо

Всеобщая история хорошо

Директор института

Зам. директора по н/работе

Секретарь уч. Части

г. Златоуст, 1951 г.

Регистрационный № 523.

АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 31, л. 234

Яблонский Федор Николаевич, студент-выпускник исторического отделения

Златоустовского государственного учительского института

Характеристика

Яблонский Ф.Н., 1931 года рождения, русский, кандидат в члены ВКП/б/, окончил ФАШ (Фельдшерско-акушерскую школу, прим. авт.) в г. Златоусте и поступил в 1949 г. на первый курс исторического отделения Златоустовского государственного учительского института.

За время пребывания в институте показал хорошую успеваемость.

В общественной жизни института принимал активное участие.

Хороший физкультурник.

Педагогическую практику провел хорошо.

Может быть использован преподавателем истории и физкультуры по совместительству в семилетней школе.

Директор Златоустовского Гос. учительского института / Дунаев А.Д./

Зав кафедрой основ марксизма-ленинизма. АЗГО, Р-364, оп. 2, д. 31, л. 232

Валерий СУРШКОВ

Член Союза журналистов СССР. Член Союза писателей Молдавии им. А.Пушкина. Лауреат премии СП Молдавии «Золотой паркер». Родился в городе русской морской славы Порт-Артур в семье военнослужащего. Окончил филологический факультет Бельцкого государственного педагогического института. Работал в газете «Молодежь Молдавии», в отделении ТАСС в Молдавии, в газете «Советская армия» (Группа советских войск в Германии), в журналах «Трибуна», «Панорама», «Закон и жизнь». После окончания Киевского института политологии работал в еженедельнике «24 часа» в Санкт-Петербурге. С 2001 по 2010 годы – главный редактор спортивного журнала «Мир регбола» Российской федерации регбола. Лауреат литературных премий. Живет в Санкт-Петербурге.

ВОЗДУШНЫЙ «ЯЗЫК»

По воспоминаниям своего отца – разведчика 237-й стрелковой сибирской дивизии Николая Ануфриевича Сурикова, кавалера двух орденов Красной Звезды и двух орденов Отечественной войны 2 степени и многих медалей.

Отрывок из книги В.Сурикова «Сломанный меч тевтонов».

Время на войне то летит стремительно, как пуля, когда наступаешь, то ползет, как черепашка, когда сидишь в обороне. Вот и сейчас перед Курским сражением мы стояли в обороне, ежедневно собирая данные о противостоящем противнике. Тем же самым занимались и немцы. Но мы гораздо чаще ходили в ночные рейды, уточняя, где у фрицев располагаются огневые пулеметные точки, артиллерийские и минометные позиции. Как правило, возвращались из поиска с рассветом.

Так было и в этот раз. В нашей разведгруппе было семь человек. Все сибиряки из Алтайского края. Бойцы опытные, воевавшие вместе со мной с июля сорок второго года, уже достаточно понюхавшие пороха.

Мы вышли из леса, уже довольно далеко отойдя от передовой, откуда изредка постреливали вражеские пулеметы, и вдруг услышали рев мотора немецкого истребителя. Он буквально пронесся над нашими головами. Все бросились врассыпную, попадая кто под куст, кто в придорожную канаву. То ли немецкий летчик нас не заметил, то ли у него кончился боезапас, но по нам он огня не открывал.

Самолет сделал еще круг над дорогой, словно что-то высматривая, и стал снижаться. Я отчетливо слышал, как его мотор работал с переборами. Мы не могли поверить своим глазам, когда увидели, что «Мессер» стал стремительно снижаться прямо на ровную полевую дорогу, по которой мы возвращались в свое расположение.

Почему немец не выбрал поле рядом, для нас оставалось загадкой. Хотя, если поразмыслить, то становилось ясно, что у летчика были на это свои причины: он не знал, есть ли на поле кочки или ямы, а может, опасался, что оно заминировано.

Как бы там ни было, но летчик выровнял машину, сбросил газ и аккуратно спланировал на дорогу, благо, вдоль нее не было никаких деревьев, кроме густого кустарника.

Немец просто шел к нам прямо в руки. Таким шансом грех было не воспользоваться. Я как старший группы отдал приказ: «Берем летчика. Он нужен нам живым. Все понятно?»

Ребята закивали головами.

– Безвиконных и Савинов, – продолжил я, – обойдете самолет справа. Остальные за мной!

Мы оказались позади самолета и, прикрываясь пыльным шлейфом, который он оставил после посадки на дорогу, бросились к нему, прикрываясь придорожными зарослями кустарника.

Чтобы летчик нас не заметил, мы перемещались короткими перебежками, то падая, то поднимаясь, и все ближе и ближе приближаясь к истребителю.

Пилот не глушил двигатель, он, то гонял мотор на высоких оборотах, то на низких. Двигатель чихал, работал с перебоями, и было件нятно, что немец вряд ли сумеет подняться в воздух на неисправном самолете.

Наконец летчик заглушил двигатель и открыл фонарь кабины. Он стал медленно выбираться из нее, на ходу пытаясь расстегнуть замки парашютной системы, но что-то у него не получалось и он, согнувшись в кабине, тщетно пытался освободиться от лямки парашюта.

Мы, пользуясь тем, что немец был занят своим парашютом, не теряя ни секунды, помчались к самолету. Мы почти вплотную подобралась к вражеской машине. Канареечно-желтый нос самолета и черные кресты, обведенные белой краской, придавали ему хищный вид. Все мы впервые в жизни так близко видели вражеский истребитель, который, наверное, не раз поливал наших солдат и технику смертоносным огнем с воздуха.

Но сейчас не было времени разглядывать «Мессер». Мы впятером находились буквально в двух десятках метров от немца, прикрывшись раскидистым ивовым кустом.

Летчик нас не видел и, наконец, выбравшись из кабины, спрыгнул на землю и обошел самолет, зачем-то пнув колесо левого шасси. Скорее всего, оно было приспущено при посадке.

Мы успели хорошо рассмотреть летчика. Это был высокий рыжеватый немец в светло-коричневом летном комбинезоне, поверх которого висела планшетка, а сбоку, сбившись почти за спину, кобура пистолета.

Он, не снимая шлемофона, полез в карман за сигаретами и, достав пачку и зажигалку, не торопясь, закурил, повернувшись к нам спиной. Он не чувствовал никакой опасности. Медлить было нельзя. Я подал знак ребятам, и мы стремительно рванули из-за своего укрытия.

Мне показалось, что мы за доли секунды преодолели с десятком метров, которые отделяли нас от фрица. Он еще не успел сделать и пару затяжек своей сигаретой, как Савинов, оказавшийся первым возле летчика, громким голосом выкрикнул: «Хенде хох!»

Немец от неожиданности даже присел. Он ожидал увидеть на этой пыльной проселочной дороге кого угодно, но только не людей в маскахалатах, направивших на него свои автоматы. Он медленно поднял руки вверх, еще не отойдя от шока. Сигарета все еще дымилась в уголке его рта.

Мы окружили пилота плотным кольцом. По нему было видно, что сопротивляться он не имел никакого желания. Я подошел к нему поближе, вытащил из кобуры его «Вальтер», снял планшетку и приказал Савинову: «Ваня, обыщи фрица!» Тот расстегнул комбинезон немца. На петлицах мундира сверкнули посеребренные эмблемы люфтваффе: два крыла, а сбоку, чуть ниже висел рыцарский крест. Савинов добросовестно вывернул все карманы летчика, проверив, нет ли где припрятанного оружия, и протянул мне документы, которые были у немца в нагрудных карманах.

Это были офицерская книжка и какие-то бумаги. Савинов продолжил обыск, проверив и карманы комбинезона. Закончив, он молодецкато вытянулся и, вскинув к пилотке ладонь, громко доложил мне: «Все в порядке, товарищ сержант!»

На нашего немца жалко было смотреть. По-моему, он еще окончательно не пришел в себя и не мог поверить, что попал в плен к русским. Мы связали пленному руки узким кожаным ремешком. Безвизонных запрыгнул на крыло самолета и заглянул в кабину «Мессера». Там ничего подозрительного не оказалось. Подняв шлемофон немца, он крикнул мне: «Всё в порядке!»

Нам надо было торопиться. Уже окончательно рассвело, и летчика могли искать с воздуха

его товарищи. Он, скорее всего, сообщил на аэродром о своей вынужденной посадке и передал координаты. Мне хотелось поближе рассмотреть вражескую машину: когда еще представиться такой случай, но рисковать жизнями людей я не мог. Налети через пару минут вражеские истребители, живым нам отсюда не уйти!

Я подал команду: «Вперед, бегом марш!» И вся группа вместе с трофеем перешла с шага на бег. Немец не сопротивлялся и бежал вместе с нами, опекаемый двумя рослыми разведчиками. Отойдя примерно полтора километра, почти у леса, мы заметили в небе двух «Мессеров». Кто они были? Обычные «охотники» или летчики, искавшие пропавший самолет? Кто знает.

Примерно через полчаса мы были у нашего штаба, и я решил доставить пленного прямо к капитану Андрееву. Несмотря на ранний час, он был на месте. Коротко доложив о рейде, я рассказал, о захваченном летчике и передал его планшетку Андрееву. Тот сразу оживился и обрадовано произнес: «А ну-ка, Суршков, давай этого субчика сюда!»

Я выскочил в коридор, где Савинов и Безвизонных караулили нашего пленного, и кивнул ребятам: «Заводи!» Когда немца ввели в кабинет начальника разведки, Андреев сказал, обращая ко мне: «Сержант! Группа может отдыхать. За удачный рейд объявляю вам всем благодарность и даю вам двое суток отдыха!»

Я, не скрывая удовольствия, отчеканил, вскинув ладонь к пилотке: «Служу трудовому народу!» Вышел в коридор, где меня ждали друзья-разведчики, и поделился с ними радостной новостью.

Мы веселой гурьбой направились в наш блиндаж. Все были довольны, что наконец-то закончился наш рейд и еще двое суток мы проведем спокойно, без ночных ползаний по нейтральной полосе. Сейчас нам хотелось быстрее привести себя в порядок и, перекусив, завалиться спать

минут так на шестьсот, как любил приговаривать Витька Герасимов.

Каково было наше удивление, когда нас уже ждал празднично накрытый стол: дымящаяся каша, тушенка в больших жестяных банках, нарезанное крупными ломтями сало, чайник с горячим чаем.

Старшина роты Федор Остапчук, который уже все знал о поимке летчика, сидел за столом, сколоченным из грубых необтесанных досок, и явно ожидал нашего появления.

– Привет, разведка! С удачным поиском вас! – проговорил старшина. – Посмотрите, какой праздничный фейерверк я вам тут устроил!

Действительно, наш всегда полутемный блиндаж на этот раз было не узнать. В полный накал горели две керосиновые лампы, освещая темные закоулки нашего неприхотливого жилища. В руках Остапчук бережно держал алюминиевую флягу, содержимое которой не вызывало ни у кого из нас лишних вопросов.

Старшина был нашим земляком родом из Бийска, где до войны командовал плотницкой артелью и слыл умелым хозяйственником. Это его качество быстро оценили на войне, и он стал незаменимым старшиной.

– Рассаживайтесь, хлопцы, – приветливо пробасил Остапчук. – Пока там на вас начальство наградные листы пишет, я вас от своего имени награжу! И не беспокойтесь, с Андреевым я договорился! За двое суток отоспитесь, если, конечно, в наступление не пойдем!

– Давай, Коля, – обратился он ко мне, – шустрей располагай свою команду, и начнем!

Было заметно, что старшина находится в хорошем расположении духа и хочет от чистого сердца угостить нас. Разведчики, не мешкая, положили оружие, вещмешки. Кто-то уже гремел ведром с водой, чтобы побыстрее умыться и занять свое место за праздничным фронтовым столом.

Через несколько минут все уже расселись по лавкам, вопрошительно поглядывая на старшину. Остапчук, сознавая важность момента, привстал из-за стола с флягой в руках и не торопясь, с достоинством, словно открывает дорогое французское вино, отвинтил крышку фляги.

– Что ж товарищи разведчики. По сто грамм и по медали вы сегодня заслужили! Не каждый день вы немецких летчиков ловите! – вместо тоста произнес старшина, который на гражданке, наверняка, был постоянным штатным тамадой. – За вашу нелегкую службу! Подставляй кружки!

Нас два раза просить не пришлось. Бесцветная струйка спирта в равных долях заполнила наши алюминиевые посудины. Мы дружно сдвинули кружки и глотнули обжигающую жидкость. Надо отдать дань многолетнему опыту старшины: спирта он наливал ровно на глоток, чтобы потом налить в те же кружки воду для запивки.

Выпив, мы, изголодавшиеся за ночь, налетели на кашу. Ложки дружно застучали по алюминиевым мискам. Кто-то старательно еще выгребал содержимое жестяных банок, кто-то уже прихлебывал чай. В блиндаже стало оживленнее, ребята начали вспоминать детали ночного поиска и как захватили летчика.

Иван Савинов, раскрасневшись, расстегнул подворотничок гимнастерки, и вдохновенно говорил соседям: «Понимаешь, когда я подскочил к немцу и начал его обыскивать, он на меня так поглядел, как будто сожрать собрался! Я тогда подумал: подавишься, фриц! Сейчас наша очередь вас бить! И честно скажу – очень захотелось по его холеной роже разок съездить!

– Да нам немец по гроб жизни обязан! – вступил в разговор разгоряченный Саша Безвиконных. – Мы его, может быть, от верной смерти спасли. Для него уже война закончилась. Отсидит у нас в Сибири в лагере пя-

ток лет и домой, в объятья своей фрау!

Все засмеялись, а старшина, улучив минуту, опытной рукой снова плеснул в кружки обжигающую влагу.

– Давайте, ребята, за то, чтобы всем нам остаться в живых, да еще и в Берлине побывать, увидеть их логово! – предложил я тост.

Разведчики сдвинули кружки. Глотнув, потянулись к котелку с холодной водой. На секунду в блиндаже стало тихо. Наверное, каждый в эту секунду пытался заглянуть в свое будущее, хотя бы увидеть то, что его ждет завтра.

Но кто мог знать, что будет с каждым из нас завтра. Война ежедневно собирала свою кровавую жатву. И то, что мы сегодня остались живы и сидим в блиндаже, предаваясь маленьким радостям фронтовой жизни, это уже было счастьем!

Треволнения прошедшей бессонной ночи, захват летчика, переживания, выпитое сделали свое дело. Сколько Остапчук не предлагал: «Давайте, бойцы, еще по третьей! Бог троицу любит!», ребята один за другим вставали из-за стола и, поблагодарив старшину, направлялись к своим спальным местам – нарам.

Наскоро приготовив постель, многие из них уже через минуту дружно посапывали, предаваясь безмятежному долгожданному отдыху.

Я как старший группы, подождав, когда все ребята отправятся спать, поблагодарил Остапчука: «Спасибо тебе, Федор Афанасьевич, за то, что устроил ребятам праздник. Они это заслужили. А чтобы ты не переживал, что у тебя во фляге что-то осталось, давай наливай на посошок!»

– Вот это дело, командир, – оживился наш землячок, которому явно хотелось выпить еще, тем более что начальство дало этому делу отмашку. – Подставляй кружку, Коля! Чтоб нам всем дожидаться победы! – подытожил он и одним махом опрокинул в рот очередную порцию горячительного.

Я последовал его примеру, закусив хлебом с приличным куском тушеной говядины. Допив уже остывший сладкий чай, попрощался с Остапчуком и направился к своей лежанке. Скинуть сапоги и раздеться было делом одной минуты, и уже укрывшись шинелью, я видел, как заботливый старшина загасил керосиновые лампы.

В мозгу всплыла невесть откуда-то взявшаяся фраза: «Закончен бал, погасли свечи...»

Я мгновенно уснул, словно провалившись в темную теплую воду.

Мы проспали почти до восьми вечера. А когда встали, помылись, побрились, подшили свежие подворотнички, то решили сходить в штаб к капитану Андрееву, чтобы узнать о нашем пленном летчике.

Но идти в штаб нам не пришлось. Словно угадав наше желание, в блиндаж зашел старший лейтенант Семин. Увидев вошедшего офицера, я, как того требует устав, подал команду: «Встать! Смирно!» Не успели ребята подняться со скамьи, как Семин дал отбой: «Вольно!»

Подойдя к столу, он присел на край скамьи, положил фуражку на колени и жестом пригласил всех собраться возле него.

– Давайте сюда поближе, – проговорил старший лейтенант. – Наверное, не терпится узнать, что за «языка» вы взяли?

– Вы наши мысли читаете, товарищ старший лейтенант, – улыбаясь, сказал Савинов. – Так что же за жар-птицу мы поймали?

– Действительно, ту еще жар-птицу! – подтвердил Иван Ильич. – Этот обер-лейтенант оказался бароном фон Райнером из довольно знатной семьи, командиром эскадрильи истребителей. Они прикрывали бомбардировщики, которые летели на бомбежку в наш тыл. Недалеко от Курска у них завязался бой с нашими «Лавочкиными» и «Яками».

Часть бомбардировщиков были сбиты, часть успели удрать

на свой аэродром. Его эскадрилью наши истребители здорово потрепали. И ему тоже досталось. Очередь попала в двигатель его машины. Он чудом вырвался из боя и на низкой высоте направился в сторону линии фронта.

Немец объясняет, что когда он летел, сопровождая «Хейнкели», то линию фронта было прекрасно видно по всполохам от выстрелов артиллерии. А когда возвращался, связь со его аэродромом и его самолетами была потеряна. Он не смог точно определить, где находится линия фронта и сбился с курса. Сел всего в шести километрах от немецких позиций, но был твердо уверен, что находится на своей территории.

И когда вы его захватили, он поначалу подумал, что его разыгрывают свои немецкие разведчики, переодетые в русскую форму.

Но потом, конечно, все понял. Когда переводчик сказал ему, что он был в шести километрах от своих, немец был просто в бешенстве. Он в ярости рвал на своем мундире пуговицы, ругался, хватался за голову. Вот уж истерик попался! Еще бы, такой знатный рыцарь, да в плен к русским мужикам угодил!

Но главное то, что он многое знает. Говорит, что на нашем участке фронта скоро начнется наступление, и они должны будут прикрывать с воздуха две немецкие танковые дивизии СС: «Адольф Гитлер» и «Рейх». И все это будет на южном выступе Курской дуги, то есть рядом с нами.

Значит, если летчик не врет, а особенно врать ему нет резона, то нас скоро ждут нелегкие бои. Такая махина на нас прет!

Пораженные услышанным, ребята притихли. Чтобы разрядить обстановку, я спросил: «А что с самолетом будет, Иван Ильич? – Ведь это тоже наш трофей!»

– И заметь, Коля, трофей ценный! – продолжал Семин. – На нем к немцам в гости можно не раз слетать, получив разведданные и не попав под немецкие зе-

нитки. Тем более что сейчас, наверняка, начнутся тяжелые бои.

Комдив уже связался со штабом армии, и они обещали прислать к нам летчиков и техников, чтобы те на месте могли отремонтировать и поднять в небо «Мессер».

А пока вы отдыхали, ребята из роты охраны уже были возле самолета и хорошенько его замаскировали, чтобы фрицы с воздуха его не обнаружили и не сожгли.

Ваш подопечный уже дает показания в штабе армии. Он может еще много интересного порассказать нашему командованию. Учитывая его родословную, у него, наверняка, хорошие связи в немецком верховном командовании, и информацией он владеет секретнейшей!

– А что с ним дальше будет? – поинтересовался Безвиконных.

– Если он не дурак, и не фанатик, то ему предложат работать в немецком антифашистском комитете. Будет общаться со своими соплеменниками через линию фронта по радио, вести деморализующую пропаганду.

А если откажется, то верная ему дорога в лагерь. Там такие, как он, наши разрушенные города и заводы отстраивают заново. Что сволочи на нашей земле разорили, пусть восстанавливают! Это будет справедливо!

А вас, ребята, капитан Андреев хочет представить к награде: за ночной рейд и взятого ценного «языка» вам положена медаль «За отвагу»! А там гляди и до «Красной Звезды» недалеко!

Слова Ивана Ильича оказались пророческими: все бойцы из моего разведотделения, в том числе и я, получили медаль «За отвагу». Это была моя вторая награда. До этого я был награжден медалью «За боевые заслуги». Отметили за взятого «языка» в канун седьмого ноября 1942 года...

МЕМУАР О ЖИЗНИ НА КРАУЛЯ – ЭТО БЫЛО ТАК НЕДАВНО...

Максим БАСОК

Первые воспоминания детства безусловно связаны с тем полудеревенским-полугородским образом жизни, который вела вся наша семья вплоть до декабря 1970 – времени выселения из частного деревянного дома по улице Крауля, 18а. Городу надо было двигаться вширь, и на месте скромной старенькой нашей избушки через год-полтора выросла длинная и унылая серая пятиэтажка. Как жила наша семья в этом доме почти сорок лет? Что-то я изложу – по воспоминаниям старших, что-то – из уже «осознанного» собственного житейского опыта.

Мама с бабушкой Екатериной Алексеевной переехали сюда из Кизела году в 1932, после смерти дедушки, Михаила Никоноровича. В Свердловске мама завершила свое школьное образование, в том числе получив на курсах специальность бухгалтера. Поработать по профессии пришлось ей, впрочем, недолго, поскольку уже в 18 лет она вышла замуж за подающего надежды врача-психоневролога Григория Ароновича Давыдкина. Жених был намного старше ее (1905). Мама родилась либо в 1918, либо в 1919 – точно уже никто не скажет, поскольку, по ее словам, в документах была ошибка: до этого ли было во время Гражданской войны?.. Григорий Аронович твердо стоял на ногах, защитил кандидатскую диссертацию, что в то время вообще было редкостью. При этом предположу, что наука интересовала его много больше житейских проблем. Небедная еврейская семья, похоже, не слишком жаловала юную невестку, придерживавшуюся иной веры. Кажется, мама не очень и расстраивалась. Ее юной, мощной энергетикой и обаяния вполне хватило на

то, чтобы влюбить в себя спокойного, меланхоличного, живущего «в мире науки» мужа. Он в ней, полагаю, души не чаял. Зарплаты его – новоиспеченного кандидата наук – вероятно, хватало, чтобы прокормиться всей семье, поэтому мама (видимо, перед перспективой рождения в конце 1940 г. первенца – дочери Эллы) прекратила работать. Тем более, что деревенский образ жизни требовал отдачи как в плане ведения хозяйства (корова, куры, немаленький огород), так и в связи с уходом за немолодой уже бабушкой. Позже – в семье прибавилось хлопот по воспитанию племянницы Людмилы – дочери рано умершей тети Гали и ее несколько странноватого мужа Самуила Марковича Мительмана. Еврея, типичного представителя ИТР с хорошим знанием немецкого языка, что, в конечном счете, сыграло определенную роль в уходе его на фронт, а также гибели его где-то под Ленинградом (Тихвин?) уже в самом начале войны: он был военным переводчиком. Итак, деревенский уклад, дом, хозяйство, двое детей уже за полгода до начала Великой Отечественной войны, на которую первый муж мамы Григорий Аронович как медик был мобилизован практически сразу с начала боевых действий, но попал в места, далекие от боев, на Дальний Восток (об этом – позже).

Вот в этот дом в поселке Верх-Исетского завода, уже в конце лета 1941 года «на постой» определился мой будущий отец – крепкий инженер Харьковского завода ХЭМЗ Басок Андрей Иванович. Как только первые бомбы упали на украинские города, завод эвакуировали на Урал, предоставив «бронь» ряду ведущих представителей ИТР. Судя по всему, свобод-

ного жилья в Свердловске было в тот период уже не густо. Ведь до работы (будущий поселок Эль-маш) Андрей Иванович добираться не менее полутора часов в одну сторону (трамвай, потом пешком).

Думаю, что, кроме понятия «судьба», здесь сыграла роль и определенная житейская прозорливость моей мамы, жены подполковника медицинской службы. А рассуждала она, видимо, так. Если уже не обойтись без сдачи жилья эвакуированным, то лучше, если это будет: 1) мужчина; 2) «положительный» мужчина (а у отца это было и на лице, и в поведении отчетливо заметно); 3) мужчина, у которого руки «из нужного места» растут. В хозяйстве, где из четырех женщин трое были – «старые и малые», в мужском труде нужна, конечно, была. При этом, учитывая удаленность от места работы, непрерывную рабочую неделю («Всё для фронта, всё для победы!»), можно было рассчитывать еще и на то, что жилец не будет всё время на глазах. Про дальние житейские расчеты речь здесь не шла: кто мог предполагать, что военврач высокой квалификации Григорий Аронович так нелепо, «вдали от битв», умрет на руках у коллег от вполне мирной болезни уже незадолго до конца войны?..

Так вот, мой будущий отец, «хохол, родившийся в Харбине» (дедушка был поездным машинистом на Китайско-Восточной железной дороге: потом, когда российских работников из-за пограничного конфликта вернули в Россию, дед Иван, его жена Христина Евменовна с маленькими Андреем и Марусей возвратились в Харьковскую губернию, село Пальчики), в будущую свою семью вошел, даже, что называется, «с приданым». На горящем Харьковском вокзале он прихватил (всё равно немцам оставлять!) несколько мешков с экзотическим продуктом – сырыми какао-бобами из Коста-Рики. По словам мамы, из них получались вполне съедобные кондитерские изделия. Кстати говоря, по мере сил постоялец и дальше помогал своим квартиросдатчикам, чуть подкармливая их от своего ИТР-овского пайка. А

иногда даже (в редкие выходные) сам варил в печке (на плите?) суп – так называемую «баланду», которой угощал хозяев. Не сомневаюсь, что значительно большая помощь с его стороны была по части починки электроприборов, ремонта крыш и заборов – ведь это все требовало мужских рук. Даже рабочее место Андрей Иванович организовал по-своему, установив на огромном пне, поставленном «на попа», большие списанные тиски. С тех пор вся деревообработка – не говоря о металле – осуществлялась только с их участием. (Позже сам я сделал для себя девяносто процентов хоккейных клюшек, многочисленные самокаты с подшипниками именно на этом пне и в этих тисках. Но – я забежал вперед...)

Деревенский образ жизни помог маминной семье выжить в голодные военные годы: семья была, благодаря наличию коровы, обеспечена молоком. Молоко удавалось еще и продавать, а на вырученные деньги покупать необходимые другие продукты и вещи. Скольких усилий это стоило (в том числе и моему будущему отцу: ведь заниматься проблемами сена, чистки коровника, содержанием в порядке двора ему приходилось тоже вплотную) – наверное, трудно сегодня осознать. Во всяком случае, семью обошли и болезни, и дистрофия, столь распространенная в эти лихие годы.

Когда уже не так много времени оставалось до Победы, мама предприняла «крутой» вояж: с маленькой дочкой на место службы Григория Ароновича – на самый Дальний Восток. Не будучи избалованной странствиями, она часто потом вспоминала красивую дальневосточную природу (похоже, что поездка состоялась в 1944-м). Более того, они с Эллой прожили там в сравнительно комфортных условиях чуть ли не полгода. На азиатском направлении в то время не было серьезных военных действий. А вот на похороны Григория Ароновича мама поехать не смогла – полагаю, потому, что бабушка просто не справилась бы с двумя внуками – Эллой и Людой. Смерть была абсолютно нелепой

– от обострения хронического гайморита.

Как пережила мама эту потерю – не могу сказать, но уже тогда, видимо, осознала она, что случай, пославший к ней на постой спокойного и порядочного жильца, – это подарок судьбы, которым нужно воспользоваться. Чего-чего, а уж трезвости житейской маме всегда хватало. Во всяком случае, свой брак мама и отец зарегистрировали уже после рождения моей старшей (средней, считая Эллу) сестры Наташи. Проблемы вхождения в новую семью моего отца, как я понимал, не было. И быть не могло: человек он был на удивление мягкий, добрый, сдержанный на эмоции, привыкший всегда делать добра людям больше, чем делали ему. Впрочем, взаимоотношения с тещей, судя по всему, были весьма непростыми. Бабушка моя к тому времени была уже сильно немолодой, привыкла властвовать в семье (мама моя, кстати, привычку эту впоследствии очень хорошо усвоила, что называется, «из первых рук»). И тут, в компании, где абсолютно не привыкли воспринимать представителя сильного пола как реального главу семьи (у бабушки было ШЕСТЬ дочерей, младшая из которых – моя мама, у мамы первенцы – тоже две дочери), да и не отстаивали мужчины в этих условиях свое первенство: им вполне хватало самоутверждаться на производстве, появляется абсолютно самодостаточный мужик, очень умный и тонкий, действительно интеллигентный «от рождения» – и при этом вполне знакомый с хозяйством. Ведь отец, прежде чем закончить вечернее отделение ХЭТИ (Харьковский электротехнический институт), работал квалифицированным слесарем и токарем, знал металлообработку, электротехнику, понимал и в плотницкой работе. Да и «деревенские» навыки были – скот в семье держали, овощи-фрукты растили – как на Украине без этого? Полагаю, что в семье не обходилось без конфликтов – тем более, что бабушке годиков было уже немало (родилась в 1875), какие-то моменты можно объяснить и старческой психикой. Во

всяком случае, по более поздним недомолвкам мне было очевидно, что к отцу она и придиралась по мелочам, и кое-какую напраслину возводила. В общем, тот факт, что работа отца весьма изматывала (один выходной в неделю, должность ведущего инженера, каждый день часа два-три уходило только на дорогу...) был для него, пожалуй, и плюсом. Меньше времени оставалось на выяснение отношений. Ну, а свое, не подлежащее пересмотру главенство в семье бабушка в конце жизни утвердила самым неожиданным образом. Хотите верьте, хотите нет...

Когда мама на последних месяцах была беременна мной, так или иначе в досужих разговорах окружающих возникал вопрос: кто родится, мальчик или девочка? УЗИ тогда не было (как ни смешно, это исследование теоретически могло – конечно, в сослагательном наклонении, – продлить бабушке жизнь)... Так вот, бабушка в категорической форме (а это, думаю, было нормой в семье!) заявила: «Родится парень – на руки не возьму!..» Ну, что: посмеялись – и закрыли тему.

В ночь на пятницу я изволил попроситься на свет Божий. Утром папа пришел в институт ОММ, узнал радостную весть и, как водится, донес ее до других членов семьи. «Что ж, воспитаем», – задумчиво сказала бабушка. И – не болевши никогда до этого – скоропостижно скончалась. В тот же день (!?). Понимаю, записной Скорпион (я родился 26 октября) «по легенде» меняется местами с одним из родственников. Но чтобы так сразу, с места в карьер?.. Тут же – еще одна подробность. Мама, прожившая с бабушкой все свои 33 (или 32? – тут неясность, которую никто уже не уточнит), была так потрясена ее смертью, что у нее тотчас пропало молоко. И меня – в прямом смысле – выкормила корова, поскольку питательных смесей в то время еще не было. Питаю с тех пор к этим добрым животным особую приязнь.

По словам старших, я на первых порах постоянно болел. Сестра Элла говаривала позже, что, каждый день, уходя в школу

на занятия, она была не вполне убеждена, что вечером застанет меня в живых. Однако внезапно произошел какой-то перелом, – и я вполне укрепился на этом свете. И даже болел впоследствии не так уж часто (так, ветряную оспу, которую все переносят в раннем детстве, отложил на ... шестнадцатилетие)...

Ниже – изложу подробности детского и раннего юношеского периода моей жизни, какими они видятся из дальних «двадцатых годов» века будущего. Больше всего врезалось в память, думаю, то, что давало ощущение покоя и стабильности – ДОМ во всех его проявлениях.

...Зимнее утро, за окнами – еще темно вне зависимости от того, закрыты или открыты голубые ставни. Я просыпаюсь на расположенной вплотную к печке старой железной кровати на весьма жесткой перине (под ней – доски). Звуки утра – приглушенное хлопанье входной двери, визг открываемых печных заслонок, грохот бросаемых на лист перед печкой поленьев, а потом треск разгорающегося пламени – располагают продлить ожидание тепла, новых впечатлений от начавшегося дня. Но надо вставать: даже если день был не рабочий, я никогда не любил залеживаться в постели – жаворонок, однако...

А потом – в кухне – ведра с царапающимися льдинками и умывание свежей водой, так что разогретую за ночь кожу лица пощипывает вполне ощутимо, а уж подмышкам – и вовсе зябко. На холодном влажном обтирании маме даже и настаивать не приходилось: и до сего дня очень люблю эту процедуру. Может быть – по контрасту, может быть – интуитивно ощущая, что за этим следует вполне осязаемая череда других маленьких, но вполне внятных радостей.

Среди них – (простите, ревнители благородных традиций!) и поход на улицу в холодный туалет. А до него – надо дойти (добежать?) метров сорок. И не обязательно полностью одетым. Однако во всем этом – какая-то первобытная доblesть. Как и от общения с совсем

близкой природой. И вода – настоящая, не подогретая, и воздух вокруг – естественный, бодрящий, и снег – вот он, под ногами, одетыми в большие «общие» калоши прямо на домашние тапки – скрипит...

Ну, а если время есть (и необходимость) – в руки немаленькую фанерную лопату и прогрести тропу на огород «к удобствам» типа «люфт-клозет» или к выгребной яме, которая чуть поближе. Иногда – и на улицу: порой засыпало снегом – будь здоров! А как звенят дрова, когда их рубишь на 20-градусном морозе!.. Прямо – поэма...

Всё описанное выше касается, конечно, только дней выходных или каникулярных. В будни – и полежать не успеешь, и все вышеописанные действия выполняешь единым наскоком. Зато как приятно вечером, после «трудов праведных» идти домой из школы по освещенной фонарями улице (ну, не было тогда вампиров-педофилов: почему – не скажу!). А ведь путь мой из школы по вечернему городу был немаленький: километра два с половиной. И преодолевать я его стал самостоятельно уже со второго класса. Притом – никаких вам приспособлений типа современного мобильника для связи со взрослыми.

Вряд ли поверят мне сегодняшние дети, бегущие домой, чтобы уткнуться в компьютер, за «стрелялки», что иногда причина ускорения вечернего пути домой была в предвкушении совместной с отцом работы по уборке снега (еще до ужина): из двора или отгребание его же на выезде. Мы очень ценили немногие минуты общения с ним, поскольку выпадали они сравнительно редко. Скажем, очень приятны были совместные походы в баню № 3 – примерно, раз в две недели, чаще не получалось. А во время этих – в то время казалось – длинных походов отец успевал рассказать что-то необычное из своей прошлой, «украинской» жизни, либо обратить внимание на неожиданные детали – так я запоминал номера трамваев по сочетаниям разноцветных фонариков на кабинках, либо глядели с высокой точки на красную звездочку – большой

светящийся прожектор на кинотеатре «Сталь», расположенном на дальнем ВИЗе...

Продолжаю: снега ежегодно выпадало немало. Надо было выносить его из двора, а также держать в порядке уличный подъезд к дому. Последнее – еще и потому, что у нас был автомобиль, точнее два, с небольшим перерывом. (Это страстное увлечение отца, полагаю, передалось через поколение нашему сыну.) Первый – маленький зеленый «Москвич» М-401 – смотрелся скромно. Зато вторая покупка – серо-голубая «Волга» – считалась в то время, пожалуй, предметом роскоши. Особенно для нашей, финансово очень скромно живущей семьи. Противоречие? Еще какое. Только вот в нашей стране при дефиците всего и вся в конце пятидесятых годов существовало правило, что один субъект не может одновременно владеть двумя «средствами передвижения». На все автомашины была длинная очередь, отмечаться в которой претендент «на повышение в классе» лично должен был ежемесячно. Купить новую мог, только отчитавшись о продаже старой, причем после этой сделки должен был пройти определенный срок. Отец стоял в очереди за «Москвичом» классом повыше, продал старую машину... Но нужного промежутка времени между покупками выдержать не удалось. А когда он наступил – очередь на нового «Москвича» проскочила, зато подошла... на «Волгу». (В двух очередях одновременно стоять не возбранялось). В стране СССР мы привыкли жить с запасом, что называется, «на всякий случай»... На семейном совете (у мамы – два голоса, и оба решающие) вынесен был вердикт: влезем в долги (очень большие, не менее половины стоимости «Волги»!), но машину – купим... И влезли, и мама несколько лет подряд экономила на многом, и старшая сестра работала по максимуму... Зато (пусть и редко), но испытывал я такой неопиcуемый кайф (словечко уже не из шестидесятых!), когда, сидя вечером на последнем уроке в музыкальной школе-десятилетке, наблюдал из окна, выходящего на улицу Сакко-

Ванцетти, машину, приехавшую, чтобы забрать меня домой... А поездки в выходной летом за ягодами-грибами по старому Московскому тракту!..

...Но – я отвлекся. Хотя зимой на машине ездили мало, за подъездами к дому надо было следить. В результате к марту с обеих сторон накапливались высокие – метра 2,5 горы снега, – и не надо было специально строить снежных городков. К весне снег хорошо затвердевал, и мы без опаски рыли там ходы-выходы. Когда дело доходило до взятия «сопки» (так мы почему-то называли эти горы), действовал абсолютно непререкаемый кодекс чести. Льдом в лицо – не кидаться, толкаться без подножек, никаких ударов исподтишка – ну, и так далее... В отличие от сегодняшних детей, воспитанных на нейтральных, безразличных к реальной боли мультиках, всё было как-то по-доброму. Одновременно и всерьез, и понарошку...

А какая изобретательность присутствовала в наших играх! В них столкнулись-смешались самые разные традиции и уклады. Дореволюционные крестьянские (прятки, ляпки), далее, игры, скорее, «дворянского» происхождения. (Так, в нашей семье сохранился комплект красивых деревянных раскрашенных кеглей, которые ставились в определенном порядке на расстоянии. Их надлежало сбивать деревянным же шаром.) Не вполне «законные» («чика»: сами мы в консервных банках и битки отливали, используя для этого свинцовые обмотки от кабелей). Были игры вполне в стиле советской эпохи – с разведкой, поисками красных и белых. Конечно – футбол с самыми немислимыми мячами (от резиновых красно-синих за 80 копеек, от которых в случае попадания в лицо оставались отчетливые синяки до дешевых волейбольных за один рубль восемьдесят (кирзовая покрышка с резиновой камерой с огромной трубкой для надувания и сыромятной шнуровкой – отнюдь не круглых). Иногда удавалось поиграть и вполне профессиональными мячами с профессиональными же воротами (но небольшими,

гандбольными) – это было на запасных полях недалеко расположенного Центрального стадиона. Хоккей – варианты без коньков, в валенках или теплых ботинках, с шайбой или мячом, с клюшками тоже разными, у кого – какая. Лучший вариант – вожденная покупная МЭФСИ за 2 р. 70 к., худшие – с круглым изгибом, для русского хоккея до самодельных. Игнали – и на льду, и на вытоптанном снегу, ворота – чаще опять же самодельные. У одного из приятелей – Славы – сохранился от предков (якобы купцов) огромный двор с колодцем, стайками, ранее предназначенными для лошадей. Места там хватало для вполне приличного хоккейного поля, которое сами и заливали, и оборудовали самодельными воротами с навесной железной сеткой.

Ну, а если время было в наличии, но погода не позволяла отдыхать на воздухе, скажем, шли затяжные дожди, можно было забраться на сеновал или в оставшуюся от голубиных занятий будку на крыше сарая у соседа Сережи и играть в карты, домино, шахматы, шашки... Были и довольно неожиданные варианты времяпровождения. С пяти-шестилетнего возраста мне покупали диафильмы, которые можно было смотреть индивидуально, в фильмоскоп, а можно – на стене, через диапроектор. Выше я уже писал, что домой – в тесное пространство – друзей почти не приглашали. Но в нашем дворе после сдачи коровы сохранилось вполне чистое сухое помещение с невыветривающимся запахом сена. Чем не зрительный зал? И усаживалось в бывшем коровнике до 5–8 друзей разного возраста, где мы демонстрировали через фильмоскоп разные диафильмы, от рисованных до сделанных «по мотивам кинофильмов» с сохранением их сюжетной канвы и использованием соответствующих кинокадров. Среди последних вспоминаю и «блокбастеры» типа «Ильи-Муромца» или «Сампо», и ленты военной тематики («Отряд Трубачева сражается»), и «шпионские» фильмы («Над Тиссой»). Между прочим, такие просмотры развлекали и в сюжетном плане,

заменяя одновременно и книгу, и кино. Еще – расширяли кругозор, приучали к культуре «смотрения». (Случайно ли, что сегодня в музеях на выставках весьма распространена похожая форма воспитания неофитов?) Не следует забывать, что в далекие шестидесятые телевизор только что дошел до нас, небогатых жителей окраин провинциального города, и сеансы «в коровнике» в известной мере компенсировали его отсутствие. Нам же с сестрой для полноценной состоятельности показов приходилось еще и от руки рисовать «афиши», в какой-то мере отражающие специфику того или иного диафильма. Так что это еще и слегка воспитывало художественный вкус – того, кто рисовал, и потенциальных зрителей. (Уклонюсь чуть в сторону от повествования и напомним, что, возможно, предыстория подобных показов именно в нашем семейном «клане» шла от увлечения одного из моих шуринов – Миши, мужа двоюродной сестры Нины. Еще в середине пятидесятых, когда телевизоров у населения почти не было, он, брал в прокате кинопроектор и динамик, также напрокат кинофильмы и крутил их для родственников в доме моей тети Тамары, жившей в квартале от нас. По мне, так качество показа было отличным: почти, как в кинотеатре. С одной лишь разницей. В кино фильм показывали с нескольких проекторов, меняя их, когда возникала необходимость переходить к очередной части. В среднем, в односерийном фильме их было от 8 до 12. При единственном проекторе после каждой части Мише приходилось делать перерыв для перезарядки, пожалуй, поболе, чем сегодня идет реклама на телевидении.

...А летние поездки на самодельных самокатах – на подшипниках, катящихся с немислимо оглушительным шумом! Самый шик – ехать к недавно открывшемуся Центральному стадиону, когда один из путей преодолевался шутя: если «туда» – то вверх, в гору, а «обратно» – с ускорением, с горы... Совсем шикарно – ехать от самого стадиона к улице Репина, опять же под гору – ветер в

ушах! Дополнительная фишка в том, что надо было на ходу попасть в узенькие проходы рядом с кассами, сделанные, чтобы болельщики не напирали перед матчем.

Тихие игры: от шахматных турниров (тогда парню не уметь играть в шахматы было почти стыдно: от «детского» мата (официальный шахматный термин!) учились уворачиваться уже лет в семь-восемь) до домино, карт (считался полезным даже «подкидной дурак»: как выяснилось позже, эти тренировки позже помогли легко перейти к «кингу» и преферансу).

Весенние радости. Пасха почему-то всегда выпадала на теплый день. Солнечный или хмурый, но – обязательно теплый, в который можно было просто млеть на солнце, впрямую ощущая как бы «причастность» к таинствам доброй природы. Подобное было, конечно, на уровне интуиции – ведь жили мы все отнюдь не в комфортных условиях, в деревянных домах, скученно, без всяких удобств. Пицца, приготовленная в печи (на электроплитке, примусе...), тоже была простой. И когда на смену воздержанию (собственно, пост держали немногие, но в обычное время все питались весьма скромно) на столе появлялись и куличи, и творожная пасха, и мясо, и свежие огурцы... (продлите сами этот список). Разговенье воспринималось как осязаемый поворот к новой, лучшей жизни, к лету, которое вот уже рядом – руку протяни!.. Благоговение просто разлито было в воздухе. Его ощущали все, хотя по-настоящему набожными были только представители старшего поколения. Отцы и матери – как правило – верили осторожно, с оглядкой. (Ну, не была еще тогда религия, как сегодня, нарочито выставляемой напоказ.) Ведь с 1943 – года «поворота к православным корням» по велению вездесущего Сталина – прошло всего-ничего. Впрочем, наш полугородской-полудеревенский уклад на ВИЗе в указанном плане чуть отличался от жизни в других районах. Дело в том, что в трех с небольшим кварталах от

нас находился Кафедральный собор Иоанна Предтечи. Близость его ощущалась даже без запрещенного тогда колокольного звона. На противоположной стороне улицы наискосок от нашего дома помещалось Епархиальное управление, где часто стоял «под парами» роскошный черный ЗИМ для Архиепископа. И священники похаживали в рясах и клобуках, и богомолки в домах поблизости останавливались. Иконы в то время были практически в каждом доме. В «красном» углу, но не заметные сразу при входе... Как бы чего не вышло: к осторожности советская власть приучила народ с самого начала. С детства помню спокойные тихие молитвы мамы. Будучи крещен бабушкой, выучил две самые простые. С небольшой ошибкой, как выяснилось позже, когда, лет сорок пять спустя, сочинял православные хоры на канонические тексты.

Еще Пасха запомнилась нехитрой детской забавой – состязанием в битве крашеных яиц: у всех разных. Тогда еще не было чуда «пищевой индустрии» – наборов для их раскраски. Ну и, конечно, перед самым Светлым Воскресеньем, в последние три дня мы как-то смиряли свою энергию. Даже громко разговаривать в семье было не принято, не то, что ходить на увеселительные мероприятия, или смотреть телевизор. Мама жестко постановила, что во время Страстей Господних надлежит только работать с особым усердием, воздерживаясь от проявлений радости. На эти дни выпадала главная сезонная деятельность: генеральная уборка в доме, выставление зимних окон, чистка двора. Это – не считая рутинной обычной работы и учебы. Зато уже суббота была днем великого ожидания. Еще в пятницу ставилось тесто на куличи в очень большом количестве. Готовились, мылись и чистились формы для них и для творожной пасхи, вытаскивалась из укромных мест собранная за годя луковая шелуха для окраски яиц, заготавливались и обрабатывались разные начинки для пирогов, пирожков и шанег – от грецких орехов до кураги. (А ка-

кое объединение было – только что вынутые из печи пирожки с черемухой!)

Жили мы довольно закрыто, гости бывали не так уж часто – хотя бы потому, что дети много работали за пианино и за письменным столом, а взрослые жили интенсивной трудовой жизнью. Это не очень-то способствовало расслабленности. Но для меня, привыкшего три-четыре часа ежедневно отдавать занятиям на пианино, Пасха была – днем свободы от них. Считалось, что в Светлый Праздник работать – большой грех. Утром мама приходила из церкви, – и начинался настоящий праздничный день, длинный, какими бывают дни только в детстве.

...Так что, когда я уже в очень зрелом возрасте прочел «Лето Господне» И.Шмелева, его благоговение перед Рождеством и Пасхой было мне совершенно понятно: я в полной мере ощущал его с детства...

А совместные походы купаться в жаркие дни? Собирались человек по 7–10 и шли на Верх-Исетский пруд кварталов 10–15: в общем-то, нелегкое испытание. Дойдя до «островка цивилизации» – Водной станции, решали, сюда ли идти, или чуть дальше – на Пески («дикий пляж»). Цена вопроса была всего-то 15 копеек – стоимость посещения Водной станции. Только она же – цена трех пирожков с повидлом, произведенных здесь же поблизости, на хлебозаводе, помещавшемся в помещении бывшей церкви. Оттуда упоительно пахло, что называется, «на всю округу». Так пахнет только в детстве, когда кушать хочется смертельно – скажем, после купания.

Мы умели находить плюсы даже в заведомо минусовой ситуации. Так, однажды наша мама решила воспользоваться небывало теплым летом, чтобы покрасить полы во всем доме разом (по принципу: пятясь от спальни до крыльца). Заблаговременно заготовили комплекты одежды на случай непредвиденных капризов погоды, постельное белье, простую, но надежную еду. (Замечу: впервые реально холодильником и газовой плитой я начал пользо-

ваться в 1971 году, когда снесли наш старый дом, и мы получили взамен квартиру.) И – перешли жить... на сеновал. Поскольку в хозяйстве оставались куры, за лето подручными средствами (коса и возможность потихоньку перевезти свежескошенную траву в мешках на собственной машине) удавалось обеспечить неплохой запас сена. Прожить на сеновале намечались ночи две, однако краска настолько медленно сохла, что этот период растянулся аж на недели полторы! К счастью, стояла стабильно жаркая погода. Небо сжалилось – и не посылало нам дождей. Кушали мы под огромной липой. С улицы был небольшой закуток в углу дома с не закрывавшимся на время покраски окном, через которое доставали посуду, подключали электроплитку и т.д. Эту мелкую неприятность пережили мы прекрасно, представив ее как своего рода экзотику. Таковую же, например, как возможность в жаркую летнюю погоду вместо походов в баню, которая находилась кварталов за 10 от дома, мыться в ... железном гараже. Утром, перед уходом на работу, отец выводил машину, ставил ее в прохладу под соседскую черемуху, свешивающуюся в наш двор, и накрывал простыней до вечера. Гараж же за считанные часы сильно нагревался на солнце (чем не парилка!), а уж внутри мы организовывали целую систему ведер и тазов. То, что вода после этого стекала в яму, из которой обычно производился ремонт машины, совсем не смущало (видимо, каменистый грунт быстро ее впитывал). Зато свою прелесть каждый только что помывшийся, еще распаренный субъект находил даже в самом выходе на солнце и свежий воздух...

Особо ценили мы всё, что было связано с садом-огородом. Тогда подход к этому виду деятельности был совсем иным, чем позже, в пору расцвета коллективных садов, где каждый индивид стремился чем-то выделиться из череды других. В наше время подход к посадкам был более прагматичным. Большинство соседей занимались только картошкой-морковкой-свеклой-укропом. Даже огурцы

сажали не все. Соседи, скажем, вполне всерьез выращивали травку, которая в просторечии именовалась... «огуречным духом»(?). О деревьях-кустарниках речь у многих хозяев вообще не шла. В нашем же саду-огороде стараниями мамы, кроме вышеперечисленного «джентельменского набора», росли и огурцы, и помидоры (последние, правда, вызревали поздно, хранились в валенках до моего дня рождения; культура эта не относится к числу моих любимых). Росли две-три яблони – впрочем, с не очень вкусными плодами. Раньше, чем у соседей, появились у нас крыжовник и черная смородина, что давало возможность делать заготовки – чаще варенье, но и смородину, протертую с сахаром. Была и клубника (ее называли – виктория) – но немного.

Нарисованная мною картина нашей патриархальной жизни шестидесятилетней давности на отшибе от центра провинциального города кажется вполне идиллической. Увы: цивилизация наступала на наши владения вполне целенаправленно. Началось с того, что у нас и соседей по приусадебным участкам под здание котельной отрезали внушительные куски территории. Пока пришлось всего лишь «ужаться» с огородными посадками. Ну, а лет через пять после этого нашей вполне провинциальной улице Крауля пришла пора превратиться в современную магистраль с серьезным автобусно-троллейбусным движением, многоквартирными высотками... Конечно, по меркам семидесятых годов прошлого века, сегодня это вполне заурядный район, не сравнить, скажем, с теперешним Академическим... Все наши детские радости и печали остались в далеком прошлом...

Может быть, пришла пора вспомнить о них – спустя более чем полвека?..

«РУШ» В СУДЬБЕ ОДНОЙ СЕМЬИ

Галина ГУЛИНА

На южной окраине Нижнего Тагила, среди соснового бора на берегах речки Руш и старинного пруда скоро столетие – с 1926 года – несет службу здравница. Когда началась финская военная кампания, уютно расположившиеся в живописном местечке Дом отдыха и пионерский лагерь большого трудового уральского города превратились в эвакуационный госпиталь. До весны 1946-го здесь лечили солдат и офицеров, получивших ранения на фронтах Великой Отечественной войны.

Теперь это санаторий областного значения с коротким теплым названием «Руш». Сюда едут укрепить здоровье люди, пострадавшие от опасностей и соблазнов цивилизации. Разные и по возрасту, и по роду занятий пациенты оказываются под опекой крепкого, дружного коллектива. Место работы для большинства словно дом родной. А как иначе, если кто-то с рождения живет тут же, в микрорайоне для медперсонала. Поэтому тех, кто в сороковые годы прошлого века делали всё возможное и даже невозможное, чтобы вернуть к полноценной жизни получивших ранения в сражениях за светлое будущее страны.

Девчата в одинаковых халатиках и косыночках, словно стайка белых птиц, весело выпорхнули из распахнутых дверей здания Негромко щебеча, уселись на скамейке тенистой аллеи. Грозные времена позади, появились просветы среди рабочего дня, но всё же нечасто получается встретиться вместе.

Негромкий разговор прервал возглас:

– Ой, Зойка, гляди-ка, наверное, за тобой идет!

Разве кто мог подумать, что шутливо брошенная фраза окажется пророческой. По аллее, не спеша, шел парень в военной форме.

ЗОЯ

Совсем девчонкой пошла работать. Когда началась война, жизнь ее резко поменяла уже ставшее размеренным течение. Уволилась с золотого прииска, уехала из родного Николо-Павловского села. Эвакуационному госпиталю требовались санитарки. Так Зоя оказалась в Нижнем Тагиле. Среди мобилизованных девчат, далеких от медицины. Поселили их в общежитии – до лечебных корпусов рукой подать. В таких же деревянных двухэтажных домиках жили врачи, медсестры. Белые халаты надолго объединили всех в одну семью.

Сигнал тревоги поднимал на ноги весь персонал. Очередной эшелон с ранеными мог прибыть в любое время суток. Случалось, весь вечер и ночь принимали прибывших, а в шесть утра – на работу.

Первый санитарный поезд доставил 500 человек с Ленинградского фронта. Госпиталь, рассчитанный на 700 мест, потом бывало принимал до тысячи раненых. Подъездные пути от станции Старатель позволяли подгонять вагоны на территорию госпиталя. Это облегчало и ускоряло разгрузку. Немногие из прибывших могли передвигаться самостоятельно. Переносили на носилках. Выручали подводы, запряженные быками.

Прежде подготовленных для них палат раненых доставляли в моечную – баня находилась рядом. Раздевать их и мыть для Зои,

как и для других молоденьких санитарок, оказалось немислимым испытанием. Но страх и стеснение прошли так же скоро, как пришла привычка быстро выполнять любую работу по уходу за ранеными. Спокойный, но твердый голос доктора всё расставил на свои места: «Для вас это не голые мужчины, а пациенты, и им срочно нужна медицинская помощь».

В операционной сутками не гас свет. В день по 13–15 операций делалось. И не было случая, чтобы не было выполнено назначение врачей. Надо в рентгеновский кабинет – и девушки-тростинки, в чем душа только держится, на руках поднимали больных на второй этаж. Становились донорами. Тяжелораненых кормили с ложечки. Стирали в пруду бинты, разгружали дрова, помогали на пищеблоке, в перевязочной. Зоя сама бинтовала, у нее это ловко получалось.

Тяжкий груз лег на хрупкие женские плечи. После работы – сбор хвойных иголок, лесных ягод, крапивы, шиповника. Витаминными напитками поили больных. Для особенно ослабших выращивали алоэ: пропускали через мясорубку и добавляли сахар. Отпаивали молоком. За короткое время у госпиталя появилось свое большое хозяйство. Завели коров, разбили огород. Из мертвых возвращали к живым.

Ставить на ноги здесь умели. Раны заживали, по каплям возвращалась сила, а с ней стремление вернуться в строй, чтобы «бить немцев до Берлина». С фронта в «Руш» летели солдатские треугольники со словами благодарности. Когда их зачитывали вслух, куда-то исчезала усталость, лица светлели от прилива теплоты и радости. А когда раненого не удавалось спасти – ревели, не скрывали слез. Каждая смерть воспринималась словно личное горе.

Зоя стойко выдержала выпавшие на ее долю испытания. Прошла жестокую, но праведную школу жизни. Каждодневный пример самоотверженности врачей, медицинских сестер делал ее сильнее.

Борис Артыухин.

БОРИС

Борис Артыухин из семьи репрессированных. Появился на свет в уральском городке Касли. Когда родителей отправили на строительство в Нижний Тагил, они, оставив старших детей на самостоятельное существование, взяли с собой пятилетнего Боря и его младшую сестренку. Место стройки располагалось на речке Руш.

...Шел второй год войны. 19-летний токарь Высокогорско-

го механического завода после курсов санинструкторов в числе уральцев-новобранцев оказался на фронте. Участвовал в Сталинградской битве. С поля боя выносил раненных бойцов, оказывал доврачебную помощь. В июне 43-го получил гвардейский значок. Пригодилось умение бегать на лыжах. Довелось с самолета прыгать с парашютом прямо в пекло сражения. Бориса Артыухина представили к награде. Но орден Красной Звезды нашел героя позже, в октябре 46-го.

Армейские книжки Бориса Арфьева.

Прервало его пребывание на переднем крае тяжелое ранение в бедро. Полгода лечения прошли в Златоусте, вблизи родных мест. Но повидаться с родными ему не удалось. Из госпиталя – сразу на фронт. Выйдя на полустанке за кипятком, он не успел к уходящему поезду. Догонял состав не без приключений на попутных машинах, как Владимир Ивашов в роли Алексея в фильме «Баллада о солдате».

Воинская служба Бориса в медико-санитарной роте продолжалась до февраля 1945-го. Получил направление на учебу. В Омское военно-медицинское училище прибыл с новеньким воинским удостоверением. Старую красноармейскую книжку со сквозным отверстием от осколка снаряда, застрявшего на последней страничке, оставил на память. Учился, испытывая двойственные чувства. Понимал, что с медицинской уже не расстанется. Но чему учили первокурсников в стенах тихих учебных кабинетов, он месяцами осваивал под оружейный

гул, взрывы, стрельбу. Невыносимой казалась разлука с близкими. Его звал Урал. И вернулся солдат медицинской службы с орденом на груди туда, где вырос, откуда ушел на фронт. Предложили работу инструктора ЛФК в здравнице «Руш» – не задумываясь, согласился. И начался для молодого человека новый этап жизни – мирной, счастливой.

АРЕФЬЕВЫ

Прошла война, прошла юность, не прошла жизнь. Они встретились, чтобы не расставаться. Он спасал раненных бойцов на передовой, она выхаживала раненых в тылу. «Руш» свел их, породнил. Тут была их работа, их дом. Здесь родились дети, росли внуки.

Главой семьи все негласно воспринимали Бориса Васильевича. Авторитет его был непоколебимым. Поэтому всё решалось через него. Спокойствием своим гасил вспышки напряжения – что в семье ни бывает, где есть дети. Дочь

и сын, а потом и внуки не огорчали непослушанием.

Без дела Борис Васильевич не сидел. К этому был с детства приучен. И другим занятие находил, скучать не давал. За что брался, делал не спеша, основательно. Многому внуков научил. «А так дед делал!» – часто можно было слышать такую фразу.

Осколок, что в госпитале не удалось удалить, давал о себе знать. Но Арефьев по натуре оптимист, верил, что сумеет восстановиться. И это ему удалось. Ходил уверенно, ступал твердо. Только к концу жизни стал ногу подволакивать.

Не стало Бориса Васильевича в 2000 году. Родные исполнили его наказ похоронить вблизи братской могилы. Здесь, недалеко от санатория, в сороковые годы нашли последний приют 653 фронтовика.

Зоя Васильевна пережила мужа на девять лет. Из сердца ни на минуту не уходила память о дорогом человеке. Благодарил судьбу, что свела их вместе, что шла по дороге жизни рядом с

Супруги Арефьевы.

Людмила Борисовна Карташова.

надежным, умелым мужчиной – словно защищенная крепким крылом. Последние годы много читала классической литературы, на что в юности не оставалось времени. Скоро, с удовольствием управлялась по хозяйству. Вкусно, с любовью готовила. В праздники в доме пахло вкусной выпечкой.

С соседями Зоя Васильевна поддерживала хорошие отношения. Дружила с Полиной Ефимовной Сахаровой – она брила и стригла, парикмахером была. Ее дочь Алевтина Ивановна Дужак продолжила трудовую династию, но уже по медицинской линии – врач-лаборант. Никогда не расходились пути с Ольгой Ивановной Яговки-

ной, санитаркой процедурного кабинета. Санаторный трудовой коллектив стал своим и для ее дочери, Галины Максимовны Юсифовой. С большим уважением жители их пятиэтажки относились к Елене Николаевне Колмогоровой. Врач-фронтвик, основатель рентгенологической службы в санатории «Руш», ас-диагност прожила долгую жизнь, оставаясь приветливой, интеллигентной женщиной. Жила очень скромно, заботясь о матери и брате-летчике, вернувшемся с фронта инвалидом.

Людмила, дочка Зои Васильевны и Бориса Васильевича, после медицинского училища поступила в центральную городскую боль-

ницу Нижнего Тагила. В стационаре проработала 13 лет постовой медсестрой. Родители радовались, что у нее, пусть не сразу, с опытом пришла тяга к профессии. Были счастливы, когда, уже имея семью и без капли сомнения, что связала себя с медициной, Людмила Борисовна Карташова перешла в санаторий «Руш». С 1986 года – старшая медицинская сестра неврологического отделения, а выйдя на пенсию, продолжила работу в процедурном кабинете.

Ее брат, Виктор Борисович, инженер, специалист Нижнетагильского института испытания металла, работал на полигоне «Старатель» и жил в родном по-

Современный корпус санатория Руш.

селке Руш. 9 мая собирались вместе три поколения семьи, чтобы возложить цветы к обелиску на братской могиле. Так было принято: от старших к младшим передавалась память о времени жестоком, но полном веры, отваги и героизма.

В этот день обязательно пекли рыбный пирог. Арефьев-старший родом из озерного края, где такая стряпня готовилась в каждом доме. Здесь же никто другой так не стряпал, чтобы речная рыба в тесте лежала целиком, с головой и костями. Неукоснительно соблюдался ритуал: Борис Васильевич снимал тонкую верхнюю корку, делил пирог так, чтобы каждому

по целой рыбке досталось. Сам особенно любил рыбки головы, глядя на него – и сын пристрастился, а потом еще пуще – внук. И не было случая, чтобы кто-то подавился косточкой.

Вот уже пять лет, как не стало Виктора Борисовича, недолго прожил без любимого дела, оказавшись на пенсии. Могила его рядом с отцовской, на родовом захоронении на краю братской могилы. Здесь образовалось поселковое кладбище. Каждый раз в День Победы потомки Бориса и Зои Арефьевых с цветами идут к обелиску – жив негласный завет. Не забыта традиция и печь поминальный пирог. Теперь разрезает его по стар-

шинству Людмила Борисовна. И когда в ее квартире раздается: «Пойдемте: пирог готов!», все собираются за столом. И звучат стихи Симонова, песни военных лет. В память о дорогих сердцу людях. В память о подвиге, о мужестве народном.

В

ЦИРК НА «РОЗОЧКЕ»

Павел СТИХИН,

**Коренной свердловчанин,
член Союза журналистов
России.**

Жители Екатеринбурга, особенно те, что помоложе, любят свой великолепный цирк, который был возведен в городе (тогда еще в Свердловске) к началу 1980-х на углу улиц Куйбышева и 8 Марта и долгие годы успешно возглавлялся известным клоуном Анатолием Марчевским. Круглогодично цирковые артисты радуют детвору своим умением искусно эквилибрировать на канате или диких зверей укрощать, заставляя огромных львов и тигров за «пайку» мяса с рыбьим жиром

перепрыгивать на арене с тумбы на тумбу.

А до сентября 1975 года свердловский цирк располагался в построенном еще в конце 1920-х годов на пересечении Куйбышева и тихой зеленой улицы Розы Люксембург (которую все местные ласково называли «Розочкой») деревянном здании с высоким круглым куполом и классическим манежем с опилками. Понятно, что для ребятишек с окрестных улочек (Горького, Гоголя, Белинского, Карла Маркса), тогда еще сплошь застроенных дореволюционными, купеческими и мещанскими, одно- и двухэтажными серенькими особнячками и домиками с огородами, дощатыми дровяниками и «удобствами во дворе», здание цирка с его динамичными и яркими представлениями, сияющей в свете прожекторов медью духового оркестра и известными на весь мир столичными артистами было культовым сооружением, притягивавшим к себе как магнит. (Замечу, что свердловский цирк привлекал к себе не только местных детишек. 11 июля 1955 года здесь на вечернем представлении побывала вьетнамская правительственная делегация во главе с Хо Ши Мином, встреченная зрителями такими овациями, какие и самому Карандашу не снились. А через год, в начале сентября 56-го, тут, на «Розочке», наслаждался советским цирковым искусством (ну и, конечно же, чертовски привлекательными его представительницами из числа крепеньких воздушных гимнасток и прочих акробаток с дрессировщицами) дюже охочий до всяких развлечений, в особенности, с участием gadis-gadis manis («гадис-гадис манис» – по-индонезийски, «сла-

...Рубеж 1960–70-х годов. Свердловский цирк на пересечении «Розочки» и улицы Куйбышева (перед ним – заросли сирени и акации и ограждения моста через упрятанную к тому времени под землю речку Малаховку). Это самая первая «фотка», самостоятельно сделанная Сергеем Власовым, жившим по ул. Розы Люксембург, 49, сразу же после того, как родители подарили ему на день рождения фотоаппарат (а с чего же еще было начинать? Конечно, с любимого цирка!), поэтому за качество ее извиняюсь. В том сезоне в Свердловске выступали артисты «Литовского цирка» из Вильнюса, а также знаменитый дрессировщик Виктор Тихонов и клоун Анатолий Смыков. В начале сентября 1975 года старый свердловский цирк неожиданно сгорел (люди поговаривали, будто бы городские власти его намеренно сожгли, чтобы со сносом не возиться). А на Малаховке я специально задержался – уж очень мы, пацаны с «Розочки», любили играть в начале 60-х на ее бережку, у самого моста, пока она свободно текла под солнцем.

деньких девчонок». – Прим. автора), да пофактурнее, президент Индонезии «папаша Сукарно»; причем, он приехал на представление почти сразу же после приземления в городском аэропорту «Кольцово», даже не отдохнув с дороги. Да, в те времена в нашем цирке было на что (и на кого) посмотреть, жаль только, что, не имевший отопления, он мог работать лишь летом! Я на всю жизнь запомнил иллюзиониста Игоря Кио, укротителя зверей Виктора Тихонова, дрессировщика Валентина Филатова и его умных медведей на мотоциклах, «Цирк на льду» (и это посреди лета!), а также любимца публики веселого клоуна Бориса Вяткина с его собачкой по кличке Манюня, ходившей в темное время суток с красным «стоп-сигналом», горевшим у нее под хвостом (этот добрый дядя иногда и местным шпингалетам давал поводить Манюню по «Розочке» на поводке). Трудно забыть и репризы необычайно пластичного Леонида Енгибарова – тоже, как бы, клоуна, но клоуна печального и не похожего на других... А вот невероятно популярный в те годы коверный клоун Юрий Никулин, пусть и «не любивший» жонглировать и эквилибрировать, но зато умевший очень смешно и одновременно трогательно шмыгать носом, в Свердловске почему-то не выступал. Ему, видимо, и Москвы с Ленинградом хватало, да еще съемки в разных кинофильмах...

Периодически в Свердловск на гастроли приезжал и «Цирк лилипутов». Миниатюрные артисты в нарядных сверкающих костюмах ловко жонглировали какими-нибудь блестящими кольцами или булавами, поднимали всякие тяжести и, как могли, веселили народ, пришедший поглазеть на столь необычных циркачей, выкрикивавших, между делом, своими звонкими голосами, что, мол, «мал золотник, да дорог» и «велика Федора, да... «дора»!

Конечно же, эти удивительные артисты не могли не привлечь внимания местных мальцов, которых однажды кто-то «просветил», что лилипуты только с виду маленькие, но на самом деле они,

Солнечные улочки детства. «Розочка» в те времена, когда движение по ней было совсем слабым. Дома №№ 42 (на переднем плане) и 40 (добротная пятиэтажка постройки 1950-х с полнометражными квартирами и «Булочной» с замечательными пирожками с «повидлой» на первом этаже).

1980-е. Тротуар улицы Розы Люксембург возле домов №№ 51 и 53, выводящий к улице Куйбышева через придорожные заросли сирени. На этом самом месте пущенная под землей речка Малаховка пересекает «Розочку». (Сейчас здесь повсюду гранит, бетон и огромные современные здания, а речка все там же, в подземном коллекторе...)

будучи циркачами, «неимоверно сильны физически» и, к примеру, взрослого мужика в схватке легко могут уложить на обе лопатки. ...Захотелось проверить (а заодно и развлечься), тем более, что сделать это было несложно, так как все артисты цирка, в том числе и лилипуты, каждый день ходили по Розы Люксембург из «Централь-

ной» гостиницы, где они жили, на работу, в цирк и обратно, а один лилипутик даже ездил туда-сюда на велосипеде по обочине проезжей части (в те годы движение по «Розочке» было слабым, даже тихходный гужевой транспорт чувствовал себя на дороге вполне вольготно (к примеру, лимонад в ящиках с дислоцировавшегося в

В новом Свердловском цирке. 1990-е...

конце улицы Свердловского безалкогольного комбината неспешно развозили на телеге дедки-возчики), а по вечерам и в выходные ребяшня вообще превращала полностью освобождающуюся от машин дорогу в игровую площадку: никакого шума моторов, только звонкие ребячьи голоса, изредка перекрывавшиеся резким, «озабоченным» криком гражданки Трусовой, проживавшей на верхнем (втором) этаже 42-го дома: «Борька», бутылку-то купил?» Ну, понятно, что не бутылку лимонада или газводы «Колокольчик»...) Вот этого «велоспортсмена» ребята и решили избрать объектом для своей «проверки на дорогах»: «пацаны, навалимся на лилипута из кустов, когда он будет проезжать мимо, а там посмотрим, кто кого!»

...И в один теплый летний день целая ватага малолетних «кулюганов» затаилась в густых придорожных зарослях акации и сирени перед мостом через Малаховку (небольшую, вроде ручья, речку, недавно, года за три-четыре до того пущенную по подземному коллектору), поджидая «грозного циркового силача». Вскоре послышался жалобный, пронзительный скрип детского двухколесного велосипеда (такие «машины» изначально продавались в трехколесном варианте, но когда ребенок немного подрастал, их можно было превратить в двухколесные, сняв одно

Детский комбинированный велосипед, середина 1960-х.
(В уютном зеленом дворе дома № 45
по улице Розы Люксембург,
где и проходило мое счастливое детство).

колесо; я, например, на подобном «комбинированном велике» (марки ДКВ-2 Тульского велозавода) до шести лет по «Розочке» гонял), и когда волнующиеся в ожидании «схватки» пацаны увидели приближающегося к месту засады маленького человечка с невеселыми взрослыми глазами, они сразу осознали весь идиотизм ситуации: ведь это же надо было додуматься – целой толпой напасть на лилипутика! Да уж, действительно, «велика Федора, да...»

После этого случая я (а мне тогда уже лет десять было) почему-то перестал весело смеяться на представлениях лилипутов; а еще, встретившись как-то раз в цирке взглядом с одним тигром, когда тот сидел на тумбе в ожидании своей очереди прыгать через горящий обруч, я начал очень сильно жалеть зверей в клетках. А вот когда какие-нибудь «талантливые» собачушки (уточним, на всякий случай: это не помесь собак и «чушек-хрюшек», а такие маленькие собачки, вроде болонок) на манеже «выступают», это ничего – им же не привыкать на задних лапках ходить. Это им даже идет...

Такой вот, братцы, был у нас «на Розочке» цирк...

Б

И.Старцева. Химера.

HG 3.18